

ДРЕВНІЕ КЛАССИКИ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ДЕМОСФЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

5 ✓

Изданія КОВАЛЕВСКАГО.

Сочиненіе ОСКАРА ІЕГЕРА.

(Директора Кельнской Гимназіи Фридриха Вильгельма).

I.

ИСТОРИЯ РИМА

съ третьяго нѣмецкаго изданія переведено П. Морозовымъ
Ф. Резеперомъ.

Большой томъ, около 43 печатныхъ лист., съ хронологической таблицей и 2 картами, отпечатанными въ Готѣ. Ц 3 р. 50 к. пер. 3 ф.

II.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

Со 2-го нѣм. изданія. Большой томъ, около 43 печ. лист. съ хронологической таблицей, и картою Греции. Ц. 3 р. 25 к. перес. 3 ф.

Авторъ этихъ сочиненій, директоръ и вмѣстѣ преподаватель исторіи въ высшихъ классахъ кельнской гимназіи, имѣлъ въ виду читателей, которымъ отчасти знакома исторія Греции и Рима. (Въ Россіи книги эти предназначаются для VIII кл. Гимназіи). При этомъ авторъ—главнымъ образомъ—позаботился, чтобы простымъ, яснымъ и занимательнымъ изложеніемъ возбуждать интересъ къ серьезному чтенію. Приводимъ отзывъ объ этихъ книгахъ наиболѣе уважаемаго въ педагогическомъ мірѣ органа Диттеса: „Pädagogischer Jahresbericht“ за 1874 г. Сочиненія эти прекрасныя книги для чтенія. Изложеніе автора можно прямо назвать образцовымъ. Учительскія библіотеки высшихъ школъ не должны обходиться безъ этихъ сочиненій. Книги Іегера единственное средство безъ самостоятельнаго обученія источниковъ пріобрѣсти отчетливое представленіе о жизни древнихъ.

ск-т; ме-; ф- Kinds-72

СБОРНИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

E 112 (дополнительная серия.)
66 801-17
2538
801-96
4536-6

ДЕМОСΘΕΝΗΣЪ,

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

ЛУКАСА КОЛЛИНСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1877.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введение	1
Глава I. Греція четвертаго вѣка до Р. Х.	4
» II. Македонія и Филиппъ	16
» III. Первая молодость Демосеена	27
» IV. Демосеень вступаетъ на политическое по- прище	40
» V. Раннія рѣчи Демосеена касательно ино- странной политики	55
» VI. Первая рѣчь Демосеена противъ Филиппа. Рѣчь за независимость жителей Родоса	70
» VII. Филиппъ и Олинъ. Рѣчи Демосеена въ защиту олинейцевъ	88
» VIII. Демосеень и Мидій	102
» IX. Филиппъ овладѣваетъ Термопилами и Фо- кидою. Миръ между нимъ и Аѣинами. Совѣтъ Демосеена	111
» X. Демосеень продолжаетъ свои рѣчи про- тивъ Филиппа	122
» XI. Херонея. Паденіе Греціи	146
» XII. Состязаніе между Демосееномъ и Эскиномъ	163
» XIII. Послѣдніе дни Демосеена	178
» XIV. Демосеень въ судѣ	186
Заключеніе	209

15/25-39

2007466916

ДЕМОСΘЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Знакомыя намъ съ дѣтства имена Демосѳена и Цицерона неразрывно связаны въ нашей памяти. Имена эти вызываютъ въ насъ цѣлый рядъ представленій. Все краснорѣчіе древняго міра сосредоточивается въ нихъ. Есть еще одна причина, почему мы всегда будемъ соединять этихъ двухъ людей въ нашихъ мысляхъ. Оба они посвятили себя уже отжившему дѣлу; оба были осуждены на изгнаніе; оба дожили до радости быть призванными съ торжествомъ обратно въ свою родину; наконецъ оба, когда дѣло ихъ окончательно было проиграно, предпочли умереть, чѣмъ пережить позоръ отечества. Дѣйствительно, между жизнью и судьбою этихъ двухъ людей существуетъ странное сродство, и ни одна изъ параллелей Плутарха не такъ удачна, какъ та, которую онъ проводитъ между ними

Лучшее и благороднѣйшее краснорѣчіе должно происходить изъ искренняго, политическаго убѣжденія, Цицеронъ былъ вѣренъ преданіямъ древней республики и считалъ сосредоточіе власти въ лицѣ одного человѣка равносильнымъ позору и паденію своей родины. Греческій ораторъ не могъ представить себѣ худшаго бѣдствія, чѣмъ то, что Греція перестанетъ быть союзомъ свободныхъ, самоуправляющихся общинъ и сдѣлается областью чуждаго королевства или имперіи. Не сочувствовать подобному убѣжденію—нельзя. Оно во всякомъ случаѣ было благородно, хотя съ каждымъ днемъ становилось все менѣе и менѣе выполнимымъ, какъ ясно видѣли это многіе, вполне честные современники Демосфена, бывшіе его политическими врагами. Благороднѣйшія стороны греческой жизни и лучшее вліяніе ея на міровую цивилизацію были тѣсно связаны съ тою формою существованія Греціи, о которой мечталъ Демосфенъ. Его краснорѣчіе доходитъ до своего высшаго предѣла, когда онъ настаиваетъ на ея твердой рѣшимости въ былые дни противиться до самой смерти всякому чуждому вмѣшательству или вліянію. Разъ подчинившись ему, Греція, по его мнѣнію, переставала существовать.

Въ общей сложности греческій ораторъ представляетъ, быть можетъ, еще болѣе величественный образъ, чѣмъ римскій. Во всякомъ случаѣ онъ былъ прямѣе и мужественнѣе. Его политическая карьера

была достойнѣе и послѣдовательнѣе, и въ жизни его насчитывается меньше минутъ слабости. Цицеронъ, правда, былъ человѣкомъ рѣдкаго образованія и необыкновенно пріятенъ въ жизни; но въ то же время онъ несомнѣнно былъ тщеславенъ и себялюбивъ. Демосфенъ невольно производитъ на насъ такое впечатлѣніе, что Греція всегда занимала первое мѣсто въ его мысляхъ. Какъ ораторъ и государственный дѣятель, онъ долженъ быть поставленъ выше Цицерона. Какъ ораторъ, онъ обладалъ болѣе прочувствованнымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; какъ государственный мужъ, онъ выказывалъ большее единство цѣли и большее нравственное мужество.

Время Демосфена совпадаетъ съ четвертымъ столѣтіемъ до Р. Х. Читатели вправѣ требовать отъ насъ краткій абрисъ этого періода, такъ какъ для пониманія рѣчей Демосфена необходимо нѣкоторое знакомство съ греческою политическою жизнью этого времени. Македонія и ея быстрое возвышеніе при царѣ Филиппѣ, также заслуживаютъ хотя краткаго напоминовенія. Исторія этого времени нѣсколько запутана и не можетъ быть передана въ очень сжатомъ видѣ; въ слѣдующихъ двухъ главахъ нами сдѣлана попытка познакомить читателя по крайней мѣрѣ съ ея общими чертами.

ГЛАВА I.

ГРЕЦІЯ ЧЕТВЕРТАГО ВѢКА ДО Р. Х.

Въ пятomъ столѣтіи до Р. Х. Аѣины стояли во главѣ греческаго міра. Государство это состояло изъ «подвластныхъ областей», и по самому существу своему не отличалось особенною прочностью. Хотя правленіе Аѣинъ нельзя было назвать деспотическимъ, тѣмъ не менѣе оно во многихъ мѣстахъ возбудило противъ себя жестокое и завистливое озлобленіе. Попытка Аѣинъ подчинить себѣ Сицилію была признана всѣми первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ, болѣе опаснымъ предпріятіямъ. При существующихъ обстоятельствахъ, попытка эта была дѣломъ крайне рискованнымъ. На морѣ, правда, аѣиняне были всемогущи, но на сушѣ у нихъ были опасные враги въ самомъ близкомъ ихъ сосѣдствѣ — Фивы—съ сѣвера, Спарта—съ юга. Послѣ жестокаго пораженія, которое они потерпѣли въ Сициліи, аѣиняне едва-ли могли помѣряться силами со Спартою, ставшею во главѣ Пелопонеза. Тѣмъ не менѣе, они все продолжали борьбу, одержали даже нѣсколько побѣдъ, пока

наконецъ длинный поединокъ, извѣстный подъ названіемъ пелопонезской войны, не заключился въ 405 г. до Р. Х. рѣшительнымъ сраженіемъ при Эгоспотамосѣ. Здѣсь, въ водахъ Геллеспонта, почти весь аѣинскій флотъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ спартанскимъ адмираломъ Лизандромъ.

Теперь преобладаніе надъ Греціей перешло въ руки Спарты; она удержала его до 371 г. до Р. Х. Въ этотъ періодъ времени она сумѣла возбудить противъ себя всеобщую ненависть. Политика ея состояла въ томъ, чтобы управлять различными городами при помощи олигархической партіи, которую она поддерживала своимъ военнымъ гарнизономъ. Такимъ образомъ, гарнизонъ ея занималъ одно время Кадмею или цитадель Фивъ. Онъ силою завладѣлъ городомъ и оставался тамъ вопреки всѣмъ законамъ справедливости. Спартанскій царь Агезилай весьма хладнокровно замѣтилъ, что это должно быть справедливо — разъ, что это служить интересамъ Спарты. Въ общей сложности спартанское правленіе оказалось несравненно тяжелѣе аѣинскаго. Спарта вообще всегда представляется болѣе эгоистическимъ государствомъ, чѣмъ Аѣины. Правда, что и Аѣины, во дни ихъ величія, заслужили прозваніе «деспотическаго города», но въ тоже время всѣ признавали, что они дѣйствительно могли служить достойными представителями Греціи. О Спартѣ же этого нельзя было сказать. Теперь она вошла въ дружествен-

ныя сношенія съ Персіей и повліяла на заключеніе мира съ этимъ государствомъ, условія котораго никакъ не могли считаться почетными для Греціи. Это былъ миръ Анталкида, въ 387 г. до Р. Х., одно изъ памятныхъ событій въ исторіи Греціи. Однимъ изъ древнихъ греческихъ преданій было поддержаніе свободы и независимости греческихъ колоній въ Азіи. Миромъ Анталкида колоніи эти отдавались во власть Персіи. Аѳины, конечно, никогда не согласились бы на подобную уступку и во дни ихъ морскаго преобладанія сдѣлали бы сдѣлать ее невыносимою. На Спартѣ лежить отвѣтственность за эту позорную измѣну. Она еще усилила свою вину, стараясь обратить свое преобладаніе надъ Греціей въ настоящій деспотизмъ. Домогательство это нанесло громаднѣйшій вредъ и, можно сказать, приготовило путь всѣмъ дальнѣйшимъ бѣдствіямъ Греціи и ея подчиненіе Македоніи. Спарта послѣдовательно стремилась къ тому, чтобы разбить весь греческій міръ на отдѣльныя, маленькія общины, которыя находились бы у нея въ полномъ повиновеніи. Ея систематическая политика состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Греціи собраніе небольшихъ городовъ, даже деревень, изъ которыхъ ни одна не удерживала бы своей самостоятельности. Между тѣмъ, въ основаніи всей греческой силы и всего греческаго величія лежала идея, что Греція должна состоять изъ федерацій, съ главными городами во главѣ ихъ. Въ виду общаго

врага, такъ думали и надѣялись греки, различныя федераціи почувствуютъ влеченіе другъ къ другу и поймутъ, что служатъ общему дѣлу. Въ этомъ и состоялъ Пангелленизмъ. Спарта, своимъ способомъ правленія, ослабила эту идею и тѣмъ самымъ подкопала основы греческаго міра. Слабость и разьединеніе грековъ въ IV-мъ столѣтіи до Р. Х., столь выгодныя для Македоніи, были, по крайней мѣрѣ отчасти, плодами вліянія Спарты. Въ одномъ случаѣ она нанесла самый несомнѣнный и непосредственный вредъ Греціи. На берегу Торонскаго залива, на Халкидскомъ полуостровѣ, стоялъ цвѣтущій городъ Олинъ, вокругъ котораго образовалась конфедерація греческихъ городовъ, могущихъ, при случаѣ, служить очень дѣйствительнымъ оплотомъ противъ Македоніи, или противъ всякаго другаго сѣвернаго государства. Спарта, вѣрная своей политикѣ, разбила эту федерацію въ 379 г. до Р. Х., и этимъ нанесла чувствительный ударъ греческимъ интересамъ на берегахъ Македоніи и Θракіи. Не случилось этого, быть можетъ македонскіе паруса никогда не показались бы на Эгейскомъ и на Мраморномъ моряхъ и царство Филиппа навсегда осталось бы бѣдною, варварскою страной. Олинъ, правда, нѣсколько оправился въ послѣдствіи и снова сталъ цвѣтущимъ, независимымъ городомъ; но ударъ былъ нанесенъ и ему уже не было изцѣленія.

Кровопролитное сраженіе при Левктрѣ, въ 371 г. до Р. Х., положило конецъ спартанскому преобладанію. Ге-

ройством славнаго Эпаминонда, Θивы были теперь возведены на первенствующее мѣсто въ Греціи. Къ сѣверу отъ Пелопонеза, они распоряжались по своему произволу; Θессалія была вполнѣ подчинена имъ, а Македонія мало чѣмъ отличалась отъ подвластной области. Слѣдующимъ шагомъ Θивъ, послѣ битвы при Левктрѣ, было укрѣпиться въ Пелопонезѣ, для вящаго униженія Спарты. Цѣль эта была достигнута основаніемъ двухъ городовъ, Мегалополя и Мессены, подъ управленіемъ Эпаминонда. Спарта, какъ мы видѣли, стремилась къ разъединенію федерацій, Θивы, напротивъ того, соединили аркадскіе города, числомъ до 40, въ федерацію, центромъ которой долженъ былъ служить Мегалополь, великій городъ. Затѣмъ было заложено основаніе Мессены на горѣ Иеомѣ, и городъ этотъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для населенія, долго сноси́вшего по неволѣ иго Спарты; къ нему была присоединена область, составлявшая прежде часть спартанской территоріи и границы Спарты были такимъ образомъ значительно сужены. Съ сѣвера и съ запада она граничила съ независимыми общинами и преобладаніе ея въ Пелопонезѣ было почти совсѣмъ потрясено. Хотя Θивы вскорѣ утратили то первенство, которое доставилъ имъ геній Эпаминонда, но Спарта уже никогда не вернула своего прежняго блеска.

Аѣины, по какой бы причинѣ ни было, проявили гораздо большую живучесть и упругость, чѣмъ Спарта.

Граждане ея, съ свойственною имъ живостью и предприимчивостью, вскорѣ забывали о нанесенныхъ имъ ударахъ и предавались новымъ надеждамъ и новымъ стремленіямъ. Такъ было и послѣ Левктры. Аѣиняне тотчасъ же возгорѣлись желаніемъ вернуть свое прежнее вліяніе, и имъ дѣйствительно удалось снова стать во главѣ могущественнаго союза. Отвращеніе къ Спартѣ, одушевлявшее теперь весь греческій міръ, конечно значительно послужило имъ на пользу. Аѣинскій флотъ снова овладѣлъ Эгейскимъ моремъ, и главные острова, само собою разумѣется, тотчасъ присоединились къ союзу. Собраніе депутатовъ отъ союзныхъ и подвластныхъ городовъ слѣдовало приказаніямъ Аѣинъ и воти́ровало контрибуціи на общее дѣло. Нашлись талантливые и способные люди, въ родѣ Тимофея, Ификрата и Хабрія, которые стали во главѣ аѣинскихъ силъ, и къ тому времени, когда Филиппъ взошелъ на престолъ Македоніи, въ 359 г. до Р. Х., Аѣины были первымъ государствомъ Греціи. Они, правда, не были особенно приготовлены къ войнѣ на сушѣ и въ этомъ отношеніи значительно уступали Θивамъ, которые могли тотчасъ выставить значительное войско; но на морѣ, они, безспорно, должны были считаться первою державою. Родосъ, Хіосъ, Косъ и важные города Перинѣъ и Византія считались ихъ союзниками. Самосъ (на берегахъ Лидіи), Θасъ, Лемносъ, Имвросъ, въ сѣверной части Эгейскаго моря, не задолго передъ тѣмъ были покорены

ими; Аѣины владѣли Оракійскимъ Херсонесомъ, Пидномъ и Мееоною, на берегахъ Македоніи, также какъ Потидеею и другими городами на Халкидскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ Эгейское море могло считаться аѣинскимъ озеромъ; но Аѣины были не въ силахъ поддержать и упрочить этотъ союзъ; ихъ собственные военные начальники часто выходили изъ повиновенія; они были не столько слугами государства, сколько людьми типа «кондоттьери». Войско, подъ ихъ командою, состояло, вообще говоря, изъ наемщиковъ, для платы которымъ становилось необходимымъ систематически грабить союзниковъ. Генералы дѣйствительно содержали свои войска на счетъ «насильственныхъ пожертвованій». Едва ли можно было ожидать, что союзники будутъ терпѣливо сносить подобныя выжиманія. Въ 358 г. до Р. Х. загорѣлась междоусобная война, съ Родосомъ и Византіей во главѣ возстанія. Война эта длилась два года. Противодѣйствіе Аѣинъ было, повидимому, слабымъ и непоследовательнымъ. Когда распространился слухъ, что Персія готовится поддержать возставшихъ союзниковъ флотомъ въ 300 парусовъ, Аѣины отказались отъ борьбы и признали ихъ независимость. Такимъ образомъ распался союзъ, существовавшій короткое время подъ ихъ предводительствомъ.

Это было очень чувствительнымъ ударомъ для Аѣинъ. Могущество ихъ на морѣ все еще было велико, но казна ихъ очень истощилась, такъ какъ значительная часть

государственныхъ доходовъ прекратилась вслѣдствіе отпаденія богатѣйшихъ союзниковъ. Не лучше ли было бы для нихъ теперь отказаться отъ національнаго самолюбія и не думать болѣе о внѣшней честолюбивой политикѣ? Такъ разсуждалъ одинъ изъ аѣинскихъ гражданъ, извѣстный ораторъ Исократъ. Онъ жаловался, что «его соотечественники такъ увлечены, что содержать наемщиковъ въ то время, какъ у нихъ не хватаетъ средствъ для собственнаго существованія, и обкладываютъ своихъ союзниковъ тяжелыми податями, идущими на плату общимъ врагамъ человѣчества». Подъ этими послѣдними онъ подразумѣваетъ генераловъ, о которыхъ и Демосоевъ, его политическій противникъ, говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей, «что они всюду и всегда ведутъ себя, какъ общіе враги всякаго, кто желаетъ жить свободно, сообразно собственнымъ законамъ». Аѣины, по мнѣнію Исократа, еще могли бы оправиться отъ потерь и пораженій междоусобной войны, еслибы отказались на будущее время отъ политики вмѣшательства и нападенія, ограничились бы самозащитою, и посвятили свои усилія развитію торговли и мирной промышленности. Такимъ путемъ, при естественныхъ преимуществахъ, которыми надѣлены Аѣины, они вскорѣ снова могли бы сдѣлаться богатыми и цвѣтущими. Таковъ былъ совѣтъ Исократа. Онъ могъ показаться своевременнымъ и разумнымъ, и, само собою разумѣется, вполне согласовался съ желаніями многихъ

гражданъ. Въ Аѣинахъ все болѣе и болѣе развивалась склонность уклоняться отъ всякихъ личныхъ усилій и, въ случаѣ, когда война становилась неизбежною, предоставлять веденіе ея наемщикамъ. Такое настроеніе, какъ оказалось впоследствии, было крайне опасно не только для Аѣинъ, но и для всей Греціи.

Партія мира была естественнымъ результатомъ подобнаго настроенія. Она оставалась въ силѣ нѣсколько лѣтъ послѣ прекращенія междоусобной войны, критическій періодъ, въ теченіе котораго Филиппъ Македонскій, шагъ за шагомъ, приближался къ тому положенію, котораго достигъ впоследствии. Партія эта имѣла своимъ адвокатомъ Исократу, поддерживавшаго ея своими рѣчами и памфлетами и пользовавшагося большимъ, и отчасти заслуженнымъ, вліяніемъ на общественное мнѣніе; такимъ образомъ, можно сказать, что самая талантливая журналистика того времени была на ея сторонѣ. Въ числѣ ея предводителей находился одинъ въ высшей степени почтенный человѣкъ — Фокіонъ, честность котораго вошла въ пословицу. Сорокъ пять разъ былъ онъ выбранъ въ генералы и одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ непріателемъ. Его одно имя уже было достаточно, чтобы придать вѣсъ политической партіи. Другимъ изъ ея предводителей былъ Эвбулъ, человѣкъ несравненно низшаго типа. Все стремленіе его состояло единственно въ томъ, чтобы привести народъ въ хорошее расположеніе духа. Въ Аѣинахъ

существовало старинное постановленіе, по которому государство обязано было доставлять даромъ публичные удовольствія и драматическія представленія неимущимъ гражданамъ; для этой цѣли существовалъ особый фондъ, къ которому впоследствии стали присоединять остатокъ отъ ежегоднаго государственнаго дохода. Въ прежнее время существовалъ законъ, по которому въ военное время остатокъ этотъ долженъ былъ идти на военные издержки для защиты государства. Эвбулу удалось подговорить народъ постановить законъ, по которому объявлялось уголовнымъ преступленіемъ предложить, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ въ будущемъ, подобное употребленіе этого фонда. Единственнымъ средствомъ покрыть военные издержки оставалось поэтому наложить подоходный налогъ на богатыхъ. Война, при подобномъ постановленіи, неизбежно влекла за собою тяжелыя и чувствительныя жертвы. Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о тяжести этой повинности, вообразивъ себѣ, что насъ обложили бы налогомъ въ 2, 3 рубля съ каждаго 10 рублей нашего дохода. Еслибы подобная мѣра прошла, то конечно ни одно государство не рѣшилось бы объявить войну безъ крайней необходимости. Эвбулъ, поэтому, чтобы примирить богатыхъ, употреблялъ всѣ усилія для предохраненія ихъ отъ угрожающей имъ жертвы. Его роль въ Аѣинахъ въ теченіе 16 лѣтъ можно сравнить съ ролью перваго министра въ Англіи въ наше

время. Вліяніе его, несомнѣнно, было очень велико и онъ пользовался популярностью какъ между бѣдными, такъ и между богатыми. Но несомнѣнно также, что политика его послужила къ извращенію характера аеинянъ и сдѣлала стремленія Демосфена особенно трудными.

Аеины, такимъ образомъ, вступали въ тяжелую борьбу при невыгодныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе ихъ обширной торговли, они все еще были богатѣйшимъ городомъ Греціи и обладали средствами снарядить могущественный флотъ. Но аеинскіе граждане любили покой и удобства, и предпочитали свою веселую городскую жизнь тяжелой военной службѣ. Предѣлы государства не были безопасны отъ нападеній, такъ какъ не охранялись регулярными войсками; въ случаѣ непріятельскаго вторженія, на защиту ихъ выступали наемныя войска, подъ начальствомъ генераловъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ было говорено. Торговля, съ которою такъ тѣсно было связано благосостояніе Аеинъ, также могла значительно пострадать отъ нападеній предприимчиваго непріятеля, и подвозы зерноваго хлѣба со стороны Чернаго моря легко могли быть отрѣзаны. Такимъ образомъ, въ борьбѣ противъ Македоніи Аеины находились въ нѣсколько невыгодномъ положеніи, хотя мы и склонны думать, что энергическія усилія съ ихъ стороны могли бы упрочить за ними побѣду. Дѣло въ томъ, что они сами долгое время не признавали опасности и потому не

пользовались удобными случаями. Одна партія настаивала на союзѣ съ Фивами; но для большинства аеинянъ Фивы были ненавистнѣе самой Спарты. Подобная партія, казалось, измѣняла всѣмъ древнимъ преданіямъ Аеинъ, поэтому она всегда оставалась сравнительно слабою. Еслибы опасность со стороны Македоніи была ясно сознаваема, то можетъ быть подобный союзъ и состоялся бы, и въ такомъ случаѣ врядъ ли возможно сомнѣваться, что Аеины и Фивы, соединенными силами, могли бы удержать Филиппа въ предѣлахъ его наслѣдственнаго государства и спасти Грецію.

ГЛАВА II.

МАКЕДОНИЯ И ФИЛИППЪ.

Хотя слово Македонія и встрѣчается время отъ времени въ исторіи Греціи, но дѣйствительно знаменитымъ оно сдѣлалось не ранѣе четвертаго столѣтія до Р. Х., т. е. до царствованія Филиппа. Ни одному греку конечно никогда не пришло бы въ голову, что это отдаленное, сѣверное государство можетъ когда либо сдѣлаться опаснымъ для Греціи и для ея свободы. Нѣ было никакихъ признаковъ, указывающихъ въ этомъ направленіи, и можно справедливо предположить, что никакая политическая прозорливость не могла бы предугадать подобный исходъ. Македоняне искони слыли у грековъ за варваровъ, хотя ихъ царствующій родъ—Темениды, какъ они назывались по имени ихъ легендарнаго родоначальника Темена, — происходилъ изъ Аргоса и самъ народъ находился, быть можетъ, въ нѣкоторомъ отдаленномъ родствѣ съ расою Гелленовъ. Въ теченіе долгого времени онъ состоялъ изъ собранія полудикихъ

племенъ, почти безъ всякаго единства и безъ всякой организаціи и передъ дисциплинированной арміей греческаго государства оказался бы конечно безсильнымъ. Надо прибавить еще, что македоняне были окружены опасными и беспокойными сосѣдями — иллирійцами съ запада, пеонійцами съ сѣвера, оракійцами съ востока, — все дикими, воинственными народами, которыхъ они едва могли удерживать въ ихъ границахъ. Сама страна, съ ея рѣками, плодородными долинами и полосами морскаго берега, пользовалась, правда, многими естественными преимуществами, которыми могъ воспользоваться дѣятельный правитель съ организаторскимъ талантомъ; и это дѣйствительно сдѣлалъ отчасти Архелай, царствовавшій отъ 413 до 399 г. до Р. Х. Онъ былъ человѣкомъ большой энергіи и, можно сказать, ввелъ Македонію на тотъ путь, слѣдуя которому она могла стать могущественнымъ и цвѣтущимъ государствомъ. По словамъ Фукидида, онъ проложилъ дороги, построилъ крѣпости и завелъ болѣе многочисленное войско, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Очень вѣроятно, что послѣдніе годы пелопонесской войны, столь пагубные для Аѣиновъ, были очень благопріятны для Македоніи и помогли ей утвердить свое вліяніе на сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря, подчиненныхъ прежде Аѣинамъ. Тѣмъ не менѣе Архелая безспорно принадлежитъ честь, что онъ ревностно и неутомимо посвятилъ себя укрѣпленію и упроченію

своего государства. Въ то же время онъ сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы цивилизовать свой народъ и ввести его въ сношенія съ греческимъ міромъ. Онъ поддерживалъ дружбу съ Аѣинами и старался перенять у нихъ ихъ литературу и искусства. Онъ установилъ у себя большое періодическое празднество, по образцу греческихъ, со всеѣми образовательными спутниками — музыкою и поэзіей. Великій поэтъ Эврипидъ, по его настоящему приглашенію, посѣтилъ его дворъ и встрѣтилъ тамъ такой радушный пріемъ и столько знаковъ почтенія, что остался тамъ до смерти. Философъ Сократъ также получилъ отъ него приглашеніе, но, какъ кажется, уклонился отъ этой чести. Знаменитый живописецъ, Цевксъ изъ Гераклеи, былъ однимъ изъ царскихъ гостей и украсилъ картинами дворецъ царя въ Пеллѣ, новой столицѣ Македоніи. Словомъ, Архелай былъ просвѣщеннымъ деспотомъ и хотя ему не удалось искоренить варварство и превратить македонянъ въ грековъ, но онъ все-таки покрылъ по крайней мѣрѣ высшіе классы общества лакомъ греческой цивилизаціи и греческой культуры.

Далеко не было необычнымъ явленіемъ, что македонскіе цари погибали отъ рукъ заговорщиковъ или убійцъ и такая именно судьба постигла Архелая. Послѣ этого династія перемѣнилась и черезъ нѣсколько лѣтъ смуть и неурядицъ, Аминтъ, отецъ Филиппа, сдѣлался царемъ въ 394 году до Р. Х. Царствованіе его нельзя

назвать счастливымъ. Македонія пошла назадъ на пути своего развитія и самое существованіе ея, какъ независимаго государства, подвергалось опасности. По одному сказанію, Аминту пришлось выдать Филиппа заложникомъ иллирійцамъ, которые сдѣлались въ это время особенно навязчивыми. По своей смерти, въ 370 г. до Р. Х., онъ оставилъ государство въ отчаянномъ положеніи. За престолонаслѣдіе начались жаркіе споры, а границамъ продолжали угрожать опасные враги. Македонія казалась наканунѣ своей окончательной гибели. Старшій сынъ и наслѣдникъ Аминта, Александръ, былъ убитъ, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ друзья царскаго семейства призвали на помощь Пелопида изъ Фивъ, вѣроятно съ цѣлью удержать престолъ для двухъ его младшихъ братьевъ, Пердикки и Филиппа. Пелопидъ, какъ кажется, силою заставилъ македонянъ принять это рѣшеніе и, какъ ручательство за его выполненіе, повезъ съ собою Филиппа заложникомъ въ Фивы. Филиппъ провелъ тамъ три года, пока царствовалъ его братъ Пердикка. Послѣ этого онъ получилъ управленіе надъ частью Македоніи, подъ верховною властью Пердикки, и посвятилъ свое время обученію и организаціи войска. Царствованіе его брата закончилось очень трагически: онъ былъ разбитъ на голову иллирійцами и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ умеръ. Тогда Филиппъ, 23-хъ лѣтъ отъ роду, сдѣлался царемъ Македоніи въ 359 г. до Р. Х., такъ какъ послѣ Пердикки оставался только

одинъ малолѣтній сынъ, котораго, съ народнаго одобренія, не трудно было устранить отъ престола.

Ни одинъ правитель не начиналъ свое царствованіе съ столь мрачною перспективою, какъ будущій покоритель Греціи. Враги тѣснили его со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько претендентовъ изъявляли свои права на престолъ, изъ числа которыхъ одинъ, Аргей, поддерживался Аѣинами. Такимъ образомъ, ему угрожало нападеніе сосѣднихъ варваровъ съ суши и аѣинянъ съ моря. Враждебное настроеніе аѣинянъ мотивировалось ихъ очень благоразумнымъ желаніемъ вернуть себѣ важную позицію Амфиполь, при устьѣ Стримона. Для аѣинянъ обладаніе этимъ мѣстомъ было крайне важно, такъ какъ оно служило ключемъ къ области, богатой золотыми и серебряными копями, также какъ и лѣсомъ. Это имѣли въ виду аѣиняне, поддерживая притязанія Аргея противъ Филиппа. Но царь выступилъ противъ нихъ, не теряя времени и одержалъ побѣду надъ незначительными силами, высланными ими въ Меоону, на македонскомъ берегу Термскаго залива. Онъ взялъ въ плѣнъ нѣсколько аѣинскихъ гражданъ, но, желая задобрить Аѣины, обращался съ ними крайне почтительно и немедленно отпустилъ ихъ обратно на родину. Послѣ этого онъ заключилъ миръ съ Аѣинами и отказался отъ всякихъ правъ на Амфиполь, въ которомъ его предшественникъ поставилъ македонскій гарнизонъ. Городъ этотъ былъ теперь предоставленъ самому себѣ и если-

бы аѣиняне были умны, то не пощадили бы усилій, чтобы завладѣть имъ. Но они упустили этотъ драгоценный случай вернуть себѣ позицію, которая могла бы сдѣлаться въ ихъ рукахъ оплотомъ противъ возрастающаго могущества Македоніи и, конечно, помогла бы имъ удержать первенство въ Эгейскомъ морѣ.

Филиппъ, между тѣмъ, обезопасивъ себя на время отъ аѣинянъ, могъ на свободѣ расправиться съ другими непріятелями, нападавшими на его царство съ суши. Онъ уже передъ тѣмъ организовалъ нѣкоторыя военныя силы и при ихъ помощи готовился нанести рѣшительный ударъ иллирійскимъ, пеонійскимъ и еракійскимъ племенамъ, постоянно дѣлавшимъ хищническіе набѣги на границы Македоніи. Можно думать, что эти племена, разсѣянные въ мѣстностяхъ, занятыхъ теперь провинціями Босніей, Сербіей и Албаніей, были въ то время оттѣснены къ югу великимъ передвиженіемъ галловъ. Иллирійцы были самыми опасными врагами Македоніи и не разъ наносили кровопролитныя пораженія предшественникамъ Филиппа. Теперь они находились въ полной силѣ и были соединены для военныхъ цѣлей подъ начальствомъ Бардила, талантливаго полководца и храбраго воина. Филиппъ, разбивъ на голову пеонійцевъ, что повидимому не стоило ему большого труда, обратилъ свое оружіе противъ болѣе опасныхъ иллирійцевъ и напалъ на нихъ въ западной Македоніи, въ которую они вторглись. Послѣ жестокаго боя, онъ

одержалъ надъ ними побѣду, главнымъ образомъ благодаря превосходству своей кавалеріи. Иллирійское войско было совершенно разбито и ихъ начальникъ былъ радъ заключить миръ, отдавъ назадъ всѣ завоеванныя и занятыя имъ части Македоніи. Слѣдствіемъ этой побѣды было разширеніе границы Македоніи до озера Лигнита (теперешней Охриды), что значительно упрочило ихъ безопасность, благодаря занятію горныхъ проходовъ, чрезъ которые вторгались обыкновенно иллирійскіе хищники.

Знаменитыя фаланги, которыя мы привыкли соединять съ именами Македоніи, Филиппа и Александра, принимали, какъ говорятъ, участіе въ этомъ сраженіи. Филиппу приписывается обыкновенно честь этого военного изобрѣтенія; въ сущности же онъ только ввелъ его въ употребленіе. Быть можетъ онъ придумалъ какія нибудь измѣненія; но фаланга всегда составляла важный элементъ въ греческомъ войскѣ. Великій Эпаминондъ въ Фивахъ, какъ кажется, первый организовалъ ее въ ея самой могущественной и дѣйствительной формѣ, и несомнѣнно, что онъ довелъ военную науку до высшаго совершенства, которое она когда либо достигала въ Греціи. Филиппъ, во время своего пребыванія въ молодости въ Фивахъ, легко могъ имѣть случай познакомиться лично съ знаменитымъ полководцемъ и изъ разговоровъ съ нимъ могъ вынести не мало полезныхъ мыслей и намековъ. Во всякомъ случаѣ онъ

ежедневно имѣлъ передъ глазами превосходное войско, сражавшееся и побѣдившее при Левктрѣ. Такимъ образомъ, онъ почерпнулъ свое первое военное образованіе въ лучшей изъ школъ и мы легко можемъ предположить, что это оставило глубокій слѣдъ въ его молодомъ воображеніи. Онъ скоро понялъ, что варварскіе враги Македоніи не въ силахъ будутъ устоять противъ дѣйствительно хорошо обученнаго войска. Въ Фивахъ онъ получилъ также философское и литературное образованіе, составляющее необходимое основаніе государственной науки. Возможно, что онъ лично познакомился съ Платономъ и есть много основаній думать, что этотъ философъ имѣлъ о немъ самое высокое мнѣніе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго также, что какое нибудь случайное обстоятельство возбудило въ немъ въ это время восхищеніе Аристотелемъ, котораго онъ избралъ впослѣдствіи въ наставники для юнаго Александра. Несомнѣнно, что онъ проникнулся до извѣстной степени греческою культурою и такъ овладѣлъ греческимъ языкомъ, что могъ говорить и писать на немъ не хуже записнаго оратора или риторика. Онъ выдавалъ себя, и любилъ, чтобъ его принимали за природнаго грека, и это побужденіе заставляло его вѣроятно относиться всегда благосклонно къ Аѣинамъ, какъ къ первому городу Греціи. Быть можетъ, несмотря на его молодость, когда онъ уѣхалъ изъ Фивъ, онъ почерпнулъ тамъ нѣкоторыя изъ своихъ политическихъ убѣжденій. Въ

этомъ городѣ онъ во всякомъ случаѣ имѣлъ возможность ознакомиться съ характеромъ греческой политики и узнать нѣкоторыя слабыя стороны Греціи, которыми онъ такъ удачно сумѣлъ воспользоваться впоследствии.

Послѣ побѣдъ Филиппа надъ пеонійцами и иллирійцами, обезопасившими Македонію, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время со стороны суши, царство его все-таки оставалось бѣдною, полуварварскою страной. Много оставалось еще сдѣлать, прежде чѣмъ оно могло занять видное мѣсто въ греческомъ мірѣ. Пока оно еще не владѣло ни однимъ приморскимъ городомъ. Филиппъ, какъ мы видѣли, отказался отъ Амфиполя, чтобы умиротворить аеинянъ, и вѣроятно былъ не мало удивленъ, что они не успѣли овладѣть этимъ важнымъ мѣстомъ. Но они сдѣлали эту ошибку и позволили жителямъ Амфиполя остаться собственными господами. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, въ 358 г. до Р. Х., Филиппъ счелъ, что ничто не мѣшаетъ ему присвоить его себѣ и, на отказъ жителей сдаться, обложилъ городъ. Посланные были отправлены въ Аеины съ просьбою о помощи, но возможно, что именно въ это время началась война съ союзниками и аеиняне имѣли достаточно дѣла у себя дома. Къ тому же Филиппъ, въ очень вѣжливомъ письмѣ, увѣрилъ ихъ, что передастъ имъ городъ, лишь только овладѣетъ имъ. Аеиняне не предприняли ничего, хотя имъ конечно не трудно было спасти Амфиполь и присвоить его себѣ.

Это было дѣйствительно крайне неосмотрительно съ ихъ стороны, такъ какъ теперь имъ вторично представлялась возможность завладѣть выгодною позиціей и подкосить власть Филиппа въ ея зародышѣ. Это было одною изъ тѣхъ ошибокъ, которымъ нѣтъ исправленія. Аеины утратили свой prestige, равно какъ и полезнаго помощника. Когда Филиппъ овладѣлъ Амфиполемъ, городъ Олинъ, находящійся на небольшомъ отдаленіи отъ него и стоявшій во главѣ группы греческихъ городовъ, сильно встревожился и предложилъ Аеинамъ вступить съ ними въ союзъ. Предложеніе это было отвергнуто, такъ какъ аеиняне, повидимому, все еще полагались на дружбу Филиппа и довѣряли его общаніямъ. Этотъ хитрый политикъ сумѣлъ не только обезоружить враждебное отношеніе Олинъ, но даже добился его дружбы и превратилъ его въ свои союзники, уступивъ ему спорную полосу земли по близости отъ Фессалоники. Слѣдующимъ его шагомъ было открыто враждебное дѣйствіе противъ Аеинъ, у которыхъ онъ отнялъ одно изъ ихъ важнѣйшихъ владѣній, городъ Потидею въ Термскомъ заливѣ. Этотъ послѣдній онъ также отдалъ Олинъ. Пидна, на берегу того же залива, на противоположной сторонѣ Потидеи, тоже подвластная Аеинамъ, досталась ему въ руки вслѣдствіе внутренней измѣны, и Аеины, какъ кажется, не сдѣлали ни одного усилія, чтобы сохранить за собою этотъ городъ. Такимъ образомъ, въ теченіе одного года,

358 г. до Р. Х., Филиппъ приобрѣлъ три чрезвычайно важныя приморскія позиціи и нанесъ чувствительный ударъ аѳинскому вліянію въ сѣверной части Эгейскаго моря. До сихъ поръ онъ былъ бѣденъ, теперь онъ обладалъ достаточными средствами увеличить свои доходы. Владѣя Амфиполемъ, онъ имѣлъ свободный доступъ къ золотымъ розсыпямъ къ востоку отъ Стримона. Здѣсь онъ основалъ городъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Филиппи. Онъ имѣлъ теперь хорошо организованное войско и средства содержать его. Въ два года съ небольшимъ онъ необычайно увеличилъ силу и доходы своего государства. Но не ранѣе, какъ шесть лѣтъ спустя, греки поняли, что Македонія становится серьезною опасностью для греческаго міра.

ГЛАВА III.

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ДЕМОСФЕНА.

Мы не имѣемъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній относительно года рожденія Демосфена. Мнѣнія на этотъ счетъ различны и намъ остается выборъ между довольно сомнительными источниками. Годъ этотъ приходился, кажется, между 385 и 384, или, быть можетъ, между 382 и 381 г. до Р. Х. Первые годы его жизни совпадали такимъ образомъ съ очень памятнымъ въ греческой исторіи періодомъ, въ теченіе котораго произошло много важныхъ политическихъ перемѣнъ въ греческомъ мірѣ. Въ первые годы, непосредственно слѣдовавшіе за его рожденіемъ, первенство Спарты было неоспоримымъ. Вся Греція лежала у ея ногъ. Вліяніе ея распространилось далеко за предѣлы Пелопонеза и достигло сѣверныхъ береговъ Эгейскаго моря. Она низвергла городъ, который могъ бы сдѣлаться оплотомъ противъ опаснаго царя Македоніи. Олинъ сталъ ея вассаломъ въ 379 г. до Р. Х. Восемь лѣтъ спустя все измѣнилось. Рѣшительное сраженіе при Левктрѣ въ 371 г.

положило конецъ преобладанію Спарты и передало его Оивамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вся Греція преклонялась передъ славою двухъ знаменитыхъ оивскихъ гражданъ — Эпаминонда и Пелопида. Но когда девять лѣтъ послѣ Левктры блестящая побѣда при Мантиней лишила Оивъ Эпаминонда, они вмѣстѣ съ нимъ утратили свое преобладающее вліяніе на греческую политику, удержавъ лишь первое мѣсто въ ряду сѣверныхъ греческихъ городовъ. Въ это самое время, какъ мы видѣли, они служили убѣжищемъ и школою будущему нарушителю греческой независимости.

Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ и революцій, Демосеенъ возрасталъ и становился мужемъ. Его собственная родина, Аѣины, не совершила въ это время ничего особенно великаго. Но они все-таки оставались самымъ славнымъ городомъ Греціи и торговля ихъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Отецъ Демосеена, носившій то же имя, былъ зажиточнымъ и очень почтеннымъ гражданиномъ. Онъ былъ купцомъ и фабрикантомъ и принадлежалъ къ богатому среднему сословію. Его состояніе было распределено въ различныхъ предпріятіяхъ. Онъ имѣлъ двѣ фабрики, каждая изъ которыхъ дѣлала, повидимому, хорошія дѣла. Въ одной изъ нихъ изготовлялись ножи и мечи и работало тридцать два раба. Другая занималась столярнымъ производствомъ и давала работу двадцати рабамъ. Онъ имѣлъ также значительный капиталъ, который частью держалъ

на текущемъ счету въ одномъ изъ главныхъ банковъ, частью отдавалъ въ ростъ подъ залогъ корабельныхъ грузовъ, какъ это часто дѣлалось въ Аѣинахъ. Онъ имѣлъ также домъ, представлявшій значительную недвижимую собственность, съ хорошей меблировкой и домашней утварью; его жена, съ своей стороны, тоже была богатою наслѣдницею и обладала очень изряднымъ количествомъ разныхъ драгоценностей. Но дама эта, называвшаяся Клеобулою, не была чистокровною аѣинянкою и происхожденіе ея было сомнительное. Отецъ ея, Гилонъ, имѣлъ безусловно дурную репутацію; онъ былъ даже преданъ суду за государственную измѣну, причемъ его обвиняли, что онъ передалъ непріятелю приморскій городъ Нимфею въ Крыму. Онъ не явился въ судъ для своей защиты, и по одному сказанію, былъ приговоренъ заочно къ смерти. Но дѣла его отъ этого не пострадали; онъ отправился въ Пантикапею, теперешній Керчь, въ Крыму, тогдашнюю столицу царей Босфора и тамъ, по царской милости, получилъ участокъ земли и женился на богатой. Въ Аѣинахъ о его женѣ говорили пренебрежительно, какъ о дочери варваровъ и скивовъ, и такую описываетъ намъ ее Эсхинъ. Но весьма возможно, что она была дочерью одного изъ многочисленныхъ грековъ, поселившихся въ этой отдаленной области, чтобы заниматься здѣсь торговлею хлѣбомъ съ Аѣинами. Мѣстность эта тогда, какъ и теперь, была преимущественно хлѣбною об-

ластью. Гилонъ, повидимому, умѣлъ воспользоваться царскою милостью и велъ свою торговлю очень успѣшно. Онъ несомнѣнно былъ хитрымъ и ловкимъ человекомъ; двухъ своихъ дочерей онъ отправилъ въ Аѣины съ богатымъ приданымъ и тамъ онѣ обѣ сдѣлали довольно хорошія партіи. Обѣ вышли замужъ за аѣинскихъ гражданъ, одна за Демохара, другая за старшаго Демосѣена. Мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить, что мать Демосѣена не была лишена извѣстной доли ловкости, перешедшей къ ней по наслѣдству отъ ея хитраго, предприимчиваго отца.

Демосѣенъ имѣлъ несчастіе осиротѣть, когда ему всего было семь лѣтъ отъ роду и попасть въ руки безсовѣстныхъ опекуновъ. Отецъ его оставилъ послѣ себя 14 талантовъ, — тысячъ тридцать рублей на наши деньги. По современнымъ понятіямъ, это очень скромное состояніе, но въ Аѣинахъ оно считалось на столько значительнымъ, что владѣлецъ его причислялся къ богатѣйшему классу, обложенному самою высшею такою прямымъ налогомъ. Существовали конечно и въ то время гораздо болѣе крупные богачи, какъ напр. Никій, состояніе котораго доходило, какъ говорятъ, до 100 талантовъ, приблизительно 200,000 на наши деньги. Алкивіадъ былъ даже богаче этого, а Каллій, жившій во время персидской войны и попользовавшійся значительною долею награбленнаго имущества, считался бы у насъ миллионеромъ, такъ какъ владѣлъ, по словамъ

современниковъ, 200 талантами. Аѣины, какъ мы видѣли, были несравненно богаче всѣхъ другихъ греческихъ городовъ и въ нихъ всегда было достаточное число зажиточныхъ гражданъ. Обыкновенные проценты на капиталъ были тамъ чрезвычайно высоки. Деньги, отданныя въ займы даже подъ вполне вѣрный залогъ, приносили отъ 10 до 12 проц., а болѣе рискованныя помѣщенія, напр. при залогѣ подъ грузъ кораблей, были еще гораздо выгоднѣе этого. При подобныхъ залогахъ нерѣдко платилось до 30 %/о. Демосѣенъ утверждаетъ, въ своей жалобѣ противъ опекуновъ, что треть его состоянія приносила пятьдесятъ минъ ежегоднаго дохода. Весь его доходъ составилъ бы поэтому болѣе 4,000 рублей на наши деньги. Между тѣмъ, какъ кажется, аѣинскій гражданинъ могъ жить въ то время довольно прилично на семь или восемь минъ въ годъ (рублей 250 на наши деньги), а при доходѣ въ 50 минъ могъ уже доставлять себѣ всѣ удобства и даже прихоти, если только воздерживался отъ раззорительныхъ общественныхъ службъ, налагаемыхъ на богатыхъ. Ясно поэтому, что Демосѣенъ, имѣвшій всего одну сестру, долженъ былъ бы получить порядочное состояніе, хотя и не могъ быть причисленъ къ богачамъ. Отецъ его, занимавшійся дѣлами, получалъ вѣроятно отъ 25 до 30 %/о съ большей части своего капитала и мы можемъ предположить, что онъ занималъ въ аѣинскомъ обществѣ приблизительно такое положеніе, какъ

у насъ человѣкъ съ 15 или 20 тысячами ежегоднаго дохода. Еслибы его воля была свято исполнена, т. е. треть дохода посвящена содержанію и воспитанію его дѣтей, а двѣ трети отданы въ ростъ, сынъ его могъ бы считаться положительно богатымъ къ тому времени, когда, десять лѣтъ послѣ смерти отца, достигъ 16-тилѣтняго возраста, т. е. своего совершеннолѣтія.

Въ дѣйствительности же онъ оказался почти бѣднякомъ. Онъ получилъ всего на всего два таланта и доходъ его не превышалъ 500 или 600 рублей въ годъ. Его отецъ, можно предположить, имѣлъ нѣкоторыя опасенія насчетъ управленія оставленнымъ имъ состояніемъ и потому надѣялся подкупить трехъ опекуновъ, двое изъ которыхъ были его племянниками, и заручиться добросовѣстнымъ исполненіемъ ихъ обязанности, отдавъ въ полное ихъ распоряженіе почти треть всего своего состоянія. Сынъ его сестры, Аѳобъ, долженъ былъ жениться на его вдовѣ съ хорошимъ приданымъ и имѣлъ право пользоваться домомъ и всѣмъ домашнимъ убранствомъ до совершеннолѣтія Демосеена. Сынъ его брата, Демофонъ, получалъ два таланта и долженъ былъ, въ свое время, жениться на его дочери. Такимъ образомъ, отецъ Демосеена заботливо старался обезпечить участь обоихъ своихъ дѣтей, поручая ихъ родственникамъ, на честность которыхъ онъ могъ съ нѣкоторымъ основаніемъ положиться. Печальный резуль-

татъ этихъ заботъ можетъ быть объясненъ только не-
радивостью или нечестностью. Вѣроятно, состояніе его
было частью раскрадено, частью запутано. Допустивъ,
что нѣкоторыя помѣщенія оказались невѣрными, что
управленіе обѣими фабриками велось скверно, мы все-
таки не можемъ сомнѣваться, что оба опекуна были
людьми безъ правилъ и безъ всякаго радѣнія. Сопер-
никъ Демосеена, Эсхинъ, упрекалъ его, правда, что онъ
самъ растратилъ свое состояніе на разныя безумія, а
одинъ изъ опекуновъ утверждалъ въ свою защиту на
судѣ, что не разъ выдавалъ ему впередъ большія
суммы денегъ. Мальчикъ, повидимому, имѣлъ очень
раззорительные вкусы и въ послѣдніе два года передъ
своимъ совершеннолѣтіемъ могъ свободно удовлетворять
имъ. Но все это еще недостаточно, чтобы объяснить
крайнюю незначительность выданной ему суммы. Можно
почти съ увѣренностью утверждать, что состояніе его
было раскрадено. Кончилось дѣло тѣмъ, что Демосеенъ
подалъ жалобу на Аѳоба, котораго судъ приговорилъ
заплатить еще 10 талантовъ; но получилъ ли дѣйстви-
тельно Демосеенъ эти деньги — мы не знаемъ. Аѳобъ
былъ человѣкомъ богатымъ и вліятельнымъ и сумѣлъ
еще запутать дѣло. До насъ дошли пять рѣчей Де-
мосеена, относящихся къ этому процессу, изъ кото-
рыхъ три направлены противъ Аѳоба, а двѣ противъ
зятя послѣдняго, Онетора. Изъ этихъ рѣчей мы, глав-
нымъ образомъ, почерпнули наши свѣдѣнія насчетъ

состоянія Демосеена. Мы не знаемъ положительно, какъ кончился процессъ и принесъ ли онъ какую нибудь выгоду Демосеену. Большая часть его состоянія все-таки была невозвратно потеряна и онъ вступилъ въ жизнь скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ человѣкомъ.

Очень вѣроятно, что эти раннія несчастія имѣли хорошее вліяніе на его характеръ. Они, быть можетъ, послужили источниками его твердой воли и настойчивости. Онъ съ дѣтства былъ слабаго здоровья и уклонялся отъ суроваго физическаго закаливанія, считавшагося основнымъ элементомъ греческаго воспитанія. Дѣятельный умъ и жажда развитія всегда отличали его. Онъ посѣщалъ хорошія школы, какъ подобало его состоянію и положенію въ свѣтѣ, хотя, если вѣрить его показаніямъ, его опекуны были такъ скупы, что часто забывали платить за его ученіе. Онъ рано сталъ выказывать страсть къ рѣчамъ и преніямъ и, какъ говорятъ, подговорилъ разъ своего школьнаго учителя пойти съ нимъ послушать одного изъ первыхъ ораторовъ того времени, Каллистрата, говорившаго большую политическую рѣчь по поводу уступки пограничнаго города Оропа еивянамъ. Случай этотъ послужилъ, быть можетъ, поворотнымъ пунктомъ въ его жизни. Но онъ страдалъ тяжелымъ физическимъ недостаткомъ: тотъ, кому суждено было сдѣлаться величайшимъ ораторомъ всѣхъ вѣковъ, въ дѣтствѣ и молодости былъ заикомъ. Можно было подумать, что противъ подобнаго недо-

статка ничего не подѣляетъ вся его твердая воля и всѣ его самолюбивыя стремленія.

Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Демосеена, сообщаетъ намъ нѣсколько интересныхъ подробностей о томъ, какъ онъ учился и готовился къ карьерѣ оратора, и пріятно думать, что даже такой авторитетъ, какъ Гротъ, признаетъ ихъ достовѣрными. Юноша отдалъ себя, какъ кажется, на обученіе Исею, одному изъ первыхъ адвокатовъ того времени, которому часто приходилось вести дѣла, связанные съ духовными завѣщаніями и съ тяжбами за имущество. Въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ противъ опекуновъ, онъ, какъ говорятъ, воспользовался совѣтами и руководствомъ этого опытнаго юриста. Но самымъ моднымъ профессоромъ риторики того времени считался Исократъ, и Демосеенъ былъ однимъ изъ его самыхъ внимательныхъ и восторженныхъ слушателей; хотя мы и не знаемъ, насколько вѣренъ рассказъ, что онъ будто бы попросилъ этого великаго человѣка подѣлиться съ нимъ пятою частью его искусства за двѣ мины, такъ какъ былъ не въ состояніи заплатить установленную плату въ 10 минъ (приблизительно 300 рублей) за весь курсъ ученія. Намъ пріятно также представлять себѣ Демосеена восхищеннымъ слушателемъ Платона, бывшаго тогда въ апогеѣ своей знаменитости какъ философа, и Цицеронъ и Тацитъ оба упоминаютъ объ этомъ. Относительно литературнаго стиля Демосеенъ и Платонъ со-

ставляютъ, правда, двѣ противоположности, но очень возможно, что тѣ высокія правила нравственности, которыя Демосѣенъ рѣшался вставлять въ свои рѣчи, обращенныя къ собранію аѳинянъ или къ судьямъ, были внушены ему философомъ. Что онъ хорошо изучилъ великую исторію Ѳукидида, переписалъ ее собственноручно до восьми разъ и зналъ ее почти наизусть — этому легко повѣрить. Одинъ изъ древнихъ критиковъ, Діонисій изъ Галикарнасса, тщательно выставилъ на видъ всѣ точки сближенія между ораторомъ и историкомъ. Чрезвычайно странно поэтому, что Цицеронъ въ своемъ «Ораторѣ» предлагаетъ вопросъ: «Какой греческій ораторъ когда либо заимствовалъ что нибудь у Ѳукидида?» Мы никакъ не можемъ понять смыслъ этого вопроса, если только Цицеронъ подъ словомъ ораторъ не понималъ простаго защитника на судѣ; но и въ такомъ случаѣ мы думаемъ, что онъ былъ не правъ. Что же касается цѣлей политическаго оратора, то нѣтъ сомнѣнія, что изученіе какъ содержанія, такъ и стilia Ѳукидида, не могло не принести неисчислимую пользу человѣку съ истиннымъ дарованіемъ.

Только благодаря всей своей энергіи и настойчивости, удалось Демосѣену сдѣлаться ораторомъ. Какъ уже сказано, ему приходилось бороться съ физическими препятствіями слабаго здоровья и худаго произношенія. Его позднѣйшіе успѣхи могли служить несомнѣннымъ доказательствомъ необычайной силы его характера. Сила

эта, выражающаяся и во всей остальной его карьерѣ, всего болѣе поражаетъ насъ въ немъ. Существуетъ преданіе, что онъ приучалъ себя говорить съ камушками во рту; укрѣплялъ свой голосъ и свои легкія, громко декламируя, взбѣгая на гору и пытаясь перекричать шумъ волнъ во время бури на морскомъ берегу. Ему случалось даже проводить два или три мѣсяца безвыходно въ подземельѣ, причемъ онъ брилъ половину головы, чтобы отнять у себя возможность показаться въ публику и не подвергаться искушенію прервать свои риторическія упражненія. Но всѣ его терпѣливыя и усидчивыя занятія не доставили ему немедленнаго успѣха. Ни одно публичное собраніе не отличалось такою строгою критикою и такою требовательностью, какъ собраніе аѳинянъ. Демосѣенъ не разъ терпѣлъ неудачу. Какой-то старый гражданинъ встрѣтилъ его однажды въ то время, какъ онъ, послѣ одного изъ подобныхъ пораженій, бродилъ неутѣшно по Пирею и, чтобы ободрить его, сказалъ ему: «Твоя манера говорить напоминаетъ мнѣ манеру Перикла; но ты теряешься единственно отъ робости и трусости». Въ другой разъ, онъ возвращался домой очень обезкураженный, и повстрѣчался съ Сатиромъ, талантливымъ и очень любимымъ публикой актеромъ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ. Демосѣенъ сталъ жаловаться на то, что хотя онъ работаетъ несравненно болѣе другихъ ораторовъ и почти совсѣмъ потерялъ здоровье

отъ излишняго прилежанія, но все-таки не можетъ добиться одобренія у народа, который охотнѣе слушаетъ пьяныхъ моряковъ и всякій другой безграмотный людъ, чѣмъ его. «Это вѣрно, — отвѣтилъ актеръ, — но я научу тебя средству помочь горю, если только ты продекламируешь мнѣ какой нибудь отрывокъ изъ Эврипида или Софокла. Демосѣенъ исполнилъ это, и вслѣдъ за нимъ Сатиръ повторилъ тотъ же отрывокъ, но такъ, что самъ Демосѣенъ не узналъ его. При помощи подобныхъ намековъ и своего неутомимаго прилежанія, онъ добился-таки наконецъ рѣшительнаго успѣха въ судѣ и получилъ извѣстность хорошаго адвоката.

Въ общей сложности, ему, по нашимъ понятіямъ, не на что было пожаловаться. Успѣхъ все-таки увѣнчалъ его усилія очень рано въ жизни; и онъ уже имѣлъ большую практику въ судѣ, когда ему было еще далеко отъ тридцати лѣтъ, возраста, когда современный адвокатъ обыкновенно еще не можетъ похвалиться подобною удачею. Несомнѣнно, что въ Аѣинахъ представлялось несравненно болѣе широкое поле, гдѣ могло развернуться ораторское дарованіе, чѣмъ теперь у насъ или даже въ Англіи. Одной счастливой рѣчи было достаточно, чтобы упрочить успѣхъ адвоката. Конечно, чтобы произнести подобную рѣчь, необходимо было какъ природное дарованіе, такъ и значительное упражненіе; но, во всякомъ случаѣ, разъ, что такая рѣчь была произнесена, она открывала карьеру въ судѣ. Вѣроятно такъ

же, что аѣинскіе законы были далеко не такъ трудны и запутаны, какъ современные, и не имѣли всѣхъ тѣхъ вѣтвей и подраздѣленій, которыя сдѣлались необходимы въ такомъ сложномъ обществѣ, какъ наше. Поэтому изученіе ихъ конечно не составляло такой тяжелой задачи, какъ та, которая представляется каждому изъ нашихъ молодыхъ юристовъ. Но оно во всякомъ случаѣ служило отличнымъ приготовленіемъ къ политической жизни. Законы и политика соприкасались между собою въ Аѣинахъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, и ни одинъ юристъ не могъ оставаться совсѣмъ чуждымъ политической жизни. Многіе вопросы, которые мы относимъ исключительно въ область политики и которые у насъ могли бы обсуждаться не иначе, какъ въ парламентахъ, у нихъ входили подъ веденіе судовъ. Такъ напр. можно было обвинить человѣка передъ судомъ, если онъ предлагалъ законъ или постановленіе, противныя духу конституціи. Подобные случаи были далеко не рѣдки, и именно при одномъ изъ подобныхъ преслѣдованій Демосѣенъ, уже составившій себѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хорошую практику какъ адвокатъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, въ первый разъ выступилъ на политическую арену.

ГЛАВА IV.

ДЕМОСФЕНЪ ВСТУПАЕТЪ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОПРИЩЕ.

Во всѣхъ демократическихъ государствахъ съ богатыхъ требуется очень много. Это было правиломъ во всѣхъ греческихъ городахъ и преимущественно въ Афинахъ. Ихъ конституція требовала, чтобы каждый гражданинъ поддерживалъ въ себѣ общественный духъ и предписывала различные способы, которыми онъ могъ проявляться. Афиняне любили блестящую, веселую жизнь, и на богатыхъ налагалась закономъ обязанность удовлетворять народнымъ вкусамъ и способствовать публичнымъ увеселеніямъ. Конечно постановление это имѣло и свою хорошую сторону; оно заставляло богатыхъ чувствовать, что они не имѣютъ права употреблять свое богатство единственно для своего эгоистическаго удовлетворенія, но что богатый афинскій гражданинъ долженъ полагать свою гордость въ доставленіи средствъ счастья и образованія всѣмъ членамъ общества безъ различія. Периклъ, въ своей знаменитой надгробной рѣчи, сущность которой передалъ намъ Фукидидъ, хвалится,

что отличительная черта афинскаго характера состоитъ въ умѣнши соединять веселость и оживленіе съ глубокимъ сознаніемъ своихъ политическихъ обязанностей.

Поэзія и музыка занимали важное мѣсто въ жизни афинянъ. Они тѣсно были связаны съ религіозными обрядами. У насъ удовольствіями оперы можетъ пользоваться лишь весьма ограниченное меньшинство, въ Афинахъ даже бѣднѣйшій гражданинъ имѣлъ возможность удовлетворять своему вкусу къ подобнымъ удовольствіямъ. Законъ налагалъ на каждого человѣка, съ извѣстнымъ состояніемъ, обязанность составлять хоры музыкантовъ или пѣвцовъ при большихъ общественныхъ торжествахъ. Всѣ издержки въ подобныхъ случаяхъ лежали на немъ. Составивъ хоръ, онъ долженъ былъ нанять учителя или капельмейстера и платить ему за уроки. Ему приходилось также, какъ кажется, доставлять столъ и помѣщеніе хору во все время его обученія и сверхъ того снабжать его приличными одеждами. Все это, конечно, онъ могъ дѣлать черезъ посредство другаго лица; но если, какъ обыкновенно случалось, онъ желалъ исполнить это съ честью для самого себя, то поневолѣ, долженъ былъ взять дѣло въ собственные руки. За лучшее исполненіе назначались призы, которые, хотя часто и не имѣли никакой непосредственной цѣнности, но всегда составляли предметъ горячаго соревнованія. Хорагъ, какъ его называли, имѣлъ особое, назначенное ему мѣсто въ театрѣ и въ

его обязанность входило присутствовать при представлении въ официальномъ платьѣ, съ вѣнцомъ на головѣ. Существовали, повидимому, различнаго рода хоры: трагическіе, комическіе, пиррическіе и хоры флейтистовъ. Издержки по содержанію ихъ доходили отъ 800 до 8,000 рублей, очень крупная сумма сравнительно съ состояніемъ аѳинянъ. Тѣмъ не менѣе нерѣдко случалось, что желаніе добиться приза заставляло еще значительно превосходить ее. Восторжествовавшій хорагъ могъ быть увѣренъ, что сдѣлается популярнымъ чело-вѣкомъ въ Аѳинахъ.

Итакъ, вотъ какого рода былъ одинъ изъ правильныхъ налоговъ, налагаемыхъ на богатѣйшій классъ; кромѣ его были и другіе. Борьба атлетовъ и гимнастическія игры составляли одну изъ отличительныхъ чертъ въ греческой жизни. Однимъ изъ любимыхъ удовольствій въ Аѳинахъ былъ бѣгъ съ факелами, при которомъ бѣгущіе держали въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи, которымъ не должны были дать потухнуть. Во времена Сократа начала распространяться мода на скачки лошадей, и приготовленія къ нимъ сдѣлались одною изъ обязанностей, возложенныхъ на богачей. Гимназіархъ, или директоръ подобныхъ игръ, бралъ на себя всѣ издержки по представленію, долженъ былъ надзирать за обученіемъ состязующихся, которое велось на очень большую ногу и стоило много денегъ. Другую, еще болѣе обременительную обязанностью, было предводитель-

ство религиозными посольствами въ различныя священные мѣста. Это считалось одною изъ самыхъ высокихъ и почетныхъ обязанностей, и всякій разъ, когда государство находило нужнымъ послать особую избранную комиссію въ одинъ изъ древнихъ центровъ греческаго богослуженія, въ Делось или въ Дельфы, чтобы вопро-сить оракула или принести торжественное жертвоприношеніе, въ представители его избирался одинъ изъ самыхъ богатыхъ и почтенныхъ гражданъ. Выказать при подобномъ случаѣ что либо походящее на скупость считалось бы верхомъ позора и аѳиняне вообще были гораздо болѣе склонны вдаваться въ противоположную крайность. Глава посольства вступалъ въ городъ, составлявшій цѣль путешествія, на великолѣпно убранной колесницѣ, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Алкивиадъ привелъ въ удивленіе весь греческій міръ во время олимпійскихъ игръ великолѣпіемъ своихъ лошадей и своею царственною расточительностью. Но исполненіе этой обязанности даже самымъ простымъ и скромнымъ образомъ обходилось недешево. Меньшею издержкою считалось обязательство устроить общественный обѣдъ для всего того племени, къ которому принадлежалъ богатый чело-вѣкъ. Это тоже было повинностью, наложенною на богачей. Наконецъ, на нихъ лежала еще обязанность поддерживать флотъ — защиту и славу Аѳинъ. Объ этой обязанности, тріерархіи, какъ она называлась, постоянно упоминаетъ въ своихъ рѣ-

чахъ Демосѳенъ, стремившійся внушить своимъ согражданамъ всю ея важность.

Всѣ эти пожертвованія, не надо забывать, были обязательны для богатыхъ въ силу закона, а не въ силу общественнаго мнѣнія, какъ въ наши дни. Въ Аѳинахъ ни одинъ гражданинъ, внесенный въ списокъ людей съ извѣстнымъ состояніемъ, не могъ уклониться отъ нихъ. Въ нашемъ обществѣ также налагаются извѣстныя обязанности на его членовъ, напр. исполнять должность присяжнаго, когда наступитъ очередь, но развивать общественный духъ насильственно было бы противно нашимъ понятіямъ. Въ греческомъ государствѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ, было развито сознаніе обязательствъ каждаго гражданина по отношенію къ обществу; и въ Аѳинахъ, этомъ прототипѣ греческой демократіи, казалось совершенно естественнымъ налагать подобныя повинности на богатые классы. Но въ то же время аѳиняне иногда считали нужнымъ избавлять отъ нихъ извѣстныхъ личностей; такъ было нѣсколько примѣровъ, что большія услуги, оказанныя государству, избавляли отъ всякихъ общественныхъ повинностей, исключая тріерархіи. Иногда даже это преимущество распространялось и на потомковъ великихъ людей. Два имени особенно высоко чтились въ Аѳинахъ, Гармонія и Аристогитона, двухъ знаменитыхъ убійцъ тирановъ, которымъ аѳиняне считали себя обязанными за принципъ свободы и равенства, развитый въ ихъ городѣ.

Потомки ихъ были избавлены на вѣчныя времена отъ всѣхъ, описанныхъ нами, общественныхъ службъ. Равнымъ образомъ и государственный мужъ или полководецъ, хорошо послужившій отечеству, могъ получить въ награду такое же освобожденіе для себя и для своихъ дѣтей. У насъ подобныхъ людей награждаютъ обыкновенно пенсіями, которыя иногда, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, переходятъ и къ ихъ наслѣдникамъ. У аѳинянъ награда ихъ сводилась почти къ тому же, т. е. къ освобожденію ихъ отъ разорительныхъ и тяжелыхъ повинностей.

Само собою разумѣется, что въ подобную систему легко могли вкратиться разныя злоупотребленія, и что даже безъ очевидныхъ несправедливостей она давала широкое поле для злорадства и неудовольствія. Всякаго рода преимущества возбуждаютъ зависть въ другихъ и въ такомъ демократическомъ обществѣ, какъ было аѳинское, неизбежно навлекаютъ на себя гнѣвъ демагоговъ и политиковъ. Поэтому никакъ нельзя удивляться тому, что въ 356 г. въ Аѳинахъ былъ предложенъ и принятъ законъ, отмѣняющій всякія подобныя льготы. Зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкій Лептинъ, выразившій, безъ сомнѣнія, желанія цѣлой партіи. Ему удалось добиться очень важной мѣры, такъ какъ закономъ этимъ не только уничтожались всѣ прежде дарованныя преимущества, но и объявлялось незаконнымъ когда либо впослѣдствіи выдавать новыя, и даже про-

сать о нихъ запрещалось подѣ страхомъ строгаго наказанія. Мы не знаемъ, дѣйствовали ли аѳиняне подѣ вліяніемъ какого нибудь особаго побужденія, когда дали убѣдить себя пропустить подобный законъ. Онъ возбуждалъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильную оппозицію, главою которой сдѣлался сынъ знаменитаго Хабрія, павшаго на службѣ отечества, командуя кораблемъ при осадѣ Хіоса. Къ сыну перешла, по наслѣдству отъ отца, одна изъ подобныхъ льготъ. Лично онъ, какъ кажется, совсѣмъ ея не заслуживалъ; но онъ служилъ представителемъ принципа и потому нашелъ себѣ, мы можемъ быть увѣрены, многочисленныхъ послѣдователей. Демосѳенъ сталъ его адвокатомъ, и годъ послѣ постановленія этого закона напалъ на него въ рѣчи, всегда возбуждавшей большое восхищеніе.

Это было его первымъ шагомъ на поприщѣ политики. Въ то время онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, никакъ не старше 30 лѣтъ, вѣроятно даже еще моложе. Сказанная имъ по этому случаю рѣчь не обнаруживаетъ огня и силы нѣкоторыхъ изъ его послѣдующихъ обращеній; она очень спокойна и убѣдительна и вполне заслуживаетъ названіе «тонкой», данное ей Цицерономъ *). Дѣйствительно, она можетъ служить образцомъ строгаго, послѣдовательнаго разсужденія. Предложеніе Лептина несомнѣнно пользовалось популяр-

ностью и поддерживалось многими, довольно вѣскими доводами. Дѣла государства находились въ такомъ положеніи, что возможность и желательность какихъ либо льготъ и освобожденій отъ общественныхъ повинностей становилась очень сомнительною. Аѳинны значительно обѣднѣли послѣ раззорительной войны съ союзниками и многіе изъ богатыхъ гражданъ находились, по крайней мѣрѣ временно, въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Поэтому освобожденіе нѣкоторыхъ богатыхъ людей отъ повинностей, когда вообще было такъ мало денегъ въ странѣ, могло считаться положительною потерей для государства, значительно увеличивающей трудность доставленія народу столь любимыхъ имъ увеселеній. Нѣтъ сомнѣнія также, что подобныя льготы раздавались слишкомъ щедро и выпадали иногда на долю личностей совсѣмъ недостойныхъ. Человѣкъ не особенно состоятельный долженъ былъ чувствовать себя обиженнымъ, видя, что иные люди, несравненно богаче его, освобождены отъ всякихъ налоговъ. Привилегированное меньшинство неизбежно должно было возбуждать противъ себя зависть и, почти можно было сказать, что оно лишало государство должнаго ему. Законъ Лептина, по мнѣнію многихъ, имѣлъ цѣлью обезпечить Аѳинамъ добросовѣстное выполненіе тѣхъ обязанностей, которыя городъ имѣлъ право требовать съ каждаго состоятельнаго гражданина. Тяжесть этихъ обязанностей, такъ разсуждалъ Лептинъ, должна была рав-

*) Ораторъ, с. XXXI.

но распредѣляться между всѣми; исключенія не должны были быть терпимы, тѣмъ болѣе, что ничто не ручалось за справедливость выбора и что примѣръ другихъ городовъ, напр. Спарты и Фивъ, показывалъ, что въ подобныхъ льготахъ нѣтъ необходимости. Къ тому же въ Аѣинахъ существовали другіе способы награждать добродѣтель, и отмѣняя подобныя награды, городъ въ сущности уничтожалъ преимущество, бесполезное для владѣльца и крайне вредное для государства. Такимъ образомъ, при поверхностномъ сужденіи, законъ этотъ могъ показаться хорошимъ и долженъ былъ привлечь къ себѣ сочувствіе народа. Онъ подавалъ надежду уничтожить несправедливыя преимущества, распредѣлить общественные налоги равно между всѣми и дать возможность поддерживать народныя празднества и игры съ подобающимъ великолѣпіемъ.

Ясно, что оппозиціонному адвокату приходилось пустить въ дѣло при этомъ случаѣ всѣ силы своего краснорѣчія. Чтобы представить себѣ аналогическій примѣръ въ наше время, предположимъ, что въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ, напр. въ Англіи, во время какого-нибудь національнаго бѣдствія, когда въ каждомъ налогѣ чувствуется крайняя необходимость, внесли бы въ парламентъ предложеніе отмѣнить всѣ пенсіи, когда либо назначенныя заслуженнымъ людямъ или ихъ дѣтямъ. Можно представить себѣ, что въ подобную критическую минуту предложеніе это нашло бы

себѣ защитниковъ и сдѣлалось бы лозунгомъ могущественной партіи. Демосѣену поэтому приходилось вѣроятно бороться противъ теченія. Но онъ избралъ правильную почву и основалъ свое сужденіе на высоко-нравственныхъ принципахъ и на самомъ просвѣщенномъ пониманіи политической необходимости. Честь и слава государства, такъ утверждалъ онъ, должны стоять выше всякихъ другихъ соображеній. Сущность его рѣчи можно выразить словами: «доброе имя лучше богатства».

Онъ доказывалъ во-первыхъ, что несправедливо отнимать у народа право раздавать спеціальныя милости на томъ основаніи, что ему случалось раздавать ихъ неразумно.

«Вы такъ же хорошо могли бы лишить его всѣхъ его конституціонныхъ правъ, потому что онъ не всегда пользуется ими умно. Даже если и случалось немногимъ недостойнымъ личностямъ получать эти привилегіи, то все-таки это лучше, чѣмъ еслибы онѣ вовсе не существовали и былъ бы уничтоженъ могучій стимулъ патріотизма. Отмѣнить милости, дарованныя государствомъ, было бы позорнымъ нарушеніемъ народной чести. Это набросило бы пятно на демократическое правленіе и вызвало бы впечатлѣніе, что ему можно довѣряться не болѣе, чѣмъ правленію олигарховъ или деспотовъ. Это было бы низкою неблагодарностью по отношенію ко многимъ знаменитымъ иностранцамъ,

напр. по отношенію къ босфорскому царю, изъ государства котораго ввозится беспошлинно большое количество хлѣба въ Аѣины, и конечно въ будущее время подобные люди уже не подумали бы помочь нашему государству въ нуждѣ. Ни къ чему не ведетъ указывать на Спарту и на Оивы, какъ на доказательства, что подобныя льготы не нужны. Весь характеръ, весь геній этихъ государствъ такъ радикально различенъ отъ нашего, что изъ того, что дѣлается у нихъ, нельзя вывести никакого заключенія о томъ, что годится для аѣинянъ. Чрезвычайно важно, чтобы Аѣины, какъ самые благородные представители Греціи, чтили выше всего на свѣтѣ репутацію честности, великодушія и общественнаго духа. Попытка связать ихъ на вѣчныя времена закономъ, который грозитъ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ стѣсненіемъ для патріотическихъ побужденій, не можетъ быть разумною. Никто не въ состояніи предвидѣть, какое направленіе приметъ политика и возможно, что опять встрѣтится нужда въ гражданахъ въ родѣ Гармодія и Аристокитона. Всякое человеческое законоположеніе должно принимать въ расчетъ подобныя возможности и случайности, какъ ни мало вѣроятными они представляются въ данное время. Законъ Лептина въ дѣйствительности есть оскорбленіе Немезидѣ, всегда готовой покарать дерзость и самонадѣянность».

Таковы были нѣкоторые изъ существенныхъ дово-

довъ, противопоставляемыхъ Демосоеномъ разсужденіямъ его противниковъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, какъ заботливо охраняли аѣиняне свое доброе имя въ прежнія времена.

«Вамъ надо думать не только о томъ, любите ли вы деньги, но тоже и о томъ, любите ли вы ваше доброе имя, которое для васъ дороже денегъ; и не только для васъ, но и для вашихъ предковъ, какъ я могу доказать. Потому что въ то время, когда они имѣли деньги въ избыткѣ, они употребляли ихъ всѣ на погоню за славой. Изъ любви къ славѣ, они не останавливались ни передъ какою опасностью, но держались до послѣдней возможности, жертвуя даже своими частными состояніями. Въмѣсто добраго имени законъ этотъ пуститъ про все общество худую славу, не достойную ни вашихъ предковъ, ни васъ самихъ. Онъ навлечетъ на васъ три величайшихъ упрека: упрекъ въ зависти, въ нечестности и въ неблагодарности. Что постановленіе подобнаго закона совсѣмъ противно вашему характеру, я попытаюсь доказать въ нѣсколькихъ словахъ, напомнимъ вамъ одно изъ прежнихъ рѣшеній этого государства. Тридцать тирановъ, какъ говорятъ, заняли деньги у лакедемонянъ, чтобы напасть на партію въ Пирей. Когда единодушіе было снова восстановлено и смуты прекратились, лакедемоняне прислали посланныхъ, требуя уплаты своихъ денегъ. Это вызвало споръ и нѣкоторые утверждали, что на занявшихъ,

т. е. на городской партіи, лежитъ и обязанность платить; другіе же совѣтовали, какъ первое доказательство единодушія, сложиться всѣмъ для уплаты этого долга. Народъ, какъ мы знаемъ, рѣшилъ добровольно принять на себя часть этой издержки, чтобы не нарушить ни единой статьи своей конституціи. Не будетъ ли послѣ этого позорнымъ, если вы, которые тогда предпочли пожертвовать вашими деньгами на пользу людей, повредившихъ вамъ, лучше чѣмъ измѣнить вашему слову, теперь, когда въ вашей власти, безъ всякихъ для васъ издержекъ, оказать справедливость вашимъ благодѣтелямъ, отмѣнивъ этотъ законъ, захотите нарушить ваши обѣщанія?»

Онъ доказываетъ также, что духъ зависти и скупости, выражающійся въ этомъ законѣ, всего противнѣе чувствамъ аѳинянъ.

«Слѣдуетъ избѣгать всякаго нареканія, но пуще всего упрека въ зависти. Почему? Потому что зависть служитъ признакомъ дурной натуры и питать подобное чувство непростительно. Не говоря о томъ, что обществу нашему ненавистно все низкое, нѣтъ упрека, котораго оно заслуживало бы менѣе упрека въ зависти. Замѣтьте, сколько доказательствъ въ пользу этого. Во-первыхъ, вы единственный народъ, учредившій государственныя похороны для покойниковъ и надгробныя рѣчи, въ которыхъ восхваляются дѣянія славныхъ людей. Этотъ обычай достоинъ народа, который чтитъ

добродѣтель и не завидуетъ тѣмъ, которыхъ превозносятъ за нее. Во-вторыхъ, вы всегда присуждали высочайшія награды тѣмъ, которымъ удавалось добиться вѣнка при гимнастическихъ состязаніяхъ; и изъ-за того, что лишь немногіе рождены для подобныхъ наградъ, вы не завидовали тѣмъ, которые удостоивались ихъ и не скупились на оказываемыя имъ почести. Присовокупите еще къ этимъ явнымъ доказательствамъ, что ни одно государство не превзошло, повидимому, наше, по щедрости — съ такою расточительностью награждало оно всегда оказанныя ему услуги. Все это проявленія справедливости, честности, великодушія. Не разрушайте ту славу, которая всегда шла про наше государство. Изъ-за того, чтобы дать Лептину возможность удовлетворить своей личной злобѣ противъ кого нибудь изъ его непріятелей, не лишайте государство и самихъ себя того честнаго имени, которымъ вы пользовались во всѣ времена. Смотрите на это, какъ на состязаніе изъ-за достоинства Аѳинъ, останется ли оно такимъ, какъ прежде, или будетъ потоптано и унижено».

Слѣдующее мѣсто находится почти въ самомъ концѣ рѣчи. Демосоевъ доказываетъ неополитичность связать государство на будущія времена подобнымъ закономъ.

«Еще на одно хочу я обратить ваше вниманіе. Тотъ законъ не можетъ быть хорошъ, который принимаетъ одинаковыя распоряженія относительно будущаго и прошедшаго. «Никто не долженъ быть избавленъ отъ по-

винностей», говоритъ онъ, «ни даже потомки Гармодія и Аристогитона». Хорошо. «Одинаково не будетъ законнымъ раздавать подобныя льготы въ будущемъ». Какъ! Даже если снова явятся подобные люди? Осуждайте, какъ хотите прежнія дѣянія, но извѣстно ли вамъ также будущее? О, но вѣдь мы не можемъ ждать ничего подобнаго! Надѣюсь, что нѣтъ; но будучи людьми, наши слова и законы должны быть таковыми, чтобы не возмущать религіозное чувство; и мы, надѣясь на счастливую будущность и моля небо послать намъ ее, въ тоже время не должны забывать, что судьба каждаго человѣка подвержена случайностямъ. Будущее, я полагаю, невѣрно ни для кого изъ людей и маленькія причины порождаютъ иногда великія событія. Поэтому мы будемъ умѣренны въ счастья и покажемъ, что не теряемъ изъ виду будущее».

Можно сказать, что рѣчь эта имѣетъ очень современный отпечатокъ. Доводы ея были бы достойны современнаго государственнаго человѣка или дальновиднаго политика. Она спокойна и умѣренна и въ то же время чрезвычайно убѣдительна. Она достигла своей непосредственной цѣли и конечно упрочила за Демосеемъ репутацію одного изъ первыхъ политическихъ ораторовъ. Начиная съ этого времени, онъ вѣроятно уже не чувствовалъ ни робости, ни стѣсненія, обращаясь къ этой столь критической публикѣ—народному собранію въ Афинахъ.

ГЛАВА V.

РАННЯЯ РѢЧИ ДЕМОСФЕНА КАСАТЕЛЬНО ИНОСТРАННОЙ ПОЛИТИКИ.

Персія въ IV-мъ столѣтіи до Р. Х. была болѣе сильною державою, чѣмъ мы могли бы предположить по той сравнительной легкости, съ которою она была разрушена Александромъ. Великій царь, какъ онъ все еще назывался, обладалъ громадными средствами. Съ финансовой стороны онъ былъ несравненно сильнѣе греческаго міра, хотя его слабость въ военномъ отношеніи была уже не разъ доказана. Греки все еще продолжали относиться къ нему съ какимъ-то недоумѣвающимъ страхомъ. Онъ властвовалъ до извѣстной степени надъ обширнымъ государствомъ и держалъ его въ повиновеніи при помощи сатраповъ и вассальныхъ князей, несмотря на нерѣдкія, серьезныя возстанія. Ему пришлось, правда, въ прежніе дни, признать независимость азіатскихъ грековъ; но онъ все-таки признавался крупною силою въ греческой политикѣ, съ которою грекамъ не разъ случалось приходиться въ столкнове-

ніе. Въ общей сложности, въ немъ продолжали видѣть врага, хотя несчастное отсутствіе всякаго единодушія между государствами Греціи клонило къ ослабленію этого чувства и дѣлало всякое соединенное противодѣйствіе персамъ почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе все еще пробуждалось иногда смутное опасеніе, что, въ случаѣ сильнаго раздраженія, онъ въ состояніи раздавить въ одинъ прекрасный день весь греческій міръ подъ тяжестью несмѣтнаго нашествія варваровъ.

Въ 356 г. до Р. Х., во второй годъ войны аеинянъ съ возставшими союзниками, страхъ этотъ въ Аеинахъ перешелъ въ настоящую панику. Греческіе полководцы, какъ мы видѣли, считали иногда удобнымъ для себя поступать на службу къ какому нибудь персидскому сатрапу изъ-за щедрой платы, на которую они могли увѣренно рассчитывать. Въ упомянутомъ году Харесъ начальствовалъ надъ флотомъ, посланнымъ Аеинами для подавленія ея возставшихъ подданныхъ на островахъ Эгейскаго моря. Онъ могъ поистинѣ назваться искателемъ приключеній; когда онъ увидѣлъ, что не имѣетъ больше средствъ платить своимъ войскамъ, онъ на собственную отвѣтственность повелъ ихъ на помощь Артабану, сатрапу страны къ югу отъ Мраморнаго моря, возставшему противъ великаго царя. Артабанъ въ это время сильно нуждался въ помощи, но Харесъ одержалъ для него блестящую побѣду надъ царскими войсками и получилъ для себя и для своихъ солдатъ щед-

рое вознагражденіе. Поступокъ этотъ, само собою разумѣется, былъ вполне противозаконнымъ и вызвалъ сильное неодобреніе въ Аеинахъ, но успѣхъ примирилъ ихъ съ нимъ. Персидскій царь, какъ и слѣдовало ожидать, пришелъ въ негодованіе и отправилъ пословъ въ Аеины съ жалобами на это, ничѣмъ не вызванное нападеніе. Вскорѣ разнеслись слухи, что онъ готовится выслать флотъ въ 300 галеръ, чтобы поддержать возставшихъ союзниковъ и напасть на Аеины. Всѣ пришли въ страшную тревогу. Миръ былъ немедленно заключенъ съ союзниками, но народное чувство клонилось въ пользу объявленія войны Персіи. Теперь, говорили, настало время воззвать къ чувству пангелленизма и попытаться соединить Грецію противъ ея стараго врага. Мы легко можемъ представить себѣ, что подобныя рѣчи находили отголосокъ во многихъ сердцахъ и могли показаться не только патріотическими, но и разумными.

Въ этомъ случаѣ Демосѳенъ снова считъ своею обязанностью воспротивиться. Онъ выразилъ свой протестъ въ рѣчи, сказанной имъ въ 354 г. до Р. Х. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ стоялъ на непопулярной сторонѣ. Сверхъ того, онъ имѣлъ противъ себя знаменитаго и искуснаго риторика Исократу, доказывавшаго, въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, необходимость пангелленическаго союза противъ Персіи. Партія Эвбула, поддерживаемая многими ораторами и демаго-

гами, тоже держалась этой политики. Демосеенъ считалъ этотъ планъ пустою мечтою, плодомъ празднаго воображенія шайки искателей приключеній. Рѣчь, въ которой онъ возстаетъ противъ него, чрезвычайно спокойна и вполне достойна государственнаго человѣка.

«Ни въ одной изъ его рѣчей», замѣчаетъ Гротъ, не преобладаетъ такъ сильно духъ политической мудрости, какъ въ этомъ, самомъ раннемъ его обращеніи къ народному собранію». Онъ высказываетъ своимъ возбужденнымъ слушателямъ нѣсколько простыхъ истинъ. «Греки», онъ сознается откровенно, «слишкомъ завидуютъ другъ другу, чтобы быть способными соединиться вмѣстѣ для агрессивной войны. Это было бы еще возможно въ случаѣ войны для самозащиты. Если Аѣины объявятъ войну, персидскій царь будетъ въ состояніи подкупить самихъ грековъ. Подобный шагъ обнаружитъ поэтому самыя слабыя стороны греческаго міра. Правильная политика Аѣинъ должна состоять теперь въ томъ, чтобы приготовиться къ оборонѣ такъ, чтобы нападеніе не застало ихъ върасплохъ. Они должны возсоздать свой флотъ. Они не должны уклоняться отъ личной службы и полагаться на чужестранныхъ наемщиковъ. Они не должны самодовольно успокоиваться на славныхъ дѣяніяхъ своихъ предковъ, но поддерживать достоинство государства, стараясь сами подражать этимъ дѣяніямъ, какихъ бы временныхъ жертвъ это имъ ни стоило. Они должны также стараться привлечь

къ Аѣинамъ толпу союзниковъ, соединенныхъ съ ними узами общихъ интересовъ и взаимнаго довѣрія». Нѣкоторые изъ вопросовъ, затронутыхъ въ этой рѣчи, таковы, что при существующихъ критическихъ обстоятельствахъ необходимо было много нравственнаго мужества, чтобы рѣшиться высказать ихъ.

Нѣсколько отрывковъ изъ этой рѣчи дадутъ читателю понятіе о взглядахъ Демосеена на Персію, на трудность соединеннаго противодѣйствія этой державѣ и на непосредственныя обязанности, лежащія на самихъ аѣинянахъ.

«Я считаю царя», говоритъ онъ, «общимъ врагомъ всѣхъ грековъ. Но все-таки на этомъ основаніи я не совѣтовалъ бы вамъ предпринять противъ него войну безъ остальныхъ. Сами греки, я замѣчаю, не друзья другъ для друга. Напротивъ того, нѣкоторые изъ нихъ питаютъ болѣе довѣрія къ царю, чѣмъ къ инымъ изъ своихъ соотечественниковъ. При подобномъ положеніи дѣлъ, я считаю полезнымъ для васъ убѣдиться сначала что причина войны справедлива и уважительна, что всѣ нужныя приготовленія къ ней сдѣланы и это должно служить основаніемъ вашихъ рѣшеній. Если-бы существовали явныя доказательства, что царь Персіи намѣревается напасть на грековъ, я думаю, они бы присоединились къ союзу и были бы отъ души благодарны всякому, кто бы взялъ ихъ сторону и защитилъ ихъ отъ него. Но если мы опрометчиво бросимся

въ борьбу съ нимъ, прежде чѣмъ его намѣренія выяснятся, я боюсь, что мы будемъ вовлечены въ войну съ обоими — какъ съ царемъ, такъ и съ тѣмъ народомъ, который желаемъ защитить. Онъ отложить на время свои дальнѣйшіе виды, если даже онъ дѣйствительно рѣшился напасть на грековъ, дать денегъ нѣкоторымъ изъ нихъ и обѣщаетъ имъ свою дружбу; они же, изъ за желанія вести съ большимъ успѣхомъ свои собственныя войны и поглощенные подобными же стремленіями, забудутъ объ общей безопасности греческаго міра. Я умоляю васъ не вовлекать наше отечество въ подобныя затрудненія и безумія. Вы, я замѣчаю, не можете принять ту же политику относительно царя, какъ остальные греки. Многіе изъ нихъ, мнѣ представляется, находятъ вполне возможнымъ преслѣдовать свои себялюбивые интересы и оставаться вполне равнодушными къ общественному благу. Но для васъ было бы позорнымъ, даже если бы вы потерпѣли оскорбленіе, такъ покарать виновныхъ чтобы дать имъ подпасть подъ господство варваровъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, мы должны тщательно остерегаться не быть вовлеченными въ войну на неравныхъ условіяхъ, и не дать тому, кого мы подозрѣваемъ въ недобрыхъ намѣреніяхъ противъ грековъ, прослыть въ ихъ глазахъ ихъ другомъ».

Хотя Аѣины и богаты, онъ предостерегаетъ народъ, что денежные взносы не посыпятся при однихъ смут-

ныхъ слухахъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Персіи. Когда опасность дѣйствительно станетъ очевидною, тогда будетъ время государству обложить налогами своихъ зажиточныхъ гражданъ.

«Вы приглашаете грековъ присоединиться къ вамъ, но если вы не будете поступать по ихъ желанію, какъ можете вы надѣяться, что они послушаются вашего призыва, когда нѣкоторые изъ нихъ не питаютъ къ вамъ расположенія? Вѣроятно на томъ основаніи, что они услышатъ отъ васъ, что Персія имѣетъ противъ нихъ замыслы? Такъ неужели же вы воображаете, что они сами не предвидятъ это. Я увѣренъ, что да; но въ настоящемъ, страхъ недостаточенъ, чтобы перевѣсить ту вражду, которую иные изъ нихъ питаютъ къ вамъ и другъ къ другу. Аѣины обладаютъ сокровищами, равными сокровищамъ всѣхъ остальныхъ греческихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ. Но владѣльцы этихъ сокровищъ такъ настроены, что если всѣ ваши ораторы встревожили ихъ извѣстіемъ, что царь идетъ на нихъ, что онъ уже близко, что опасность неминуема, — если бы кромѣ ораторовъ, множество людей предупредили бы ихъ изрѣченіями оракуловъ, — они, вмѣсто того чтобы поспѣшить добровольными пожертвованіями, не пожелали бы даже обнародовать свое состояніе или признаться въ обладаніи имъ. Но если-бы они узнали, что то, что такъ страшно по слухамъ, дѣйствительно началось, не было бы человѣка столь безумнаго,

чтобы не быть готовымъ на пожертвованія и первымъ на вспомошествованія. Я говорю, что мы имѣемъ деньги на время дѣйствительной нужды, но не имѣемъ ничего передъ тѣмъ. Поэтому я совѣтую вамъ не домогаться ихъ теперь. — Правильный путь для васъ состоитъ въ приведеніи вашихъ другихъ приготовленій къ окончанію. Пусть богатые удержатъ временно свое богатство (оно не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ для государства); если же наступитъ кризисъ, возьмите его у нихъ добровольными пожертвованіями».

Рѣчь Демосфена кончается слѣдующимъ образомъ:

«Мой совѣтъ: не слишкомъ страшитесь войны, но также и не давайте увлечь себя начать ее сами. Насколько я вижу, ни одно другое государство Греціи не имѣетъ причинъ опасаться ее. Всѣ греки знаютъ, что все время пока они считали Персію своимъ общимъ врагомъ, они жили въ добромъ согласіи между собой и пользовались большимъ благосостояніемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ они стали видѣть въ царѣ друга и затѣяли ссоры другъ съ другомъ, они потерпѣли худшія бѣдствія, чѣмъ кто либо могъ бы наликать на нихъ. — Слѣдуетъ ли намъ бояться человека, котораго какъ судьба, такъ и небо объявили вреднымъ другомъ и полезнымъ врагомъ? Если-бы была возможность единодушно и соединенными силами напасть на него одного, подобное нападеніе я не могъ бы назвать несправедливымъ. Но такъ какъ это невозможно, то мы должны

дѣйствовать осмотрительно и не доставлять царю предложения вступаться за права другихъ грековъ. Не обнаруживайте плачевное состояніе Греціи, сзывая ее народъ, который вы не можете убѣдить, и начиная войну, которую вы не въ силахъ вести. Только оставайтесь въ покоѣ, не страшитесь ничего и готовьтесь. — Въ короткихъ словахъ, мой совѣтъ состоитъ въ слѣдующихъ: Держитесь наготовѣ противъ вашихъ существующихъ враговъ и вы съ тѣми же силами будете въ состояніи отразить царя и всѣхъ другихъ, если они попытаются повредить вамъ. Но никогда не начинайте спора словомъ или дѣломъ. Будемъ заботиться о томъ, чтобы наши дѣянія, а не наши рѣчи съ трибуны, были достойны нашихъ предковъ. Слѣдуя этому пути, вы принесете пользу не только самимъ себѣ, но и тѣмъ, которые совѣтуютъ вамъ противное, потому-что вы не будете сѣтовать на нихъ въ послѣдствіе за ошибки, которыя теперь надѣлаете».

Можно сказать, что въ этой рѣчи Демосфенъ даетъ предвкусіе общаго характера своей внѣшней политики. Онъ не желалъ, чтобы Аѣины нападали на другихъ, но только чтобы они умѣли твердо держать свое. На это, онъ полагалъ, ихъ легко можно убѣдить. Великія мечты о пангелленическомъ союзѣ противъ персидскаго государства, рисовавшіяся въ воображеніи Исократы, и прельщавшія, подъ его вліяніемъ, умы извѣстнаго класса политическихъ мечтателей, представлялись ему несбы-

точнымъ бредомъ. Прежде всего, онъ стремился быть практическимъ государственнымъ человѣкомъ, и рѣчь его, на которую мы только что ссылались, сказанная имъ въ самомъ началѣ его политической жизни, служить явнымъ доказательствомъ этого.

Въ слѣдующемъ году онъ сказалъ рѣчь, представляющую большой интересъ, такъ какъ она поясняетъ его взглядъ на греческую политику того времени. Для Аѣины было крайне важно, по его мнѣнію, удержать равновѣсіе въ греческомъ мірѣ и не дать черезчуръ усилиться ни Спартѣ, ни Фивамъ. Я уже пояснилъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ основанъ Мегалополь въ 371 г. до Р. Х., послѣ великой битвы при Левктрѣ, подъ вліяніемъ фивянъ, какъ главный городъ Аркадіи и преимущественно какъ оплотъ противъ Спарты. Основаніе этого города, вмѣстѣ съ потерей Мессены, воспослѣдовавшею вскорѣ затѣмъ, было страшнымъ ударомъ для этого государства. Спарта, въ дѣйствительности, на время была отнесена къ второстепеннымъ державамъ. Ее стѣсняли враги какъ съ сѣвера, такъ и съ запада. Врядъ ли можно было рассчитывать, что она примирится съ подобнымъ униженіемъ. И такъ, въ 353 г. до Р. Х. царь ея, Архидамъ, сталъ задумывать контръ-революцію, которая бы уничтожила послѣдствія Левктры разрушеніемъ Мегалополя и возвращеніемъ Мессены. Однако ему необходимо было придумать какой нибудь предлогъ, который могъ бы показаться основа-

тельнымъ въ глазахъ остальной Греціи. Онъ помышлялъ о радикальномъ измѣненіи положенія дѣлъ въ Пелопонезѣ, въ интересахъ Спарты; и это, онъ сознавалъ, никогда не будетъ допущено, если сознаться въ этомъ открыто. Поэтому онъ выдвинулъ впередъ политику общаго возстановленія древнихъ правъ различныхъ государствъ. Аѣины, на этомъ основаніи, должны были вернуть себѣ пограничный городъ Оропъ, теперь перешедшій къ Фивамъ, потеря котораго сильно огорчала и раздражала ихъ. Этимъ надѣялись заручиться сочувствіемъ Аѣинъ къ этому предложенію, которое, само собою разумѣется, должно было вызвать сильнѣйшее сопротивленіе фивской партіи. Результатъ, который подобная политика имѣла бы для Мегалополя, какъ для преграды на пути Спарты, осторожно держался на заднемъ планѣ. Новый городъ неизбежно долженъ былъ бы переродиться въ ничтожный городишко и цѣль, которая имѣлась въ виду при его основаніи, не была бы достигнута.

Въ Аѣины прибыли посланные какъ изъ Спарты, такъ и изъ Мегалополя. Начались жаркія, ожесточенныя пренія. Жестокая ненависть, которую всегда питали аѣиняне къ фивянамъ, въ соединеніи съ желаніемъ немедленно вернуть Оропъ, была достаточна, чтобы привлечь сочувствіе къ предложенію Спарты. Можетъ показаться страннымъ, что воспоминаніе о всемъ томъ, что потерпѣли Аѣины отъ Спарты, не рѣшило тотчасъ же вопроса и не открыло глаза народу насчетъ опас-

ности лукавой политики Спарты. Были, правда, люди, которые проникли ее и старались обнаружить ее народу. Въ ихъ числѣ былъ Демосеентъ. Онъ принадлежалъ къ оппозиціи, но на этотъ разъ, повидимому, потерпѣлъ поражение. Онъ поддерживалъ сторону Мегалополя, — въ то же время и сторону Фивъ — доказывая, что будетъ важною политическою ошибкою дать Спартѣ возможность вернуть то положеніе, которое она занимала въ Греціи передъ битвою при Левктрѣ. Его рѣчь, очень тонкая и остроумная, должна была убѣдить всякаго, кто не давалъ увлечь себя неразумною ненавистью ко всему фивскому.

«Лакедемоняне», говоритъ онъ, «играютъ коварную роль. Они говорятъ, что не могутъ сохранить ту благодарность, которую чувствуютъ къ вамъ за то, что вы помогли имъ въ минуту крайней нужды, иначе, какъ если вы позволите имъ теперь совершить несправедливость. Какъ ни противно намѣреніямъ Спарты будетъ принятіе нами аркадскаго союза» (т. е. союза съ Мегалополемъ) «но ихъ благодарность къ намъ за то, что мы спасли ихъ въ кризисъ чрезвычайной опасности конечно должна была бы перевѣсить ихъ неудовольствіе на то, что мы теперь помѣшаемъ ихъ агрессивнымъ намѣреніямъ».

Что же касается приманки, выставляемой Спартою Аѣинамъ, насчетъ возможности возвращенія Оропа, онъ говоритъ:

«Мое мнѣніе, что государство наше, даже не от-

давая аркадскихъ жителей на жертву лакедемонянамъ, можетъ вернуть Оропъ, при ихъ помощи, если они склонны поступать справедливо, или при помощи другихъ, которымъ фивское насиліе сдѣлалось также невыносимымъ. Во вторыхъ, предположивъ даже, что намъ доказано, что иначе какъ допустивъ лакедемонянъ подчинить себѣ Пелопонезъ, мы не можемъ завладѣть Оропомъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что я считаю болѣе для насъ полезнымъ оставить Оропъ въ покоѣ, чѣмъ выдать Мессену и Пелопонезъ лакедемонянамъ. Мнѣ представляется, что вопросъ между нами и ими скоро коснулся бы другихъ предметовъ...

«Я убѣжденъ, судя по прежнему опыту, — и я думаю, что большинство аѣинянъ согласятся со мною, — что разъ лакедемоняне возьмутъ Мегалополь, Мессена будетъ въ опасности; если же они овладѣютъ Мессеною, то я предсказываю вамъ, что вы и фивяне сдѣлаетесь союзниками. Поэтому гораздо лучше и почетнѣе для насъ признать фивскую федерацію нашими друзьями и воспротивиться лакедемонскому самолюбію, чѣмъ, изъ нежеланія поддержать союзниковъ Фивъ, пожертвовать ими теперь, а послѣ быть въ необходимости спасать самыя Фивы и дрожать за свою собственную безопасность. Я не могу не признать опаснымъ для нашего государства, если лакедемоняне возьмутъ Мегалополь и снова усилятся, потому-что я вижу, что они начали войну не изъ за самозащиты, но съ цѣлью вернуть

свое прежнее могущество. Какія были ихъ намѣренія, когда власть была въ ихъ рукахъ, вы можете быть знаете лучше меня и потому имѣете причины тревожиться».

Это были прямые, здравые, достойные государственнаго мужа совѣты. Не могло быть въ интересахъ Аѳинъ дозволить Спартѣ вернуть свое прежнее преобладаніе, къ чему она очевидно стремилась. Въ интересахъ ихъ было, какъ замѣчаетъ Демосѳенъ къ концу своей рѣчи, не выдавать Мегалополь и Аркадію и дать имъ почувствовать (если они переживутъ борьбу), что они обязаны своимъ спасеніемъ не самимъ себѣ и не какому либо другому народу, какъ только аѳинянамъ. При томъ поворотѣ, который приняли дѣла, тѣ опасности, которыхъ страшился Демосѳенъ, никогда не осуществились. Онъ не могъ убѣдить своихъ соотечественниковъ поддержать Мегалополь. Они просто оставались нейтральными. Лакедемоняне въ теченіе двухъ лѣтъ вели войну въ Аркадіи и имѣли нѣсколько частныхъ удачъ, но были не въ силахъ привести свои намѣренія въ исполненіе. Оивы, хотя солдаты ихъ и были заняты въ другихъ мѣстахъ, нашли возможнымъ послать войско въ Пелопонезъ; и послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ стычекъ было заключено перемиріе, оставлявшее все въ прежнемъ положеніи. Мегалополь и Аркадія избѣгли той опасности, которою грозила имъ Спарта. Но результатъ для Аѳинъ и для Греціи былъ неудовлетворительный. Впослѣдствіе, когда имъ опять грозила та же

опасность со стороны Спарты, они уже не сочли нужнымъ прибѣгнуть къ помощи Аѳинянъ; они не желали вторично получить отказъ и на этотъ разъ обратились къ Филиппу. Онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы уступить этотъ удобный случай, и такимъ образомъ вліяніе Македоніи распространилось на дѣла Пелопонеза. Таковъ была плачевный результатъ равнодушія аѳинянъ къ успѣхамъ спартанскаго самолюбія. Они вызвали въ греческомъ мірѣ такое впечатлѣніе, какъ будто они не заботятся серьезно о сохраненіи независимости городовъ Пелопонеза, хотя и постоянно говорятъ объ этомъ. — Такое заключеніе было выведено изъ ихъ отказа соединиться съ Мегалополемъ противъ Спарты. Если-бы они послушались совѣтовъ Демосѳена, они заняли бы достойное политическое положеніе и, при томъ положеніи, которое приняли дѣла, оказались бы существенною преградой на пути своего будущаго врага и побѣдителя. Правда, что въ это время еще не было никакихъ явныхъ причинъ опасаться Македоніи, и даже ни одного намека на Филиппа нѣтъ въ этой рѣчи Демосѳена. Изъ этого мы заключаемъ, что онъ самъ еще не страшился ничего съ этой стороны. Тѣмъ не менѣе къ чести его должно служить то, что онъ убѣждалъ аѳинянъ принять политику, которая привлекла бы къ нимъ сочувствіе и довѣріе многихъ грековъ и вѣроятно могла бы предупредить распространеніе опаснаго, чужестраннаго вліянія на важную часть греческаго міра.

ГЛАВА VI.

ПЕРВАЯ РѢЧЬ ДЕМОСФЕНА ПРОТИВЪ ФИЛИППА. РѢЧЬ ЗА
НЕЗАВИСИМОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОДОСА.

352 г. д. Р. X. положилъ начало великимъ событіямъ. Въ этомъ году царь Македоніи въ первый разъ проявилъ нѣкоторыя намѣренія, сопряженныя съ опасностью для греческаго міра. Онъ прямо вмѣшался въ греческую политику. Онъ игралъ важную роль въ священной войнѣ между эввианами и фокійцами. Однажды, правда, онъ былъ разбитъ на голову предводителемъ фокійцевъ Ономархомъ и съ большими потерями отброшенъ обратно въ свое царство, но, какъ говоритъ преданіе, тотчасъ же объявилъ, «что онъ не бѣжалъ, а только откинулся назадъ, подобно тарану, чтобы нанести болѣе сокрушительный ударъ въ другой разъ». Вскорѣ онъ опять вошелъ въ Фессалію съ болѣе многочисленнымъ войскомъ и, при помощи своихъ союзниковъ въ этой странѣ и превосходной фессалійской кавалеріи, одержалъ при Пагазѣ рѣшительную побѣду надъ Ономархомъ, который самъ погибъ во время бѣг-

ства. Теперь онъ былъ полнымъ властителемъ Фессаліи, страны, которой слѣдовало бы находиться въ зависимости отъ какого нибудь греческаго государства и въ которой, въ послѣднее время, преобладало вліяніе Фивъ. Македонія такимъ образомъ, стала въ дѣйствительности первою сухопутною державою къ сѣверу отъ Пелопонеза; и царь ея не только проявилъ военный талантъ, но и показалъ, что стоитъ во главѣ войска, съ которымъ уже сомнительно, чтобы могло помѣряться какое нибудь одиночное греческое государство. — Только что законченная война велась на большую ногу и не могла не внушить серьезныхъ опасеній каждому разумному политику. Филиппъ легко могъ воспользоваться своимъ успѣхомъ для немедленнаго вторженія въ сѣверную Грецію. Онъ дѣйствительно дошелъ до Термопилъ, но Аѣины предупредили его и знаменитый проходъ охранялся войскомъ, передъ которымъ онъ счелъ благоразумнѣе отступить. Аѣиняне торжествовали при мысли, что снова оказались спасителями Греціи. Но радости суждено было продолжаться не долго.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, царь Македоніи посвящалъ свои усилія на то, чтобы укрѣпиться въ Фессаліи. Въ то же время его корабли, которые онъ умудрился соорудить въ ужасающемъ множествѣ, дѣлали высадки и нападенія на сѣверные острова и берега Эгейскаго моря, къ великому вреду аѣинской торговли. Осенью 352 г. онъ поспѣшилъ къ сѣверу,

вошелъ во Оракію и воспользовался ея внутренними неурядицами, чтобы подчинить себѣ эту страну. Въ ноябрѣ до Аѳинъ дошли слухи, въ серьезномъ значеніи которыхъ никто не могъ усумниться. Филиппъ обложилъ осадю Герей, городъ находившійся вѣроятно на сѣверномъ берегу Мраморнаго моря, къ западу отъ Перинеа. Онъ былъ расположенъ на границѣ Оракійскаго Херсонеса, населеннаго, какъ мы видѣли, аѳинскими выходцами и, повидимому, былъ занятъ аѳинскимъ гарнизономъ. Поступокъ этотъ былъ поэтому прямо враждебнымъ и на практикѣ почти равнялся открытому объявленію войны. Но особенную его важность составляло то, что онъ серьезно компрометировалъ интересы къ сѣверу отъ Эгейскаго моря. Онъ грозилъ опасностью аѳинской торговлѣ хлѣбомъ, влѣдствіе этого повышеніемъ цѣнъ, и быть можетъ голодомъ въ Аѳинахъ. Онъ ясно показывалъ также, что Филиппъ, еслибы могъ, охотно отнялъ бы у города его самыя драгоценныя внѣшнія владѣнія. Теперь слѣдовало бы народу открыть глаза на висящую надъ его головой опасность; но лишь только въ Аѳинахъ узнали, что Филиппъ боленъ и затѣмъ распространился слухъ о его смерти, граждане снова предались веселой, городской жизни, съ ея удовольствіями и развлеченіями, утѣшая себя надеждою, что опасность окончательно миновала. Партія мира, съ Эвбуломъ во главѣ, всегда вліятельная, теперь была сильнѣе чѣмъ когда либо; и

лучшій представитель ея, дѣйствительный патріотъ Фокионъ, былъ слишкомъ циниченъ, чтобы повѣрить возможности поднять своихъ соотечественниковъ на такое усиліе воли и устойчивости, которое требовалось для войны съ Македоніей.

Лишь только пришло извѣстіе, что Филиппъ поправился и столь же дѣятеленъ и честолюбивъ какъ прежде, въ народномъ собраніи начались, повидимому, ожесточенные споры, перемѣшанные съ горькими жалобами на неспособность военныхъ начальниковъ и солдатъ. Аѳины все еще держались за свое морское превосходство и считали величайшимъ позоромъ, что варваръ смѣетъ угрожать имъ. Однако народные вожди не имѣли смѣлости прямо указать народу на единственный путь, который могъ бы положить конецъ этому позору. Имъ было тяжело настаивать на необходимости личной службы на корабляхъ, со всеми сопряженными съ ней лишеніями и случайностями. Демосфенъ, въ своей рѣчи о войнѣ съ Персіей, ясно намекалъ на эту необходимость. — Еще прямѣе и настойчивѣе упираетъ онъ на нее по только что описанному поводу. Ему должно было быть около тридцати лѣтъ отъ роду, когда онъ сказалъ свою замѣчательную рѣчь, извѣстную подъ названіемъ первой филиппики.

Рѣчь эта доказываетъ, что къ этому времени взгляды его на внѣшнюю политику Аѳинъ вполне сложились. Годъ тому назадъ, мы можемъ основательно предпо-

жить, онъ не считалъ еще Македонію источникомъ настоящей опасности для независимости греческаго міра. Теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что замыслы Филиппа не ограничиваются основаніемъ сплоченнаго, могущественнаго сѣвернаго государства. Онъ широкимъ взглядомъ озираетъ политическое положеніе, и говоритъ не только какъ гражданинъ перваго города Греціи, но какъ грекъ въ защиту греческой безопасности и независимости.

Къ чести Демосоена служить безпорно то, что онъ, будучи самъ еще очень юнымъ политикомъ, рѣшился подать сигналъ опасности, который какъ онъ зналъ, придется не по вкусу его безпечнымъ соотечественникамъ. Дѣла ихъ, онъ прямо говоритъ имъ, находятся въ очень плохомъ положеніи; но надежды терять еще нельзя именно потому, что до сихъ поръ они ни разу еще не напрягали всѣхъ своихъ усилій. Отчаяваться по этому нечего. Могущество Филиппа дѣйствительно велико; Фессалія лежитъ у ногъ его, онъ разбилъ греческое войско, подъ предводительствомъ храбраго и опытнаго начальника; теперь онъ угрожаетъ Херсонесу и сѣвернымъ берегамъ Эгейскаго моря и флотомъ своимъ ставить препятствія аѳинской торговлѣ; все же онъ представляетъ не болѣе опаснаго врага, чѣмъ была прежде Спарта. Въ самомъ фактѣ его величія виновно единственно ихъ собственное, добровольное оцѣпененіе, которое теперь, для славы Греціи и для славы

Аѳинъ, они обязаны стряхнуть съ себя. Въ противномъ случаѣ, еслибы даже слухи о смерти Филиппа были справедливыми, они вскорѣ подняли бы противъ себя другого Филиппа, не менѣе опаснаго.

«Вы не должны приходить въ отчаяніе,» говоритъ онъ въ началѣ своей рѣчи, «отъ вашего теперешняго положенія, какъ ни печально оно; потому что то, что въ немъ всего хуже по отношенію къ прошлому, всего лучше по отношенію къ будущему. Я хочу этимъ сказать слѣдующее: дѣла ваши плохи, потому что вы не дѣлаете ничего что должно. Если бы результатъ былъ тотъ же, хотя бы вы исполнили ваши обязанности, тогда не было бы надежды на улучшеніе. Подумайте о томъ, что извѣстно вамъ по наслышкѣ и что помнятъ люди опытные. Какъ велики были еще недавно владѣнія лакедемонянъ! А тѣмъ не менѣе съ какимъ благородствомъ и великодушіемъ заботились вы тогда единственно о достоинствѣ Аѳинъ и начали войну съ ними за права Греціи! Для чего я вспоминаю объ этомъ? Чтобы показать вамъ и убѣдить васъ, что если вы будете предусмотрительны, вамъ нечего страшиться; если же вы будете безпечны, ничто не пойдетъ по вашимъ желаніямъ. Сравните напримѣръ, силу лакедемонянъ, которую вы побороли черезъ исполненіе своихъ обязанностей, и дерзновенное самолюбіе Филиппа, подавляющее насъ теперь, вслѣдствіе легкомысленнаго забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ.

Если кто либо изъ васъ считаетъ этого чело­вѣка опаснымъ врагомъ, судя по обширности его теперешнихъ владѣній, и по потерямъ всѣхъ нашихъ укрѣпленій, то это довольно разумно; только вы должны были помнить, что было время, когда мы имѣли въ нашихъ рукахъ Пидну, Потидею и Меѳону, со всей окрестною страню, и когда многіе изъ народовъ, находящихся теперь въ союзѣ съ Филиппомъ, были самостоятельны и свободны и предпочитали нашу дружбу его дружбѣ. Еслибы Филиппъ забралъ себѣ въ голову, что Аѳины слишкомъ опасные враги, чтобы бороться съ ними, въ то время когда они имѣли столько крѣпостей угрожающихъ его странѣ, а онъ былъ лишенъ всякихъ союзниковъ, то не предпринялъ бы ничего изъ свершеннаго имъ, никогда не приобрѣлъ бы такихъ обширныхъ владѣній. Но онъ ясно видѣлъ, что подобныя мѣста составляютъ добычу брани; что владѣнія отсутствующихъ принадлежатъ присутствующимъ, владѣнія безпечныхъ — предприимчивымъ, не боящимся труда. Дѣйствуя по этому правилу, онъ приобрѣлъ все и удерживаетъ приобретенное, частью путемъ покоренія, частью посредствомъ дружескаго расположенія и союза, потому что всѣ уважаютъ и переходятъ на сторону того чело­вѣка, который готовъ на всѣ усилія и не жалѣетъ ихъ. Если вы примите теперь это правило, хотя до сихъ поръ и не дѣлали этого, если никто изъ васъ, имѣющій возможность и обязанный служить государ-

ству, не будетъ уклоняться отъ службы, если богатые принесутъ добровольныя пожертвованія, если крѣпкіе тѣломъ поступятъ въ солдаты, словомъ, если вы станете собственными господами и перестанете разсчитывать каждый на то, чтобы самому ничего не дѣлать, а чтобы сосѣдъ все для васъ сдѣлалъ, тогда, съ дозволенія неба, вы вернете свое достояніе, возвратите то, что у васъ отняли и накажете Филиппа. Не воображайте, что власть его упрочена на всѣ времена, какъ власть бога. — Не мало людей боящихся и ненавидящихъ его и завидующихъ ему даже въ числѣ тѣхъ, которые по виду всего расположеніе къ нему; и всѣ чувства, свойственныя вообще людямъ, существуютъ, мы можемъ предположить, и у его союзниковъ. Только теперь они всѣ подавлены, такъ какъ имъ нѣтъ убѣжища, благодаря вашей медлительности и безпечности, отъ которой, я говорю, вамъ слѣдуетъ отказаться отнынѣ.

Относительно необходимыхъ приготовленій, Демосѳенъ такъ совѣтуетъ имъ:

«Вопервыхъ намъ слѣдуетъ снарядить 50 военныхъ кораблей и держаться наготовѣ, въ случаѣ надобности, тотчасъ сѣсть на корабли и выйти въ море. Надо также, чтобы былъ приготовленъ транспортъ для половины кавалеріи и достаточное число лодокъ. Это необходимо на случай его внезапныхъ переходовъ изъ его собственной страны къ Термопиламъ, въ Хер-

снесу, къ Олинеу, или вообще куда бы онъ ни пожелалъ. Вообще ему слѣдуетъ внушить, что вы можете при случаѣ пробудиться отъ вашей излишней сонливости и внезапно напуститься, какъ прежде на Эвбею, какъ недавно на Термопилы. — Я говорю, что подобное вооруженіе должно быть немедленно принято и приведено въ исполненіе».

Въ слѣдующихъ строкахъ онъ ярко выставляетъ на видъ то отсутствіе умѣнья и методы, съ которымъ Аѣины ведутъ борьбу:

«Вы Аѣиняне, обладающіе большими средствами чѣмъ какой либо другой народъ, до сего дня еще ни одно изъ нихъ не пустили въ дѣло и ваша война съ Филиппомъ вполне походить на кулачный бой у варваровъ. У нихъ ударенный тотчасъ хватается за ушибленное мѣсто; ударьте его въ другое мѣсто, туда тотчасъ же бросаются его руки; парировать ударъ и глядѣть вамъ прямо въ глаза онъ не можетъ и не хочетъ. Также и вы. Когда вы слышите, что Филиппъ въ Херсонесѣ или въ Термопилахъ, вы предлагаете послать туда войска. Если вы узнаете, что онъ въ другомъ мѣстѣ, вы бѣжите, такъ сказать, за его пятами взадъ и впередъ и, въ дѣйствительности, находитесь у него подъ командою. Ни одного плана войны вы не составили; ни одного обстоятельства вы не предусматриваете напередъ, а лишь тогда когда слышите, что что-то сдѣлано и что что-то готовится. Прежде, быть можетъ,

это было дозвоительно; теперь дѣло дошло до кризиса, который нельзя сносить долѣе. Можно подумать, что какой нибудь богъ, устыдясь за наши поступки, вдохнулъ эту дѣятельность въ Филиппа. Потому что если бы онъ только согласился ограничиться спокойнымъ пользованіемъ своими побѣдами и добычами, не принимая ничего дальнѣйшаго, нѣкоторые изъ васъ, я думаю, охотно примирились бы съ этимъ положеніемъ вещей, налагающимъ на весь нашъ народъ клеймо трусости и величайшаго позора. Но постоянно захватывая ваше и вѣчно стремясь къ большему, онъ можетъ еще пробудить васъ, если вы еще не совершенно отчаялись. Я право удивляюсь, что никто изъ васъ не замѣчаетъ, съ страхомъ и негодованіемъ, что начало этой войны имѣетъ цѣлью наказать Филиппа, а конецъ ея — защититься самимъ противъ его нападеній».

Въ заключеніе своей рѣчи Демосѣенъ укоряетъ народъ за его безмысленную страсть къ всякимъ сплетнямъ насчетъ предполагаемыхъ движеній Филиппа, и напоминаетъ ему, что онъ всегда былъ и остается ихъ врагомъ.

«Нѣкоторые изъ насъ ходятъ и рассказываютъ, что Филиппъ задумываетъ съ лакедемонянами разрушеніе Фивъ и расторгеніе свободныхъ государствъ, иные — что онъ отправилъ пословъ къ царю *), а иные, что онъ

*) Царю Персіи.

укрѣпляетъ иллирійскіе города. Такъ мы расхаживаемъ, сочиняя каждый свою сказку. Что до меня касается, я вполне вѣрю, что Филиппъ совсѣмъ опьяненъ своими успѣхами и что онъ лепѣтъ въ воображеніи много подобныхъ мечтаній. Все же, планъ его дѣйствій несомнѣнно не таковъ, чтобы открыть свои намѣренія величайшимъ дуракамъ изъ насъ. Такъ какъ величайшіе дураки — это разносители новостей. Бросимъ же подобные разговоры и будемъ помнить только, что Филиппъ врагъ, который отнимаетъ у насъ принадлежащее намъ и давно наноситъ намъ оскорбленія; что всякій разъ, когда мы ждали помощи съ какой нибудь стороны, мы находили ее враждебною; что будущее зависитъ отъ насъ самихъ; и что, если мы не желаемъ сразиться съ нимъ тамъ, намъ, быть можетъ, придется сразиться съ нимъ здѣсь. Это должны мы помнить и тогда мы примемъ мудрое рѣшеніе и покончимъ съ пустыми догадками. Вамъ нечего заглядывать въ будущее, вы можете быть увѣрены, что оно будетъ плачевно, если вы не посвятите себя своимъ обязанностямъ и не будете дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ вамъ!»

Единственнымъ результатомъ этой рѣчи была отправка какихъ то жалкихъ четырехъ — пяти кораблей въ Херсонесъ подъ начальствомъ наемнаго и довольно худо ославленного генерала Харидема. — Дѣло было въ томъ, что въ Аѣинахъ существовала довольно

многочисленная партія, которую невозможно было убѣдить, что Филиппъ можетъ оказаться въ одинъ прекрасный день дѣйствительно опаснымъ врагомъ. Одна Персія, въ ихъ глазахъ, оставалась державою, грозящею серьезною опасностью для Греціи. Между ними все еще ходили слухи объ исполинскихъ приготовленіяхъ, предпринимаемыхъ царемъ противъ нихъ, въ отмщеніе за пораженія при Марафонѣ и при Саламинѣ. Возможно, что слухи эти распускались самимъ Филиппомъ. Въ этомъ ему помогали и тѣ, которые были въ дѣйствительности его подкупленными агентами и теперь составляли уже, безъ сомнѣнія, многочисленный классъ въ различныхъ греческихъ городахъ. Наконецъ апатія и недовѣрчивость были распространены между самими аѣинянами. Всѣ эти враждебныя вліянія были слишкомъ могучи для Демосоеена и его воззваніе къ патриотизму его согражданъ осталось безъ результата.

Въ только что изложенной нами рѣчи, Демосоеенъ настаивалъ на обязанности Аѣинъ выступить впередъ защитниками Греціи и ея свободныхъ городовъ. Въ рѣчи, сказанной имъ нѣсколько мѣсяцевъ или, можетъ быть, годъ спустя, онъ напоминаетъ аѣинянамъ, что они должны быть опорой демократіи и народнаго правленія. Съ этой точки зрѣнія, рѣчь его, озаглавленная «О свободѣ жителей Родоса», представляетъ большой интересъ. Изъ общаго тона этой рѣчи мы можемъ вывести, что неугомонность Филиппа утихла на время

или, во всякомъ случаѣ, что какое нибудь другое дѣло отвлекало его отъ нападеній на аѣинскія владѣнія и на ихъ торговлю. Рѣчь эта была произнесена, по случаю депутаціи отъ демократической партіи въ Родосѣ, желавшей, чтобъ островъ снова сталъ подъ покровительство Аѣинъ.

Родосъ уже не разъ находился въ союзѣ съ Аѣинами, связь, обуславливавшая на дѣлѣ значительную степень подчиненія и зависимости. Съ окончаніемъ пелопонезской войны и съ торжествомъ Спарты, онъ подпалъ подъ олигархію, что означало зависимость отъ Спарты. Около 396 г. д. Р. Х. аѣинскій военный начальникъ, Кононъ, располагавшій могущественнымъ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ, снова принудилъ родосцевъ сдѣлаться союзниками аѣинянъ. Четыре года спустя появился спартанскій флотъ и подалъ сигналъ для новой перемѣны правленія. Это сопровождалось повидимому однимъ изъ тѣхъ отвратительныхъ событій, которыя такъ часто помрачаютъ греческую исторію — поголовною рѣзней предводителей демократіи и приверженцевъ Аѣинъ. Но олигархія, теперь водворенная въ Родосѣ, просуществовала не долго. Спартанскій флотъ былъ разбитъ и Родосъ, съ большинствомъ другихъ острововъ Эгейскаго моря, вернулся къ союзу съ Аѣинами. Мы можемъ съ увѣренностью предположить, что демократія снова взяла верхъ. Затѣмъ, въ 358 г. д. Р. Х. началась междуусобная война, война между

Аѣинами и союзниками, завершившая періодъ второго аѣинскаго преобладанія. Родосъ находился въ числѣ главныхъ зачинщиковъ ея. Харесь, аѣинскій полководецъ, о которомъ намъ уже приходилось упоминать, вооружилъ противъ себя жителей Родоса своими грабежами и вымогательствами. Косъ и Хіосъ имѣли одинаковыя причины недовольства, и всѣ три острова порвали свою связь съ Аѣинами и начали междуусобную войну, — приче́мъ главнымъ зачинщикомъ былъ Родосъ. На помощь имъ пришелъ Мавзолъ, царь Каріи, государства подвластнаго Персіи. Это былъ человекъ крайне самолюбивый, мечтавшій самому завладѣть Родосомъ, прилегавшимъ къ его землямъ. Прежде всего, необходимо было отвлечь его отъ союза съ Аѣинами; Мавзолу удалось, черезъ интриги съ олигархическою партіей на островѣ, ввести туда карійскій гарнизонъ и правленіе еще разъ измѣнилось. Народъ и его вожди очутились въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ они отказались отъ союза съ Аѣинами, тогда какъ олигархія поддерживалась персидскимъ вліяніемъ, черезъ посредство Мавзола. Когда этотъ царь умеръ и ему наследовала его вдова Артемизія, правленіе сдѣлалось такъ невыносимо обременительно, что народная партія рѣшилась отправить пословъ въ Аѣины и униженно просить ихъ помощи. Едва ли можно было надѣяться, что посольство встрѣтитъ хорошій пріемъ. Аѣиняне не забыли, что родосцы нанесли имъ чувстви-

тельный ударъ, вовлекши ихъ въ пагубную войну, кончившуюся расторгненіемъ союза. Они далеко не были расположены внять ихъ теперешнему призыву; тѣмъ не менѣе Демосоевъ счелъ нужнымъ поддержать его.

Не легкое дѣло укротить гнѣвъ народа, когда онъ чувствуетъ, какъ въ данномъ случаѣ чувствовали аѳиняне, что пострадалъ отъ неблагодарности. Народныя собранія, въ подобныхъ случаяхъ, бываютъ особенно бурны и горячи. Все что могъ сдѣлать Демосоевъ, было воззвать къ болѣе благороднымъ и великодушнымъ чувствамъ своихъ согражданъ. «Имъ не подобаетъ, такъ рассуждалъ онъ, поддерживать свою злобу противъ этихъ ничтожныхъ островитянъ, за причиненный ими вредъ, а думать только о томъ, что они должны Аѳинамъ и Греціи. Ихъ обязанность, равно какъ и ихъ интересъ, вступить за свободу подавленнаго греческаго народа и не измѣнять политикѣ поддерживать народное и демократическое правленіе, противъ олигарховъ и тирановъ. Если не примутъ подобное рѣшеніе, самой конституціи Аѳинъ будетъ грозить опасность. Когда всѣ демократіи будутъ подавлены, ихъ собственная падетъ на послѣдокъ. Демосоевъ, какъ мы видимъ, отъ души сочувствовалъ демократіи и считалъ особенною честью для Аѳинъ быть защитниками и представителями ея. Если по временамъ онъ видѣлъ и ея слабую сторону, ея склонность къ колебанію и нерѣшительности, все же онъ, повидимому, никогда не

сомнѣвался, что въ общей сложности это самая благородная и мужественная форма правленія.

Таковы были побужденія, заставившія его совѣтовать народному собранію выслушать благосклонно просьбу о помощи родосцевъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ ясно изложены его взгляды.

«Замѣтьте, граждане Аѳинъ, что вы предпринимали много войнъ какъ противъ демократій, такъ и противъ олигархій. Это вы знаете и безъ моихъ словъ; но почему вы враждовали съ тѣми и съ другими, быть можетъ никто изъ васъ не соображаетъ. Какія этому были причины? Съ демократическими государствами вы начинали войну либо изъ за частныхъ обидъ, когда вы не могли получить публичнаго удовлетворенія, либо изъ за владѣній и границъ, либо изъ за чести, изъ за первенствующаго мѣста въ Греціи. Съ олигархіями вы вели войну не изъ за подобныхъ причинъ, но за вашу конституцію и вашу свободу. Поэтому я не колеблюсь сказать, что желалъ бы лучше, чтобы всѣ греки были вашими врагами съ демократическимъ правленіемъ, чѣмъ вашими друзьями съ олигархическимъ. Потому-что съ свободными людьми, я полагаю, вамъ не трудно было бы заключить миръ, когда вамъ бы вздумалось; но съ народомъ, управляемымъ олигархіей, даже дружбу я считаю небезопасною. Невозможно, чтобы меньшинство питало привязанность къ большинству, искатели власти къ приверженцамъ

конституціональнаго равенства. Я дивлюсь, что никто изъ васъ не думаетъ, что когда родосцы и почти всѣ другіе народы будутъ подчинены этому рабству, наша конституція должна будетъ находиться въ такой же опасности. Если всѣ другія правительства сдѣлаются олигархическими, то невозможно, чтобы онѣ оставили вашу демократію въ покоѣ. Они слишкомъ хорошо знаютъ, что ни какой другой народъ не вернетъ прежняго положенія свободы; поэтому они будутъ желать уничтожить правительство, отъ котораго опасаются вреда для себя. Обыкновенно злодѣевъ вы можете считать врагами страждущихъ; тогда какъ тѣ, которые низвергаютъ конституціи и превращаютъ ихъ въ олигархіи, должны считаться общими врагами всѣхъ, любящихъ свободу».

Изъ этого видно, что въ мнѣніи Демосѣена олигархія была равнозначною рабству и казалась совсѣмъ противною греческому духу. Воспоминаніе объ Аѣинахъ Перикла глубоко врѣзалось въ его памяти. Но онъ чувствовалъ, что обращаясь къ народу, котораго легко было вовлечь въ ошибку. Онъ ясно намекаетъ въ своей рѣчи на существованіе антипатріотической партіи въ государствѣ.

«Вамъ особенно трудно, говоритъ онъ, принять правильныя мѣры. Всѣмъ другимъ людямъ приходится вести одну войну — а именно противъ своихъ открытыхъ и объявленныхъ враговъ. Вамъ же предстоитъ

двойная борьба — та же какъ и прочимъ и сверхъ того другая, болѣе близкая и затруднительная. Вамъ надо осилить въ совѣтѣ партію, дѣйствующую посреди васъ въ систематической оппозиціи государству. Люди, измѣняющіе политикѣ, завѣщаной имъ ихъ предками, и поддерживающіе олигархическія мѣры, должны бы быть унижены и лишены своихъ конституціонныхъ преимуществъ и недостойны быть вашими политическими совѣтниками».

Снова пришлось Демосѣену потерпѣть неудачу. Озлобленіе аѣинянъ противъ неблагодарныхъ островитянъ заглушало въ народѣ всѣ высшія соображенія и Родосъ остался въ рукахъ олигархіи. Онъ попрежнему былъ подчиненъ Каріи и такимъ образомъ на дѣлѣ сталъ персидскою областью.

ГЛАВА VII.

ФИЛИППЪ И ОЛИНОЪ. РѢЧИ ДЕМОСФЕНА ВЪ ЗАЩИТУ
ОЛИНОИЦЕВЪ.

Когда Демосфенъ въ 352 г. д. Р. Х. или около того времени, произнесъ свою первую рѣчь противъ Филиппа, было уже достаточно причинъ возбудить безпокойство въ греческомъ мірѣ относительно возможныхъ предпріятій и замысловъ царя. Онъ уже возвысилъ Македонію до такого положенія, которое она никогда прежде не занимала. Она сдѣлалась признанною силою въ политикѣ Греціи. На время, однако, обычно дѣятельный Филиппъ отдыхалъ повидимому отъ всѣхъ своихъ трудовъ и не подавалъ о себѣ никакихъ новыхъ вѣстей. Демосфенъ даже и не намекаетъ на него въ своей рѣчи. «О свободѣ жителей Родоса». Мы справедливо можемъ заключить изъ этого молчанія, что всѣ опасенія аѳинянъ насчетъ замысловъ «варвара», какъ они его называли, успокоились. Партія мира, всегда сильная и умѣющая выставить свое дѣло въ правомъ свѣтѣ, окрѣпла еще болѣе и теперь трудно

было бы пробудить аѳинянъ, даже въ виду явной опасности, къ сознанію тѣхъ обязанностей, которыя лежали какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію къ Греціи.

Филиппъ, къ этому времени, уже сдѣлался могущественнымъ правителемъ; но онъ все же едва ли могъ помѣряться съ Аѳинами, если бы только они рѣшились пустить въ дѣло всѣ свои силы. Онъ обладалъ значительнымъ войскомъ и хорошими доходами, и сверхъ того имѣлъ счастье пользоваться и другими побочными преимуществами. Онъ имѣлъ своихъ агентовъ и помощниковъ въ различныхъ греческихъ городахъ, и на самомъ дѣлѣ, даже въ Аѳинахъ многіе изъ богатыхъ и достаточныхъ гражданъ, содрогавшихся при мысли о войнѣ, которая потребовала бы ихъ личнаго участія и усилій, дѣйствовали въ его пользу. Ясно было, что борьба съ нимъ окажется очень серьезнымъ предпріятіемъ. Но въ тоже время, положеніе его, хотя выгодное, не могло назваться вполне безопаснымъ. Онъ владѣлъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыми изъ прибрежныхъ городовъ и держалъ флотъ въ Эгейскомъ морѣ. Аѳины никогда не должны бы были допустить его до этого. Они пропустили даромъ много удобныхъ случаевъ; но даже и теперь еще не поздно было остановить его, при помощи подходящихъ союзниковъ. До сихъ поръ онъ еще не имѣлъ никакихъ владѣній въ области, извѣстить подъ названіемъ Халкидики, вдающейся

своими тремя полуостровами въ Эгейское море. Это было крайне важная и полезная полоса земли, содержащая до тридцати греческихъ городовъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Олинъ, на берегу Торонейскаго залива. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ находились въ зависимости отъ Олинеа и составляли такъ называемый Олинейскій союзъ. Было время, когда даже Пелла, теперешняя столица Македоніи, принадлежала къ ихъ числу. Олинъ, въ дѣйствительности, былъ самымъ могучимъ городомъ къ сѣверу отъ Эгейскаго моря и ставилъ себя слишкомъ высоко, чтобы подчиниться вліянію Спарты или Аѣинъ. Спарта, съ большимъ трудомъ, заставила его въ 379 г. д. Р. Х. присоединиться къ лакедемонскому союзу; а Аѣины, лѣтъ десять спустя, значительно ослабили его вліяніе, отнявъ у него нѣкоторые изъ подвластныхъ ему земель и городовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все таки оставался богатымъ и цвѣтущимъ, и, въ случаѣ крайности, могъ выставить значительное войско, въ особенности сильную кавалерію. Хотя онъ и имѣлъ съ Аѣинами старые счёты, но тѣмъ не менѣе, предложилъ имъ, какъ мы видѣли, вступить съ ними въ союзъ, когда сосѣдь его Амфиполь попалъ въ руки Филиппа. Аѣины отклонили это предложеніе, а Филиппъ былъ достаточно уменъ, чтобы временно задобрить жителей Олинеа ничтожною уступкою имъ территоріи, — съ заднею мыслію, само собою разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ затѣять

съ ними ссору и присвоить себѣ всю область. Ему конечно не трудно было, когда дѣло шло о городѣ въ непосредственномъ его сосѣдствѣ, завербовать себѣ партизановъ изъ числа самихъ гражданъ, и этому обстоятельству онъ былъ обязанъ своимъ окончательнымъ успѣхомъ. Города, соединенные съ Олинеомъ слабыми узами союза, представляли также несомнѣнно удобную почву для его интригъ. Тѣмъ не менѣе чувство, что онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ противникомъ, все еще было живо; Олинъ поэтому рѣшился измѣнить политику и въ 352 г. д. Р. Х. вышелъ изъ македонскаго союза. Слѣдующимъ его шагомъ было заключить миръ съ Аѣинами и даже выказать желаніе къ болѣе тѣсной связи съ этимъ городомъ. Аѣины, съ своей стороны, тоже увидѣли теперь выгоду подобнаго союза и сдѣлали даже первые шаги въ этомъ направленіи. Но Олинъ еще не рѣшался окончательно на союзъ съ Аѣинами, который, какъ онъ отлично понималъ, равнялся бы объявленію войны Филиппу.

Скоро однако, въ 350 г. до Р. Х., какъ кажется, — Филиппъ не оставилъ жителямъ Олинеа другого выбора какъ искать себѣ могущественныхъ помощниковъ. Ничѣмъ не вызваннымъ нападеніемъ на города Халкидики, естественно искавшимъ сочувствія и поддержки у Олинеа, онъ заставилъ жителей этого города почувствовать, что они находятся въ неминуемой опасности. Теперь глаза ихъ открылись и они немедленно отправили

посольство въ Аѣины. Филиппъ, правда, пытался убѣдить, черезъ посредство своихъ посланныхъ, что не имѣетъ не малѣйшаго намѣренія объявлять имъ войну; но теперь онъ уже не могъ ослѣпить ихъ. Они были увѣрены, что могутъ рассчитывать на хорошій приемъ своихъ посланныхъ въ Аѣинахъ и ждать помощи съ этой стороны. И дѣйствительно они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Аѣины не могли упустить такой драгоцѣнный случай. Незадолго передъ тѣмъ они сами искали этого союза, а теперь имъ предлагали его. Невозможно было ошибиться насчетъ рѣшающей важности теперешняго положенія. Филиппъ напалъ на греческій городъ и завладѣлъ имъ и едвали можно было сомнѣваться, что онъ прочищалъ себѣ путь къ завоеванію всего полуострова Халкидики съ его тридцатью городами. — Въ случаѣ успѣха, власть его конечно усилилась бы невѣроятно. Одинаково ясно было и то, что Олинеъ, при хорошей поддержкѣ, успѣшно могъ остановить его дальнѣйшія движенія. Аѣиняне предавались на этотъ счетъ такимъ сладкимъ надеждамъ, что общимъ говоромъ теперь было наказъ Филиппа за его вѣроломство. Только одинъ политикъ и ораторъ, изъ сколько нибудь извѣстныхъ, Демадесъ, рѣдко становившійся на патріотическую сторону и сдѣлавшійся въ послѣдствіи, по всѣмъ вѣроятіямъ, просто креатурою Филиппа, высказался противъ предполагаемаго союза. По этому случаю, Демосѣенъ произнесъ, вѣроятно

во второй половинѣ 350 г. д. Р. Х., три памятные рѣчи, извѣстныя обыкновенно подъ названіемъ «олинѣакъ». Онъ долженъ былъ чувствовать, что народъ на его сторонѣ, и тѣмъ не менѣе изъ общаго тона его рѣчей мы можемъ догадаться, что онъ отчаявался когда нибудь понудить его къ рѣшительному дѣйствию. Все къ чему можно было уговорить гражданъ, это послать 30 галеръ и 2000 наемныхъ солдатъ. Эта ничтожная сила конечно была не въ состояніи остановить Филиппа въ его дальнѣйшихъ нападеніяхъ на греческіе города Халкидики. Онъ еще не вступилъ въ территорію Олинеа и не объявилъ войны этому городу; но Олинеъ уже достаточно встревожился, чтобы послать второе посольство въ Аѣины, прося болѣе дѣйствительной помощи. — Значительныя силы были теперь посланы, но они состояли изъ наемныхъ войскъ и, по несчастью для Аѣинъ, находились подъ начальствомъ челоуѣка, который хотя и обладалъ нѣкоторымъ военнымъ талантомъ, но велъ такую развратную жизнь, что возбуждалъ противъ себя негодованіе всѣхъ гражданъ Олинеа.

Въ первой изъ произнесенныхъ имъ рѣчей, Демосѣенъ старается ободрить своихъ соотечественниковъ и поддержать ихъ надежды, указывая имъ на то, какимъ образомъ Филиппъ возвысился до власти и какъ многочисленны элементы слабости въ его царствѣ и правительствѣ:

«Онъ возвысился путемъ заискиванія и задобриванія простоты каждаго народа, еще не знавшаго его. Когда кто дошелъ до власти, подобно ему, черезъ хищничество и вѣроломство, достаточно перваго предлога, ничтожнѣйшей причины, и все перевертывается вверхъ дномъ и распадается. Если вы выполните ваши обязанности какъ слѣдуетъ, то не только окажется, что союзы Филиппа не вѣрны и сомнительны, но обнаружится и жалкое положеніе его собственнаго государства и могущества. Коротко говоря, македонское царство хорошо какъ поддержка, какою оно было для васъ во времена Тимофея противъ олинѣйцевъ. Для нихъ тоже оно было важнымъ союзникомъ противъ Потидеи. Недавно, какъ вамъ извѣстно, оно помогло еессалійцамъ въ ихъ смутахъ и распряхъ съ царствующимъ домомъ; и, въ самомъ дѣлѣ, помощь какова бы то ни было государства, какъ бы слабо оно ни было, всегда полезна. Но сама по себѣ Македонія слаба и имѣетъ безчисленные несовершенства. Самыя предпріятія, составляющія повидимому величіе Филиппа — его войны и походы — поставили ее въ еще болѣе опасное положеніе, чѣмъ она была первоначально. Не воображайте себѣ, что Филиппъ и его подданные имѣютъ одинаковые вкусы. Онъ жаждетъ славы — онъ сдѣлалъ ее своею страстью; изъ за нее готовъ на всякое приключеніе и на всякую опасность, предпочитая, спокойной жизни — честь совершить то, чего еще никогда

прежде не совершалъ ни одинъ македонскій царь. Они не имѣютъ доли въ славномъ результатѣ: вѣчно изнуренные этими походами, они страдаютъ и трудятся безустанно; они не имѣютъ досуга для своихъ занятій и частныхъ дѣлъ и не могутъ даже располагать своимъ тяжелымъ заработкомъ, такъ какъ рынки въ ихъ государствахъ заперты по случаю войны. Изъ всего этого мы легко можемъ вывести, какое должно быть общее чувство македонянъ къ Филиппу. Его наемщики и стража пользуются правдою репутаціею отличныхъ и превосходно обученныхъ воиновъ; но, какъ я слышалъ отъ уроженца той страны, они не лучше другихъ. Если нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтаютъ опытность въ войнѣ и походахъ, то Филиппъ начинаетъ питать ревность къ такимъ людямъ и отсылаетъ ихъ — такъ общалъ мнѣ тотъ, отъ кого я все это слышалъ — желая удержать всю славу отъ своихъ подвиговъ для себя одного. Или также, если человѣкъ вообще скромнѣе и добродѣтеленъ и не можетъ выносить ежедневную невоздержность, пьянство и непристойность Филиппа, то его отталкиваютъ въ сторону и считаютъ за ничто. Остальные окружающіе его — грабители и паразиты, и люди такой нравственности, которые напиваются пьяны и предаются такимъ пляскамъ, которыхъ я не рѣшаюсь даже назвать передъ вами. Все сообщенное мнѣ несомнѣнно справедливо; потому что такихъ людей, которыхъ всѣ презирали здѣсь какъ худшихъ

негодяевъ чѣмъ паясы, — Каллія городского раба и подобныхъ ему публичныхъ шутовъ и сочинителей развратныхъ пѣсень — такихъ людей Филиппъ ласкаетъ и держитъ при себѣ. Все это мелочи, можно подуматъ, но для мудрыхъ они служатъ ясными признаками его характера и извращенности. Успѣхъ, быть можетъ, набрасываетъ на нихъ свой покровъ; удача славная прикрывательница подобыхъ пятенъ; но при первомъ пораженіи они обнаружатся въ полномъ свѣтѣ».

Хотя въ приведенномъ отрывкѣ Демосѣенъ говоритъ пренебрежительно о Филиппѣ, описывая его какъ челоѣка немногимъ лучше дикаря и варвара, онъ все таки предупреждаетъ своихъ слушателей, что если они дадутъ Олинеу попасться въ его руки, онъ скоро перенесетъ войну въ самую Аттику. Третья и послѣдняя изъ этихъ трехъ рѣчей была произнесена въ то время, когда посланные изъ Олинеа умоляли аѣинянъ прислать имъ на помощь войско изъ ихъ собственныхъ гражданъ, а не изъ наемщиковъ подъ начальствомъ людей типа того полководца, который своимъ распутствомъ, какъ мы видѣли, привелъ ихъ въ такое негодование. Изъ всѣхъ политическихъ рѣчей Демосѣена эта, быть можетъ, самая увлекательная и убѣдительная. По мнѣнію г. Грота, это одна изъ самыхъ великолѣпныхъ рѣчей, которыя когда либо были произнесены. — Аѣиняне, повидимому, все еще толковали о томъ, чтобы наказать Филиппа; и были

несомнѣнно ораторы, которые льстили имъ, убѣждая ихъ, что они могутъ сдѣлать это, когда имъ только вздумается. «Подобныя рѣчи, говоритъ Демосѣенъ, основаны на ложномъ началѣ. Факты въ этомъ случаѣ научаютъ насъ противоположному. Они повелѣваютъ хорошенько позаботиться о нашей собственной безопасности, чтобъ намъ самымъ не сдѣлаться страдающими и сберечь нашихъ союзниковъ. Было, правда, время, — и это въ предѣлахъ моего личнаго воспоминанія, — когда мы могли удержать свое и сверхъ того наказать Филиппа; но теперь наша первѣйшая забота должна состоять въ томъ, чтобы сохранить нашихъ собственныхъ союзниковъ». Въ этой рѣчи онъ рѣшается на смѣлое предложеніе, которое неминуемо должно было вызвать сильное противодѣйствіе со стороны миролюбивой партіи Эвбула. «Отмѣните тѣ изъ законовъ, которые вредны въ теперешнее критическое время — я говорю о тѣхъ, которые относятся къ фонду общественныхъ увеселеній. Я говорю это прямо. Тѣ самые люди, которые предложили подобный законъ, должны бы были взять на себя предложить его отмѣненіе». Говоря такимъ образомъ, Демосѣенъ зналъ, что онъ возстаетъ противъ одного изъ самыхъ могущественныхъ чувствъ аѣинянъ. Имъ стоило бы тяжелой борьбы пожертвовать упомянутымъ фондомъ на необходимости войны, требующей сверхъ того личной службы. Они едва ли могли сдѣлаться подобными тѣмъ людямъ, которые побѣ-

дили при Мараонѣ и Саламинѣ. Между этими и тѣми существовалъ рѣзкій контрастъ, какъ убѣдительно доказываетъ это Демосѣенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Замѣтьте, аѣиняне, какой полный контрастъ можно провести между нашими дѣянiями въ прежнiя времена и вашими. Эта повѣсть коротка и знакома вамъ всѣмъ. Наши праотцы, втеченіе сорока пяти лѣтъ, предводительствовали Греціею съ общаго согласiя и внесли до десяти тысячъ талантовъ въ цитадель; и царь Македонiи находился у нихъ въ подчиненiи, какъ и слѣдуетъ быть варвару у грековъ. Много славныхъ трофеевъ воздвигли они въ честь побѣдъ, одержанныхъ ихъ оружіемъ на сушѣ и на морѣ и они единственныи народъ, завѣщавшiй такую знаменитость, которой не можетъ коснуться зависть. Таковы были ихъ достоинства въ дѣлахъ Греціи; теперь, посмотрите каковы они были дома, какъ граждане и какъ люди. Ихъ общественныя работы состояли въ сооруженiи и украшенiи храмовъ и ихъ священной утвари, такой красоты и великолѣпiя, что потомство не въ состоянiи превзойти ихъ. Въ частной же жизни они были такъ скромны и такъ привязаны къ правиламъ нашей конституціи, что каждый, знающiй стиль домовъ Аристида или Мильтіада или знаменитостей того времени, замѣчаетъ, что они были не великолѣпнѣе жилищъ ихъ сосѣдей. Ихъ политика состояла не въ томъ, чтобы наживать деньги; каждый сознавалъ, что его обязан-

ность увеличивать общее благосостояніе. — Поведенiемъ похвальнымъ между греками, благочестiемъ къ богамъ, братскимъ отношенiемъ другъ къ другу, они достигли высокаго благосостоянiя.

«Такъ шли у нихъ дѣла при тѣхъ государственныхъ людяхъ, которыхъ я называлъ. Какъ идутъ они у васъ, при руководителяхъ нашего времени? Есть ли между ними какое нибудь сходство или подобіе? Я прохожу мимо другихъ сторонъ, о которыхъ могъ бы распространиться. Но замѣтьте. При полномъ отсутствiи соперниковъ (лакедемоняне подавлены, ѣивяне заняты, никто изъ остальныхъ не въ состоянiи оспаривать у насъ первенство), когда мы могли бы безопасно удерживать свое и рѣшать споры другихъ, мы лишились территорiи, принадлежащей намъ по праву и издержали 1500 талантовъ безъ всякой пользы. Союзниковъ, прiобрѣтенныхъ нами въ войнѣ, мы лишились во время мира и мы воспитали противъ себя столь опаснаго врага. Потому-что по чьимъ старанiямъ, какъ не по нашимъ, сдѣлался Филиппъ столь могучъ? Это выглядитъ дурно, скажете вы, но дома дѣла идутъ лучше. Какiя тому доказательства? Ограды вымытыя до чиста, исправленныя дороги, фонтаны и тому подобная мишура? Посмотрите на людей, управленiе которыхъ принесло такiе плоды. Они отъ нищеты поднялись къ богатству, отъ ничтожества къ почестямъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали свои дома

великолѣпнѣе общественныхъ зданій и, по мѣрѣ того какъ государство умалялось, ихъ состояніе возростало.»

Наконецъ аѣиняне рѣшились на настоящее усиліе и послали на помощь своему союзнику войско, болѣе 2000 природныхъ аѣинскихъ гражданъ. Олинѣ могъ бы еще быть спасенъ, если бы его жители были на сторожѣ противъ внутреннихъ измѣнниковъ, и исторія Греціи, быть можетъ всего міра, могла бы быть иная. Филиппъ въ это время находился на границѣ своего государства, завладѣвъ большинствомъ городовъ полуострова. При осадѣ одного изъ нихъ стрѣла, пущенная однимъ олинѣйскимъ стрѣлкомъ, лишила его глаза. Но въ началѣ 348 г. д. Р. Х. онъ напалъ на самый Олинѣ, послѣ неожиданнаго объявленія войны. Жители Олинѣа, сказалъ онъ, должны покинуть свой городъ, либо онъ долженъ покинуть Македонію. Но онъ побѣдилъ ихъ не въ честной борьбѣ. Они были выданы ему партіей между самими гражданами. Подкупомъ, какъ говоритъ Горацій *), открылъ македонянинъ врата Олинѣа, также какъ и другихъ городовъ. Надо было ожидать, что онъ не окажетъ пощады. Прекрасный городъ былъ срытъ до основанія и все населеніе, включая женщинъ и дѣтей, продано въ рабство.

Эта страшная катастрофа привела въ содроганіе весь греческій міръ. Подобной ей не было со времени вели-

*) Оды, III. 16, 13.

каго персидскаго вторженія во времена Ксеркса. До тридцати двухъ греческихъ городовъ погибло мѣнѣе чѣмъ въ двухлѣтній періодъ отъ руки варвара. Какъ ни раздѣлены были между собою греки, но они всѣ отъ души отзывались бы на чувство, высказанное Демосѣеномъ, что варваръ долженъ быть въ подчиненіи у грековъ. — Ихъ должно было возмущать и позорить видѣть собственными глазами, толпы бѣдныхъ поработенныхъ созданій, обоихъ половъ и греческаго происхожденія, проходящихъ по улицамъ ихъ городовъ. И все это было дѣломъ македонянина, чело-вѣка низшей расы, котораго греки считали почти снѣзхожденіемъ, замѣчать и покровительствовать ему. Какъ могли они надѣяться, что онъ замедлитъ нанести свою руку на города Геллеспонта и Мраморнаго моря и откажется отъ завоеванія производительнаго хлѣбомъ Херсонеса? Какъ могли они успокоиться прежде чѣмъ заключили союзъ всѣхъ греческихъ городовъ противъ него? Намъ естественно разсуждать такимъ образомъ. Но даже близость очевидной опасности не всегда достаточна, чтобы перебороть взаимную вражду и недо-вѣріе. Притомъ не легко вообще убѣдить народъ, что государство, которое всѣ привыкли презирать, можетъ сдѣлаться со временемъ опаснымъ, какъ бы явны ни были его временные успѣхи. Такъ было повидимому и съ греками. Послѣ паденія Олинѣа и его союзныхъ городовъ, они продолжали пребывать въ ложной самоувѣренности.

ГЛАВА VIII.

ДЕМОСӨЕНЪ И МИДІЙ.

Случай изъ жизни Демосөена, происшедшій приблизительно въ это время и давшій поводъ къ одной изъ его очень извѣстныхъ рѣчей, показываетъ намъ въ очень яркомъ свѣтѣ нѣкоторыя изъ наименѣе пріятныхъ сторонъ аѳинскаго общества. Внѣшній лоскъ и утонченность несомнѣнно были доведены въ немъ до высокой степени и, въ общей сложности, обращеніе и характеръ гражданъ представляются намъ человѣчными и великодушными. Однако даже въ Аѳинахъ проби-
вались по временамъ, скандалы и нарушенія приличій и хорошаго тона, которыя, какъ можно опасаться, почти неизбѣжно связаны съ демократіей. Политическая мстительность и вражда партій доходили до возмутительныхъ размѣровъ и подъ ихъ прикрытіемъ самыя грубыя насилія проходили иногда безнаказанно. Богатый человѣкъ могъ, если желалъ, имѣть большое вліяніе на государство, и это давало ему полную возможность обижать и притѣснять тѣхъ, къ кому онъ лично былъ нерасположенъ. Въ Аѳинахъ, повидимому, существовало нѣсколько подобныхъ людей, стремив-

шихся къ тому, чтобы и кичливостью и безумными выходками подражать Алкивіаду, который, несмотря на весь свои умъ и на всѣ свои дарованія, сдѣлался наконецъ невыносимымъ для гражданъ свободнаго государства. Многіе изъ этихъ людей не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ своихъ богатствъ и были вредными шалопаями, все понятіе о жизни которыхъ сводилось къ грубому, безтолковому самодурству.

Судьба натолкнула Демосөена на человѣка этого сорта. Въ ранней молодости, въ то время какъ онъ еще велъ процессъ со своими опекунами, онъ навлекъ на себя вражду Мидія, богатаго, знатнаго человѣка, одного изъ постоянныхъ приверженцевъ партіи Эвбула. — Раздоръ между ними начался по слѣдующему странному случаю. Братъ Мидія, Өразилохъ, предложилъ, по дозволенному въ Аѳинахъ обыкновенію въ случаѣ тріерархіи, т. е. обязанности снарядить военный корабль для государства, помѣняться имуществомъ съ Демосөеномъ и далъ понять опекунамъ, что въ случаѣ его предложеніе будетъ принято, онъ прекратитъ процессъ противъ нихъ. Такимъ образомъ онъ старался помѣшать законнымъ мѣрамъ, къ которымъ прибѣгнулъ Демосөенъ и оставить его справедливыя требованія неуваженными. — Однажды оба брата, какъ кажется, дошли до того, что ворвались въ его домъ, вели себя крайне грубо и употребляли непристойныя выраженія въ присутствіи его сестры, тогда еще дѣ-

вочки. За это оскорбленіе Демосеенъ преслѣдовалъ Мидіа передъ судомъ, который присудилъ его къ денежному штрафу; но ему не удалось дѣйствительно вытребовать эти деньги. Съ этого времени Мидій сталъ его заклятымъ врагомъ и старался преслѣдовать его и вредить ему всевозможнымъ манеромъ. Вражда его была тѣмъ ожесточеннѣе, что онъ и въ политическомъ отношеніи былъ противникомъ Демосеена.

Въ 351 г. д. Р. Х. оба они участвовали въ военномъ походѣ въ Эвбею, Мидій въ кавалеріи, Демосеенъ въ пѣхотѣ. Ни одинъ изъ нихъ не оставался долго при войскѣ. Демосеенъ вернулся въ Аѣины подъ предлогомъ, что долженъ взять на себя важную общественную обязанность хора, или директора хоровъ для своего племени. Повидимому онъ взялъ на себѣ эту обязанность добровольно, но его врагъ намекаетъ, что онъ сдѣлалъ это единственно изъ желанія уклониться отъ трудностей военного похода. — За первымъ укоромъ послѣдовала грубая брань и оскорбленія. Директоръ хоровъ, какъ мы видѣли, присутствовалъ обыкновенно при совершеніи самой церемоніи, въ особомъ костюмѣ, съ вѣнкомъ на головѣ; и Демосеенъ заказалъ для этого случая особенно великолѣпное платье и золотой вѣнокъ. Мидій ворвался въ швейную, гдѣ вышивалось это платье и испортилъ весь нарядъ, въ которомъ собирался щегольнуть Демосеенъ. Онъ пошелъ далѣе; онъ ударилъ его по лицу передъ всѣмъ собра-

ніемъ и по словамъ самаго Демосеена, былъ виновенъ въ томъ, что хору его не досталось той награды, которую онъ заслуживалъ. Зрители пришли въ негодованіе, и Мидій, повидимому, въ тотъ же день былъ признанъ виновнымъ въ святотатствѣ народнымъ собраніемъ, засѣдавшимъ въ театрѣ. Но этимъ дѣло не могло окончиться. Судъ долженъ былъ назначить подобающее наказаніе. Ясно, что Демосеенъ былъ въ правѣ преслѣдовать его, что онъ и сдѣлалъ. Въ это время ему было 32 года. Мидій старался отвѣтѣться отъ преслѣдованія, обвинивъ Демосеена въ дезертиствѣ отъ военной службы на томъ основаніи, что онъ оставилъ войско въ Эвбей и вернулся въ Аѣины. Обвиненіе это ни къ чему не повело, но Демосеенъ, какъ кажется, не получилъ полного удовлетворенія въ своемъ преслѣдованіи Мидіа. Его соперникъ Эсхинъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ самъ заглушилъ это дѣло. Во всякомъ случаѣ, не извѣстно дошло ли дѣло до суда. Но тонъ сохранившейся рѣчи несомнѣнно заставляетъ предполагать это; и читая нѣкоторые отрывки, въ которыхъ онъ хвалится тѣмъ, что не согласился на сдѣлку и привлекъ своего противника къ суду, трудно представить себѣ, что рѣчь эта была только написана, но никогда не произнесена. Это послѣднее предположеніе, мы знаемъ, принимается очень многими и не безъ основаній; но въ виду этой рѣчи, такой какъ она дошла до насъ, сомнительно можетъ ли оно удержаться.

Тонъ рѣчи рѣзкій и раздраженный. Правда, она полна яростною бранью, но во всякомъ случаѣ она интересна, такъ какъ даетъ намъ маленькое понятіе о нѣкоторыхъ изъ злоупотребленій, вытекающихъ изъ богатства и дерзости даже въ такой демократической общинѣ какъ Аѳины. Мы находимъ въ ней забавный портретъ самаго Мидія, и хотя это быть можетъ карикатура, но безъ сомнѣнія типичная для дѣйствительно существовавшего класса. Какъ рассказываютъ, онъ заставилъ выбрать себя кавалерійскимъ офицеромъ, на томъ основаніи, что онъ богатый человѣкъ, хотя не умѣлъ проѣхаться верхомъ даже по рынку. Единственнымъ подвигомъ его щедрости было поднесеніе въ даръ государству военного корабля, когда онъ хорошенько убѣдился, что ему не предстоитъ никакой личной опасности. Пуще всего онъ любилъ дѣлать грубую выставку своего богатства. Онъ построилъ въ Элевзѣ, одномъ изъ предмѣстій Аѳинъ, такой огромный домъ, что онъ затемнялъ всѣ остальные по сосѣдству. Онъ возилъ свою жену на мистеріи или во всякое другое мѣсто, которое ей приходила охота посѣтить, не иначе какъ въ колесницѣ, на парѣ. Онъ проѣзжалъ по рынку и по главнымъ улицамъ, разговаривая о своихъ обѣдахъ и рогахъ для вина такъ громко, что всѣ прохожіе могли его слышать. «Не уважайте подобныя вещи и не восхищайтесь ими», говоритъ Демосѳенъ въ своей рѣчи, «не судите о щедрости по такимъ при-

знакамъ, что человѣкъ построилъ великолѣпные дома или держитъ многочисленную женскую прислугу, или имѣетъ прекрасное домашнее убранство; но смотрите, кто щедръ и великодушенъ въ такихъ вещахъ, въ пользованіи которыми вы всѣ можете участвовать. Мидій, вы увидите, не представитъ вамъ ничего подобнаго».

«Выпустите ли вы Мидія,» спрашиваетъ онъ, «на томъ основаніи, что онъ богатъ? Это, я думаю, главная причина его дерзости. Поэтому вамъ скорѣе слѣдовало бы отнять у него средства, дающіе ему возможность быть дерзкимъ, чѣмъ прощать ему изъ за нихъ. Дозволять нахальному негодяю, въ родѣ его, имѣть въ своемъ распоряженіи богатства, значитъ давать ему въ руки орудіе противъ васъ самихъ».

«Я полагаю, что вы всѣ знаете его нравъ, его оскорбительное и кичливое обращеніе; и нѣкоторые изъ васъ, я смѣю сказать, раздумывали о вещахъ, которыя имъ извѣстны, но которыхъ они не слышали отъ меня теперь. Многіе изъ пострадавшихъ не желаютъ даже рассказывать все, что они потерпѣли, изъ боязни мстительности этого человѣка и того богатства, которое дѣлаетъ такое презрѣнное существо сильнымъ и опаснымъ. Потому-что когда негодяй и забіяка поддерживается богатствомъ и властью, то они становятся оборонительною стѣною противъ всѣхъ нападеній. Пусть Мидій лишится своихъ владѣній, онъ вѣроятно перестанетъ разыгрывать забіяку. Если бы онъ продолжалъ по

прежнему, то его уважали бы меньше чѣмъ самаго ничтожнаго человѣка изъ васъ; его крики и брань ни къ чему не поведутъ тогда и онъ будетъ наказанъ за всякій свой проступокъ подобно каждому изъ насъ. Теперь, какъ кажется, Полиевктъ и Тимократъ и бездѣльники Эвктемонъ составляютъ его личную стражу; это тѣ наемщики, которыхъ онъ держитъ при себѣ и другихъ еще кромѣ ихъ, согласную шайку свидѣтелей, которые никогда не смущаютъ васъ открыто, но простыми киванымъ головой подтверждаютъ и лгутъ совершенно спокойно. Клянусь небесными силами, я не думаю, чтобы они извлекали себѣ много пользы изъ него; но они удивительные люди на то, чтобы поддѣлываться къ богатымъ, и прислуживать имъ и давать свидѣтельства. Все это, я полагаю, опасно для каждаго изъ васъ, кто желаетъ жить смирно, самъ по себѣ, такъ хорошо, какъ только можетъ; поэтому то вы и собираетесь вмѣстѣ, для того чтобы, хотя, взятые въ отдѣльности, каждый можетъ превзойти васъ и друзьями и богатствомъ и всѣмъ остальнымъ, но всѣ вмѣстѣ вы можете болѣе, чѣмъ помѣряться съ нимъ и положить предѣлъ его дерзости».

Мидій, по словамъ Демосеена, былъ трусъ въ душѣ и можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ униженно взывать къ жалости народа. Слѣдующій отрывокъ встрѣчается въ самомъ концѣ рѣчи.

«Я знаю, что онъ приведетъ своихъ дѣтей въ судъ

и будетъ выть, онъ будетъ говорить очень смиренно, проливая слезы и представляясь такимъ жалкимъ, какъ только можетъ. Но чѣмъ больше будетъ онъ унижаться, тѣмъ сильнѣе должны вы будете ненавидѣть его. Почему? Потому-что если бы нахальство и грубость его права проистекали отъ его неспособности быть смиреннымъ, было бы справедливо взять въ расчетъ его характеръ и обстоятельства, сдѣлавшіе его такимъ, какимъ онъ есть. Но если онъ умѣетъ вести себя прилично, когда хочетъ того, и принялъ противное поведеніе по выбору, то конечно вполне очевидно, что если онъ избѣгнетъ правосудія теперь, то снова сдѣлается тѣмъ самымъ Мидіемъ, какимъ вы его знали. Поэтому вы не должны его слушать; настоящій случай, когда онъ разыгрываетъ тихоню, не долженъ вліять на васъ и перевѣшивать все его прошлое, которое вы знаете по опыту.

Быть можетъ онъ скажетъ обо мнѣ: этотъ человѣкъ ораторъ. Положимъ. Если тотъ, кто совѣтуетъ вамъ то, что считаетъ полезнымъ для васъ, не навязываясь и не докучая вамъ, называется ораторомъ, я не отрицаю это названіе и не отказываюсь отъ него. Но если подъ ораторомъ понимать человѣка въ родѣ нѣкоторыхъ (извѣстныхъ вамъ и мнѣ) говоруновъ — безсовѣстныхъ людей, нажившихся на вашъ счетъ — я врядъ ли заслуживаю назваться имъ; потому-что я ничего отъ васъ не получилъ, а издержалъ на васъ все мое

состояніе, за исключеніемъ сущей бездѣлицы. Вѣроятно также Мидій скажетъ, что рѣчь моя приготовлена заранѣе. Я сознаюсь, что составилъ ее такъ рачительно какъ могъ. Въ самомъ дѣлѣ я былъ бы глупымъ простякомъ, если бы потерпѣвъ и продолжая терпѣть подобныя оскорбленія я не потрудился бы надъ способомъ изложенія ихъ вамъ. Я утверждаю, что Мидій сочинилъ мою рѣчь; тотъ, кто доставилъ факты, на которыхъ основана рѣчь, справедливо можетъ считаться ея авторомъ, а не тотъ кто просто приготовилъ ее и обдумалъ какъ лучше изложить передъ вами правое дѣло».

Рѣчь эта, по нашему мнѣнію, не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Демосоена; но она мѣстами остроумна и безспорно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ мастеръ ругаться. Она показываетъ, что въ аѣинскихъ судахъ терпѣлась со стороны адвоката значительная вольность языка. Демосоевъ не ограничивается тою обидою, которую самъ потерпѣлъ отъ Мидіа, но говоритъ и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ другимъ и нападаетъ на всю жизнь и на весь характеръ чело-вѣка. Нападеніе это могло быть заслуженно, все таки манера какъ оно велось и обстоятельства, при которыхъ оно происходило, показываютъ, что въ Аѣинахъ существовали опасности, которымъ неожиданно могъ подвергнуться любой изъ гражданъ.

ГЛАВА IX.

ФИЛИППЪ ОВЛАДѢВАЕТЪ ТЕРМОПИЛАМИ И ФОКИДОЮ.
МИРЪ МЕЖДУ НИМЪ И АѢИНАМИ. СОВѢТЪ ДЕМОСОЕНА.

Теперь мы вступаемъ въ періодъ прискорбнаго униженія и позора для греческой расы. Въ двухлѣтній промежутокъ варваръ, разрушившій Олинъ, овладѣлъ ключемъ Греціи, знаменитымъ проходомъ Термопилъ и всею Фокидою, страной, въ которой находились горы Парнасса и древній, высокочтимый храмъ Дельфы. Болѣе грозныхъ и многознаменательныхъ событій, говоритъ Демосоевъ въ одной изъ своихъ рѣчей, не происходило ни въ его время, ни во время кого либо изъ его предшественниковъ. Аѣины были вынуждены заключить унижительный и позорный миръ и многіе изъ ея гражданъ дошли до такого безчестія, что сдѣлались орудіями и подкупленными агентами «македонянина». Даже Исократъ, хотя и былъ истиннымъ грекомъ по своимъ симпатіямъ и вполне честнымъ и высоко-нравственнымъ чело-вѣкомъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что теперь самымъ мудрымъ для Греціи будетъ стать

подъ предводительство этого замѣчательно счастливаго царя и дозволить ему повести ея соединенныя войска на завоеваніе Персіи.

Исторія этихъ пяти лѣтъ нѣсколько запутана. Для настоящей цѣли будетъ достаточно, если мы вкратцѣ очертимъ общій ходъ событій. Періодъ этотъ былъ главнымъ образомъ занятъ переговорами аѳинянъ съ Филиппомъ. Эти послѣдніе велись неискуссно и привели къ очень печальному заключенію. Однимъ изъ поводовъ къ нимъ несомнѣнно было очень естественное желаніе вернуть тѣхъ аѳинскихъ гражданъ, которые были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ олинеійцами. Относительно Аѳинъ Филиппъ до сихъ поръ всегда оказывался вѣжливымъ и сговорчивымъ, вслѣдствіе чего, когда родственники двухъ изъ попавшихся въ плѣнъ, оба люди, занимающіе видное положеніе, предстали въ качествѣ просителей передъ аѳинскимъ собраніемъ, было рѣшено вступить въ переговоры съ Филиппомъ. Благопріятный отвѣтъ не заставилъ ждать себя, и мы имѣемъ основанія предполагать, что теперь въ обществѣ снова почувствовалось расположеніе къ миру. Въ началѣ было иначе. Даже Эвбулъ и его партія, считавшіе войну худшимъ изъ бѣдствій, были вынуждены признать Филиппа за врага. Они пошли далѣе; они сдѣлали попытку, отправивъ посольство въ Пелопонезъ, чтобы составить родъ коалиціи противъ него. Въ числѣ другихъ городовъ послы посѣтили Мегало-

лополь, гдѣ встрѣтили однако очень холодный пріемъ. Аѳины, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, сдѣлали нѣсколько лѣтъ тому назадъ ошибку, не послушавъ Демосѣена, совѣтовавшаго имъ поддержать Мегалополь противъ Спарты. Теперь жители это города рѣшительно не желали принять дѣятельнаго участія въ виду еще сравнительно отдаленной, какъ имъ казалось, опасности. Къ тому же, союзъ этотъ представлялъ бы и нѣкоторыя политическія неудобства. Онъ значилъ бы разрывъ со Спартою и принятіе дружественнаго положенія относительно Фивъ, города, противъ котораго аѳиняне были особенно озлоблены. Лишь только выяснилось, что нѣтъ надежды организовать союзъ всѣхъ грековъ противъ Филиппа, желаніе мира усилилось, и народъ не имѣлъ ничего противъ открытія переговоровъ съ ихъ могущественнымъ непріателемъ.

Таково было положеніе вещей, когда имя знаменитаго соперника Демосѣена, Эсхина, впервые представляется намъ. — Изъ очень низкаго рода онъ возвысился до положенія одного изъ первыхъ аѳинскихъ ораторовъ и государственныхъ мужей. Отецъ его содержалъ то, что мы назвали бы приготовительною школою и онъ самъ началъ жизнь второстепеннымъ актеромъ и мелкимъ чиновникомъ. Онъ отъ природы обладалъ всѣми дарованіями, необходимыми для оратора. Онъ находился въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ въ Пелопонезъ съ цѣлью возбудить гре-

ковъ противъ македонскаго вторженія. Повидимому онъ произнесъ очень могущественное воззваніе къ аркадскому собранію въ Мегалополѣ, яростно нападая на всѣхъ измѣнниковъ греческой свободы и клеймя Филиппа названіемъ «запятнаннаго кровью варвара.» Таково было начало политической жизни человѣка, который впослѣдствіи дозволилъ употребить себя какъ орудіе для приведенія въ исполненіе самыхъ опасныхъ замысловъ этого «варвара» противъ Греціи и ея свободы.

Въ переговорахъ этого періода между Аѣинами и Филиппомъ, Эсхинъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ посольствѣ, также какъ и самъ Демосѣенъ; и непріязненныя отношенія между ними, давшіе впослѣдствіе поводъ къ ихъ знаменитому ораторскому состязанію, начались съ этого времени. Мы по большей части должны полагаться на противорѣчащія показанія этихъ двухъ ораторовъ, чтобы вывести изъ нихъ понятіе о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Аѣины, два года спустя послѣ паденія Олинѳа, были вынуждены заключить позорный миръ. Можетъ почти показаться, что они добровольно дѣлали одну грубую ошибку за другой. Но это не было бы справедливымъ взглядомъ на это дѣло. Аѣины, несомнѣнно, могли бы повести свои дѣла гораздо умнѣе, подъ руководствомъ твердаго и талантливаго государственнаго мужа; но не надо забывать, что положеніе было крайне запутанное и что почти невозможно было, даже от-

даленно предвидѣть тотъ путь или то направленіе, которое примутъ событія. Послѣ разрушенія Олинѳа могло считаться несомнѣннымъ, что Филиппъ врагъ Греціи, а что поэтому обязанность и интересъ Аѣинъ состоятъ въ томъ, чтобы считать его таковымъ и отказаться отъ всякихъ сдѣлокъ съ нимъ. Но, какъ мы уже видѣли, Аѣины были не въ состояніи организовать союзъ греческихъ государствъ противъ него, и если-бы они рѣшились сражаться съ нимъ, то они не могли не сознавать, что имъ пришлось-бы сражаться однимъ. Когда къ этому соображенію присоединилось желаніе возвратить нѣкоторыхъ изъ ихъ собственныхъ гражданъ, находящихся теперь въ плѣну у Филиппа, и когда, сверхъ того, онъ оказался по-прежнему вѣжливымъ и сговорчивымъ, — мы не должны удивляться, что они воздержались отъ борьбы, которая неизбежно потребовала-бы напряженія всѣхъ ихъ усилій. Быть можетъ, для нихъ было-бы лучше и безопаснѣе пойти на всевозможныя жертвы и немедленно объявить войну разрушителю 30-ти греческихъ городовъ, но имъ не легко было рѣшиться на подобный шагъ однимъ, безъ всякой посторонней поддержки.

Отношенія греческихъ городовъ другъ къ другу и къ Аѣинамъ также представляли много затрудненій. Ни въ какое время не было такъ трудно соединить ихъ. Спарту, первенствующій городъ Пелопонеза, ни при какихъ обстоятельствахъ не легко было подвинуть на

усилія за общее дѣло грековъ. Ея государственные люди отличались узкимъ и себялюбивымъ взглядомъ на греческую политику. Остальные города Пелопонеза болѣе страшились спартанскаго преобладанія, которое они знали по опыту, чѣмъ какой либо опасности со стороны Македоніи, о которой они ничего не знали. Здѣсь, поэтому представлялось мало шансовъ на образованіе союза. Фивы и Фокида, два остающіяся государства, были сами вовлечены въ священную войну. Фокида завладѣла сокровищами дельфійскаго храма и этимъ поставила себя въ фальшивое положеніе относительно греческаго міра, какъ виновная въ святотатствѣ. Что касается Фивъ, то въ нихъ не было въ это время дѣйствительно великихъ и дальновидныхъ предводителей; къ тому же, въ нихъ не было живаго сознанія ихъ обязанностей относительно Греціи въ такой степени, какъ оно еще сохранилось въ Аѣинахъ. Политика ихъ была замѣчательно эгоистична, и даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ было-бы трудно убѣдить фивянъ дѣйствовать за одно съ аѣинянами. Желаніе ихъ подавить своихъ фокидскихъ сосѣдей, съ которыми они давно уже вели обременительную войну, было такъ сильно, что когда Филиппъ взялся подавить ихъ, они радостно привѣтствовали его предложеніе. Приманка, которую онъ выставилъ имъ, дѣйствительно была соблазнительна; но фивяне должны-бы были сохранить на столько любви къ Греціи, что-

бы отклонить его предложенія, принятіе которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было повести къ покоренію и разрушенію греческаго города варваромъ. Филиппъ, само-собою разумѣется, могъ оправдаться, говоря, что нападаетъ на тѣхъ, которые, въ сущности стали врагами Греціи, такъ какъ грабежомъ священныхъ сокровищъ Дельфъ они нанесли оскорбленіе лучшимъ и священнѣйшимъ чувствамъ грековъ. Но чтобы завоевать Фокиду, Филиппу было необходимо имѣть Термопилы въ своихъ рукахъ, а разъ овладѣвъ этимъ положеніемъ, едвали можно было сомнѣваться, что онъ будетъ въ состояніи дѣйствовать, какъ захочетъ, и что Фивы, если онъ вздумаетъ затѣять съ ними споръ, окажутся въ крайне затруднительномъ положеніи.

Все это ясно видѣлъ Демосѣенъ и, какъ кажется, вообще всѣ аѣиняне. Они вполне сознавали важность занятія Термопилъ, и съ этою цѣлью отправили туда войско. Но предводитель фокидѣйцевъ, Фалекъ, изъ какой-то ревности къ аѣинянамъ, а также изъ боязни, что противъ него поведутся политическія интриги, которые лишатъ его вліянія на его соотечественниковъ, отказался дозволить аѣинскимъ войскамъ занять этотъ важный проходъ. Теперь довольно трудно было аѣинянамъ рѣшиться какъ дѣйствовать. Почему они знали, что Фалекъ не находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Филиппомъ и не согласенъ добровольно впустить его въ проходъ. Подобное положеніе вещей было крайне

затруднительное и подавляющее, тогда какъ для Филиппа представлялся чрезвычайно удобный случай. Если-бъ ему удалось заключить миръ съ Аѳинянами, изъ котораго были-бы исключены ѳокидѣйцы, то онъ имѣлъ бы извѣстное оправданіе занять Ѳермопилы и завоевать Ѳокиду, и поступая такимъ образомъ, имѣлъ-бы Ѳивы на своей сторонѣ.

Послѣ многихъ переговоровъ таковъ былъ дѣйстви-тельно результатъ, котораго ему удалось достигнуть: между Филиппомъ и Аѳинянами былъ заключенъ миръ, распространявшійся и на ихъ соотвѣтственныхъ союзниковъ. Пока велись переговоры и аѳинскіе посланные ожидали въ Пеллѣ свиданія съ царемъ, онъ самъ былъ во Ѳракіи, и одержалъ нѣсколько важныхъ побѣдъ надъ предводителемъ этой страны Керсobleптомъ, временнымъ союзникомъ аѳинянъ. Слѣдствіемъ этого было ослабленіе аѳинскаго вліянія на ѳракійскій Херсонесъ, особенно цѣнное для нихъ владѣніе. Въ конечномъ результатѣ получился миръ на такихъ условіяхъ, о которыхъ аѳиняне и не думали первоначально. Это, утверждалъ Демосѳенъ, было слѣдствіемъ измѣнническаго поведенія Эсхина и нѣкоторыхъ другихъ посланныхъ, которые по-пусту теряли время въ Пеллѣ, когда имъ слѣдовало-бы немедленно послѣдовать за Филиппомъ во Ѳракію и покончить съ нимъ дѣло на тѣхъ основаніяхъ, на которыя они взаимно согласились. Но самую страшную ошибкою было исключеніе

ѳокидѣйцевъ изъ договора. Аѳиняне какимъ то образомъ дали убѣдить себя, что Филиппъ не замышляетъ противъ нихъ ничего дурнаго, и даже Демосѳенъ въ то время не протестовалъ противъ исключенія ѳокидѣйцевъ. Ошибка эта была непоправима, такъ какъ повела ни къ чему иному, какъ къ отдачѣ Ѳермопилъ Филиппу: ѳокидѣйцы, безъ посторонней поддержки, не могли удержать проходъ. Когда они увидали себя покинутыми, ихъ предводитель Фалекъ, на требованіе Филиппа оставить проходъ, согласился отдать его подъ нѣкоторыми условіями и вывелъ оттуда свои войска. Покореніе Ѳокиды Филиппомъ послѣдовало само собою. Онъ поступилъ съ этою страной и ея городами также, какъ два года предъ тѣмъ, съ Халкидикой и ея городами. Ѳокида была въ конецъ разорена. Другое греческое государство пало отъ рукъ македонскаго разрушителя, и будущность Греціи дѣйствительно представлялась въ мрачномъ свѣтѣ.

Однако, бѣдствіе это не такъ поразило греческій міръ, какъ можно было-бы ожидать. Ѳокидѣйцы, какъ мы уже объяснили, были нарушителями общаго закона и преданій Греціи, и гибель ихъ могла считаться божескимъ приговоромъ. Человѣкъ, приведшій его въ исполненіе, хотя и варваръ по греческимъ понятіямъ, могъ даже имѣть притязаніе считаться представителемъ священнаго дѣла. Въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ выполнилъ то самое, что требовала вся Греція въ одинъ

голосъ. Фивяне были въ особенности благодарны ему, и въ своей близорукости забыли то зло, которое онъ этимъ ударомъ нанесъ всей Греціи. Теперь еокидійцы перестали существовать, какъ греческій народъ. Ихъ мѣсто въ амфиктіоническомъ совѣтѣ, когда чрезъ 4-хъ лѣтній промежутокъ снова наступило великое пифійское празднество, было предложено Филиппу; его избрали даже предсѣдателемъ этой торжественной церемоніи. Все это дѣлалось съ полного согласія Фивъ и нѣкоторыхъ другихъ меньшихъ государствъ. Аѣины и Спарта, правда, держались нѣсколько въ сторонѣ. Но когда посланные Филиппа объявили аѣинянамъ о новомъ положеніи, которое онъ приобрѣлъ съ согласія столькихъ греческихъ государствъ, они не сочли возможнымъ воспротивиться тому, что было признано большею частью Греціи.

Какъ ни силенъ былъ Филиппъ прежде, но теперь онъ еще значительно усилился, и получилъ еще большую возможность дѣятельно вмѣшиваться въ греческую политику. Быть избраннымъ членомъ амфиктіоническаго совѣта значило въ дѣйствительности получить право гражданства. Филиппъ теперь, по крайней мѣрѣ, по теоріи, могъ считаться грекомъ, а не варваромъ. Аѣинянинъ Исократъ имѣлъ нѣкоторое право обратиться къ нему съ письмомъ, уговаривая его соединить подъ своимъ предводительствомъ всѣ великія государства Греціи и напасть на Азію, съ цѣлью разрушить Персидскую имперію и освободить азіатскихъ

грековъ. Но аѣиняне вообще съ гнѣвомъ и досадою видѣли, какой оборотъ приняли событія, и съ трудомъ рѣшились оставаться спокойными зрителями позора отдачи Фермопилъ и вторженія чужеземнаго царя въ самое сердце Греціи.

Демосѣенъ, какъ было уже сказано, не сочувствовалъ идеямъ Исократа; онъ все еще сохранялъ вѣру въ общій независимый греческій міръ, самымъ совершеннымъ представителемъ котораго долженъ былъ служить его родной городъ. Однако въ этомъ случаѣ онъ высказался въ пользу только-что заключеннаго постыднаго мира. Какъ ни позоренъ былъ этотъ миръ, однако нарушить его значило-бы дать Филиппу предлогъ соединить всѣ греческія государства войною противъ нихъ. Тонъ его рѣчи увѣренъ и рѣшителенъ. Миръ безъ сомнѣнія былъ скверенъ и постыденъ, но нарушить его было-бы чистымъ безуміемъ; это значило бы добровольно принять на себя вину. «Тѣмъ Дельфъ, какъ онъ называетъ предлогъ къ Священной войнѣ, начавшейся между фивянами и еокидійцами, не стоила того, чтобы изъ за нея вели войну, тѣмъ болѣе когда приходилось-бы сражаться со всѣмъ греческимъ союзомъ. Конечно, для Демосѣена не могло быть пріятно совѣтовать соблюденіе мира, который, какъ онъ самъ, такъ и всѣ его соотечественники, признавали великимъ униженіемъ для себя. Но разъ подписавъ его, имъ не оставалось ничего иного, какъ примириться съ нимъ и остерегаться всякихъ новыхъ нападеній.

ГЛАВА X.

ДЕМОСФЕНЪ ПРОДОЛЖАЕТЪ СВОИ РѢЧИ ПРОТИВЪ ФИЛИППА.

Съ мира 346 г. до Р. Х. мы можемъ считать начало революціи въ греческомъ мірѣ. Филиппъ пріобрѣлъ новое положеніе, и право его вмѣшиваться въ греческую политику теперь сдѣлалось обще-признаннымъ. Даже Демосфенъ не могъ не сознать перемѣны въ общихъ чувствахъ къ нему. Исократъ съ большимъ правомъ, чѣмъ когда-либо, могъ утверждать, что все указываетъ на него, какъ на истинную главу и представителя Греціи, и, слѣдовательно, какъ на предназначеннаго покорителя Азіи—древняго врага Греціи. Вскорѣ всѣ могли убѣдиться, на сколько непроченъ только что заключенный миръ. Филиппъ, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія соблюдать его долѣе того, чѣмъ онъ соотвѣтствовалъ его цѣлямъ. Аѣиняне не могли не видѣть этого, какъ ни старались они обманывать себя, и чувство ихъ къ нему состояло изъ смѣси страха и гнѣва. Можно подумать, что уже теперь онъ могъ почти съ увѣренностью на успѣхъ при-

ступить къ организаціи греческаго союза противъ Персіи. Но онъ былъ, повидимому, слишкомъ остороженъ и хитеръ, чтобы подвергать себя серьезному риску. Политика его заставляла его искать еще болѣе прочнаго положенія въ греческомъ мірѣ. Аѣины, онъ зналъ, были его единственными опасными врагами. Все еще была возможность, что имъ удастся возбудить Грецію противъ него и одолѣть его союзомъ, подъ своимъ предводительствомъ. Поэтому, ему слѣдовало отчудить ихъ отъ остальной Греціи путемъ политическихъ интригъ и, изгнавъ ихъ изъ Херсонеса, нанести пагубный ударъ торговлѣ, отъ которой въ значительной степени зависѣло ихъ благосостояніе.

Съ этою цѣлью онъ началъ вмѣшиваться въ политику Пелопонеза. Тамъ обстоятельства благопріятствовали его замысламъ. Ему представился случай разыграть роль защитника и освободителя притѣсненныхъ. Спарта все еще составляла предметъ страха для жителей Арголиды, Мегалополя и Мессены. Они не могли представить себѣ, что имъ слѣдуетъ опасаться какого-либо другаго врага кромѣ нея; Фивы до-сихъ-поръ всегда были ихъ защитниками, но теперь Фивы уже не могли внушать имъ достаточно довѣрія. Поэтому, они естественно обратились къ Филиппу. Врядъ-ли можно было надѣяться, что они воздержатся отъ воззванія къ его помощи въ виду близкой и неминуемой опасности, единственно изъ за-того, что имъ представятъ,

что они такимъ образомъ вредятъ важнѣйшимъ и священнѣйшимъ интересамъ Греціи. То, въ чемъ они нуждались, была помощь противъ Спарты, и ее Филиппъ общалъ имъ. Онъ велѣлъ сказать имъ, что скоро явится къ нимъ лично, а между тѣмъ послалъ къ нимъ войско и повелѣлъ Спартѣ воздержаться отъ всякаго нападенія на Мессену.

Это было очень умнымъ поступкомъ со стороны Филиппа, и Аѣины не имѣли возможности протестовать противъ него и стараться помѣшать ему. Все, что они могли сказать, было то, что судя по прошедшему, его вмѣшательство не предвѣщало ничего добраго. Демосѣену удалось убѣдить въ этомъ аѣинянъ. Онъ уговорилъ ихъ отправить посольство, съ самимъ собою во главѣ, въ Пелопонезъ съ цѣлью разбить дипломатію Филиппа. Онъ посѣтилъ нѣкоторые изъ городовъ, стараясь вразумить ихъ насчетъ извѣстнаго вѣроломства Филиппа и опираясь въ особенности на его поступокъ съ Олинѣомъ. Онъ ясно говорилъ имъ, что, увлекаясь своимъ страхомъ и ненавистью къ Спартѣ, они становились его сообщниками въ дѣлѣ порабощенія Греціи. Повидимому, однимъ изъ главныхъ доводовъ, на которомъ онъ настаивалъ, была полная невозможность прочнаго и искренняго союза между свободными государствами и деспотомъ. Этотъ доводъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ вліять на демократическую партію, составлявшую всегда могущественный элементъ въ каж-

домъ греческомъ государствѣ. Его выслушивали, какъ онъ самъ передаетъ намъ въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей, со вниманіемъ и одобреніемъ. Но онъ всетаки никого не убѣдилъ. Въ каждомъ государствѣ, какъ онъ говоритъ въ другой рѣчи, были люди, согласные стать подъ чужеземное иго, если только они приобрѣтали этимъ путемъ первенство надъ своими согражданами. Прежняя любовь къ свободѣ и къ законному правленію, составлявшая нѣкогда величайшую славу Греціи, теперь пришла повидимому въ совершенный упадокъ. Однако, попытка Демосѣена всетаки не осталась безъ всякихъ результатовъ. Филиппъ счелъ нужнымъ отправить посланныхъ въ Аѣины, чтобы до извѣстной степени оправдать себя и свою политику. Туда прибыло также, быть можетъ по его внушенію, посольство отъ нѣкоторыхъ городовъ Пелопонеза. Аѣины находились въ очень затруднительномъ положеніи. Филиппъ съ кажущимся правомъ могъ сказать, что аѣиняне безъ причины недовѣрчивы къ нему и даже, что они въ дѣйствительности нарушаютъ духъ только что заключеннаго мира. Посланные изъ Аголиды и Мессены справедливо могли пожаловаться на кажущееся соглашеніе между Аѣинами и Спартою и счесть его угрозою свободѣ Пелопонеза. Это былъ очень важный и критическій моментъ, по силамъ только чрезвычайно талантливому государственному мужу. Теперь Демосѣену представлялся случай еще ярче доказать свои способ-

ности общественного совѣтника, и онъ воспользовался имъ. Въ рѣчи, сказанной имъ въ 344 г. до Рожд. Хр., известной подъ названіемъ «второй Филиппики», онъ ясно высказался какъ противъ внушеній Филиппа, такъ и противъ несвоевременныхъ жалобъ посланцевъ изъ Пелопонеза; въ то-же время онъ оправдывалъ свою собственную политику и обвинялъ партію Филиппа, въ которой его соперникъ Эсхинъ игралъ теперь первенствующую роль.

Филиппъ, говоритъ онъ, долженъ считаться самымъ опаснымъ врагомъ настоящаго времени и заговорщикомъ противъ всей Греціи. Онъ повторяетъ то, что говорилъ жителямъ Мессены, опираясь на прежнемъ опытѣ.

«Вы, жители Мессены, какъ думаете вы, взглянули-бы олинейцы на все, говорящее противъ Филиппа въ тѣ времена, когда онъ уступилъ имъ Анеемъ, на который всѣ прежніе цари Македоніи имѣли притязанія, когда онъ изгналъ аѳинскихъ колонистовъ и передалъ имъ Потидею, навлекая на себя этимъ вашу вражду и давая въ ихъ пользованіе землю. Думаете-ли вы, что они ожидали такого обращенія, которое досталось имъ на долю или сочли-бы его возможнымъ, если-бъ имъ напередъ сказали о немъ? Тѣмъ-не менѣе, попользовавшись короткое время владѣніями другихъ, они теперь на долго лишены Филиппомъ своихъ собственныхъ,

позорно изгнаны, не только побѣждены, но даже выданы и проданы другъ другомъ. По истинѣ, подобные слишкомъ тѣсные союзы съ деспотами не безопасны для свободныхъ государствъ. Существуютъ различныя ухищренія для защиты и обороны городовъ, каковы валы, стѣны, траншеи и т. п. Но существуетъ также общая оборона въ природѣ мудрыхъ людей, которая составляетъ вѣрную защиту для всѣхъ, но въ особенности для демократіи, противъ деспотовъ. О чемъ говорю я? О недовѣріи. Держитесь его, оставайтесь при немъ, сохраняйте только его; никто не можетъ будеть повредить вамъ. Чего вы желаете? Свободы? Такъ развѣ вы не видите, что всѣ титулы Филиппа несогласны съ нею! Каждый деспотъ есть врагъ свободы и противникъ законовъ. Развѣ не страшитесь вы, что, ища избавленія отъ войны, вы найдете себя господина?»

Однако въ рѣчи, сказанной около 3-хъ лѣтъ спустя и до которой скоро дойдетъ чередъ, Демосеенъ намекаетъ, что можно было-бы даже возымѣть мысль искать помощи со стороны Персіи. Быть можетъ только отчаяніе вырвало у него этотъ намекъ и мы не должны видѣть въ немъ перемѣны въ его политическихъ убѣжденіяхъ; до самаго конца Демосеенъ сохранилъ вѣру въ свободное народное правленіе, противоположное тираніи и деспотизму. Однако, ему приходилось согласиться, что подобному правленію трудно бороться съ

хитрою дипломатією. Въ этомъ аѳинянамъ пришлось убѣдиться по собственному опыту, какъ онъ напоминаетъ имъ въ настоящей рѣчи. Они дали увѣрить себя, что Филиппъ, если ему удастся овладѣть Термопилами, унижить ихъ стараго врага Фивы и передать имъ Оропъ и Эвбею взамѣнъ Амфиполя. «Всѣ эти общенія», говоритъ онъ имѣя въ виду партію Филиппа, «я убѣжденъ, вы сохранили въ памяти, хотя и не отличаетесь злопамятствомъ. Пока зло только наступаетъ и готовится, пока мы еще слышимъ другъ друга, я желаю напомнить каждому человѣку, хотя-бы онъ и безъ меня зналъ это, кто убѣдилъ васъ выдать Фокиду и Термопилы, обладаніе которыми открыло Филиппу дорогу въ Аттику и Пелопонезъ и привело васъ къ тому, что вамъ теперь приходится совѣщаться не о вашихъ правахъ и интересахъ извнѣ, но о защитѣ вашего собственного дома и о войнѣ въ Атикѣ, которая, если наступитъ, будетъ большимъ бѣдствіемъ для каждого гражданина. Собственно говоря, она началась съ самаго дня вашего самообольщенія. Если-бы тогда вы не дали обмануть себя, теперь ничто не тревожило-бы государства».

Въ этой рѣчи онъ въ особенности настаиваетъ на одномъ, а именно, что борьба между греческими государствами не ограничивается, какъ прежде, борьбою между аристократіей и демократіей, но стала

борьбою между партією Филиппа и его противниками. Слѣдующій годъ былъ свидѣлемъ замѣчательнаго состязанія между Демосѳеномъ и Эсхиномъ. Оно началось во время посольства къ Филиппу и различныхъ переговоровъ съ нимъ, окончившихся, какъ мы видѣли, такъ несчастно для Аѳинъ и для Греціи. Эсхинъ, не надо забывать, былъ приверженцемъ партіи Эвбула, стоявшей всегда за миръ, и Демосѳенъ употребилъ теперь всѣ усилія, чтобы пошатнуть довѣріе къ нему, на томъ основаніи, что онъ въ сущности долженъ считаться отвѣтственнымъ за то, что Филиппъ занялъ Термопилы, разрушилъ Фокиду и достигнулъ новаго и могущественнаго положенія въ Греціи. Рѣчи обоихъ ораторовъ по этому дѣлу дошли до насъ и онѣ въ особенности цѣнны тѣмъ, что доставляютъ намъ матеріалы для исторіи этого запутаннаго періода. Демосѳенъ ведетъ свое нападеніе съ крайнимъ ожесточеніемъ и прибѣгаетъ даже къ самой рѣзкой брани, которой онъ отлично умѣлъ владѣть при случаѣ. На нашъ взглядъ, какъ образецъ искусства, эта рѣчь наименѣе удовлетворительная и краснорѣчивая изъ всѣхъ его рѣчей. Его брань доходитъ до грубости и непристойности, и это при такихъ обстоятельствахъ, когда слишкомъ сильное обвиненіе его противника не могло не быть признаннымъ за ошибку. Онъ обвиняетъ Эсхина въ томъ, что онъ все время былъ сознательнымъ орудіемъ коварной политики Филиппа, хотя всѣмъ было

известно, что самъ Демосѣенъ, быть можетъ отъ недостатка прозорливости, недовольно твердо противился этой политикѣ болѣе чѣмъ при одномъ случаѣ. Онъ не добился успѣха. Но побѣду, одержанную его соперникомъ, также нельзя было назвать блестящею: Эсхинъ былъ оправданъ только 30 голосами. Это показываетъ, что въ общей сложности общественное мнѣніе было противъ него, хотя быть можетъ явныхъ и положительныхъ уликъ противъ него и не было. Мы можемъ заключить изъ этого, что политическое вліяніе Демосѣена было очень велико. Онъ потерпѣлъ поражение, вѣроятно, потому, что дѣло это было крайне запутанное, и что онъ не могъ нападать на Эсхина, не имѣя при этомъ надобности время отъ времени защищать себя самого и объяснять нѣкоторые неясности въ своемъ собственномъ участіи въ переговорахъ.

Аѣины, какъ было уже сказано, были въ особенности слабы со стороны ѳракійскаго Херсонеса и съ сѣвера Эгейскаго моря. Туда перенесъ неутомимый Филиппъ свое вниманіе въ 342—341 г. до Рожд. Хр. Нельзя было сомнѣваться, что онъ замышлялъ присоединеніе себѣ этой важной области и завоеваніе греческихъ городовъ на сѣверныхъ берегахъ Мраморнаго моря: Перинеа, Селимврии и въ особенности Византіи. Если-бы ему удалось выполнить это, Аѣины были-бы вполнѣ парализованы; ихъ морское преобладаніе пришло-бы къ концу и ихъ запасы хлѣба были-бы отрѣзаны; онѣ

перестали-бы существовать какъ торговая держава. Замыслы Филиппа противъ Аѣинъ во ѳракіи представляютъ нѣкоторое сходство съ замыслами Наполеона I противъ Англіи въ его нападеніяхъ на Египетъ и Испанію. Въ то время въ парламентѣ говорилось, что ведя войну съ Франціей въ этихъ странахъ, англичане на самомъ дѣлѣ защищаютъ свои собственные интересы. Демосѣенъ держался той-же системы доводовъ противъ Филиппа. Войско было отправлено изъ Аѣинъ въ Херсонесъ для наблюденія за движеніями Филиппа. Военачальникъ Діопитъ былъ талантливый и энергическій человѣкъ, и не безъинтересно для насъ знать, что онъ былъ отцомъ поэта Менандра. Между аѣинскими колонистами и Кардійцами въ сѣверной части Херсонеса завязались споры. Филиппъ склонялся на сторону послѣднихъ, на что Діопитъ тотчасъ-же отвѣтилъ вторженіемъ въ Македонскую область. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ, и на время лишилъ Филиппа его недавнихъ завоеваній. Принимая въ соображеніе, что миръ 346 г. до Рожд. Хр. все еще былъ въ силѣ, можно было сказать, что аѣинскій полководецъ своимъ излишнимъ рвеніемъ поставилъ себя въ неправоe положеніе, и Филиппъ отправилъ въ Аѣины посольство, въ которомъ формально жаловался на эти нападенія. Всѣ его политическіе приверженцы въ Аѣинахъ требовали немедленнаго отозванія Діопита. Подобно другимъ аѣинскимъ генераламъ, Діопитъ, начальствовавшій надъ

наёмщиками, былъ почти принужденъ добывать средства для ихъ содержанія походами, которыхъ нельзя было вполнѣ оправдать. Однако, въ его пользу можно было сказать, что онъ въ дѣйствительности удерживалъ въ должныхъ границахъ опаснаго врага, и на этомъ основаніи Демосеенъ защищалъ его и совѣтывалъ оставить его въ его должности. Рѣчь, сказанная имъ при этомъ случаѣ «въ защиту Херсонеса», какъ она называется, содержитъ ясные и убѣдительные доводы дальновиднаго государственнаго мужа.

«Народъ», такъ говоритъ онъ, «сначала долженъ справиться съ своими врагами, а потомъ уже призывать къ отвѣту своихъ слугъ». Хорошо Филиппу жаловаться на нарушеніе мира въ этомъ частномъ случаѣ. Но развѣ не всѣмъ извѣстно, что онъ самъ лишилъ Аѳины ихъ владѣній. Одинъ пустой предлогъ говорить, что намъ слѣдуетъ рѣшиться либо на миръ, либо на войну. «Если оказывается, что съ самаго начала Филиппъ отнялъ у насъ наши владѣнія и все время безостановочно собиралъ добычу съ другихъ народовъ, грековъ и варваровъ, чтобы добыть матеріалы для нападенія на насъ, то какое же значеніе имѣетъ требованіе, чтобы мы рѣшились либо на миръ, либо на войну?»

«Сообразите, что происходитъ на самомъ дѣлѣ. Филиппъ съ многочисленнымъ войскомъ занимаетъ Фракію и посылаетъ, по словамъ очевидцевъ, за подкрѣпленіями въ Македонію и Тессалію. Теперь, если толь-

ко онъ дождется попутнаго вѣтра и тогда приступить къ осадѣ Византіи, думаете-ли вы, что византійцы останутся при теперешнемъ ихъ безуміи и не призвуть васъ, умоляя о помощи? Я не думаю этого. Нѣтъ, они примутъ всякій народъ, даже такой, къ которому питаютъ еще больше недовѣрія, чѣмъ къ намъ, охотнѣе, чѣмъ отдать свой городъ Филиппу, если только онъ не предупредитъ ихъ и не овладѣетъ имъ. Если поэтому мы не будемъ въ состояніи тотчасъ-же поплыть къ сѣверу и помощь наша не будетъ подъ рукою, то ничто не можетъ предупредить ихъ гибели. Хорошо, положимъ, что византійцы слѣпы и обольщены, очень можетъ быть. Однако ихъ всетаки надо спасти, потому что это выгодно для Аѳинъ. Вовсе невѣрно также, что онъ не нападаетъ на Херсонесъ. Скажу если судить по письму, которое онъ послалъ намъ, онъ ясно говорить, что намѣревается наказать жителей Херсонеса. Если мы удержимъ войско на теперешней ногѣ, оно будетъ въ состояніи защитить эту страну и напасть на нѣкоторыя изъ владѣній Филиппа; но если мы распустимъ его, то что намъ дѣлать, если онъ направится противъ Херсонеса? При подобныхъ фактахъ и доводахъ, представляемыхъ вамъ, вы не только не должны распускать войско, которое Діопитъ старается собрать для Аѳинъ, но вамъ слѣдовало бы самимъ вооружить прибавочное и поддержать его деньгами и всяческимъ дружественнымъ содѣйствіемъ.»

Въ слѣдующемъ отрывкѣ онъ нападаетъ на своихъ политическихъ противниковъ и на чрезмѣрную вольность рѣчи, которая дозволяется имъ при защитѣ интересовъ Филиппа:

«Борьба эта, вы должны быть убѣждены, есть борьба за существованіе. Вы не можете осилить вашихъ враговъ извнѣ, прежде чѣмъ не покараете вашихъ враговъ, его служителей, дома. Они будутъ камнями преткновенія, которые помѣшаютъ вамъ достигнуть до другихъ. Почему, думаете вы, Филиппъ теперь оскорбляетъ насъ? Другимъ народамъ онъ, по крайней мѣрѣ, оказываетъ услуги, хотя въ тоже время обманываетъ ихъ, а намъ онъ уже угрожаетъ. Посмотрите напр. на ессалійцевъ. Цѣною многихъ благодѣяній вовлекъ онъ ихъ въ ихъ теперешнее рабство, а также и олинейцы — какъ онъ надувалъ ихъ, отдавъ имъ сначала Потидею и нѣсколько другихъ мѣстъ. Это превосходитъ всякое описаніе. Теперь онъ привлекаетъ и еивянъ, уступая имъ Беотию и спасая ихъ отъ трудной и обременительной войны. Каждый изъ этихъ народовъ получилъ какое нибудь преимущество, но нѣкоторые изъ нихъ уже пострадали, какъ знаетъ весь свѣтъ, другимъ-же предстоитъ еще пострадать впереди. Что касается до васъ, то я не стану перечислять все, что у васъ отняли, какъ позорно поступили съ вами и ограбили васъ! Почему-же Филиппъ поступаетъ такъ различно съ вами и съ дру-

гими? Потому что вы единственное государство Греціи, гдѣ дозволено открыто говорить за враговъ, и гражданинъ, получившій взятку, можетъ свободно обращаться къ собранію, хотя у васъ и отняли ваши владѣнія. Въ Олинѣ не было-бы безопасно стать адвокатомъ Филиппа, если-бы вся олинейская община не участвовала въ прибыли владѣнія Потидеей. Въ Тессалии не было-бы безопасно быть адвокатомъ Филиппа, если-бы ессалійскій народъ не получилъ ту выгоду, что Филиппъ изгналъ ихъ тирановъ и возстановилъ синодъ въ Пилахъ. Это не было безопасно въ Фивахъ, пока онъ не отдалъ имъ Беотию и не уничтожилъ еокидійцевъ. Однако, въ Афинахъ, хотя Филиппъ лишилъ васъ Амфиполя и владѣній вокругъ Кардіи, хотя онъ теперь укрѣпляетъ Эвбею, какъ угрозу для насъ и намѣревается напасть на Византію, все-таки безопасно говорить въ защиту Филиппа.»

Демосфенъ такъ заканчиваетъ свою рѣчь:

«Я резюмирую мой совѣтъ и замолкну. Вы должны содѣйствовать деньгами и удержать существующія войска, преслѣдуя всякія злоупотребленія, которыя вамъ случится открыть, но ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обвиненіяхъ, которыя кто либо ни принесъ, не распуская войска. Разошлите повсюду пословъ, чтобы направить, предупредить, совершить все, что возможно для Афинъ. Далѣе я говорю: накажите вашихъ подкупныхъ правителей, позорьте ихъ во всѣ времена и

повсемѣстно и этимъ докажете, что добродѣтельные и честные люди держали мудрый совѣтъ какъ для другихъ, такъ и для самихъ себя.»

Пріятно узнать, что рѣчь эта достигла цѣли, что Діопитъ, который, конечно, хорошо послужилъ своему отечеству, былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ и Херсонесъ былъ спасенъ для Аѳинъ.

Демосѳенъ сдѣлался теперь первымъ аѳинскимъ государственнымъ мужемъ. Онъ пошатнулъ вліяніе партіи мира, и, повидимому, еще усилилъ свое политическое значеніе рѣчью, сказанною имъ около трехъ мѣсяцевъ спустя послѣ той, о которой мы только что упоминали. Воззваніе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, всегда считалось однимъ изъ самыхъ могучихъ. На сколько извѣстно, ничего новаго не произошло, но Филиппъ все оставался во Фракіи, угрожая Херсонесу и сѣвернымъ берегамъ Мраморнаго моря, и ясно было, что онъ питаетъ замыслы противъ Перинеа и Византіи. Демосѳенъ повторяетъ въ сущности доводы, которые приводилъ прежде. Греція, говоритъ онъ, находится въ крайней опасности вслѣдствіе жалкаго разъединенія и апатіи, а также вслѣдствіе безпримѣрнаго положенія, котораго она дозволила Филиппу достигнуть. «Что касается Аѳинъ, то ихъ дѣла пришли въ упадокъ, вслѣдствіе такой безпечности и нерадѣнія, что я не боюсь ошибиться, сказавъ что если-бы всѣ ораторы сговорились предложить вамъ и вы всѣ согласились-бы при-

нять, рѣшенія для полной гибели нашей родины, то мы, я думаю, не могли бы быть въ худшемъ положеніи, чѣмъ то, въ которомъ находимся теперь.» Въ Аѳинахъ не разъ говорилось въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ ораторовъ: «погодите, пока Филиппъ объявитъ войну, и тогда будетъ время обсудить какъ намъ воспротивиться ему.» Демосѳенъ отвѣчаетъ на это:

«Если мы станемъ ждать, чтобы Филиппъ объявилъ намъ войну, мы будемъ самыми простѣйшими изъ смертныхъ, потому что онъ не объявилъ-бы войны, даже, если-бы шелъ противъ Аѳинъ и Пирея — по крайней мѣрѣ, на сколько мы можемъ судить по его поведенію относительно другихъ. Когда онъ посылаетъ свои наемныя войска въ Херсонесъ, признанный царемъ Персіи и всѣми греками вашимъ, какой можетъ быть смыслъ подобнаго поступка? Онъ говоритъ, что не ведетъ войны. Но я не могу признать такое поведеніе за соблюденіе мира. Напротивъ того, я говорю, что его теперешнимъ вторженіемъ во Фракію, его интригами въ Пелопонезѣ, всѣми движеніями его войскъ, онъ нарушилъ миръ и объявилъ вамъ войну, — если только вы не скажете, что тѣ, которые устанавливаютъ военные орудія, не начинаютъ войны до тѣхъ поръ, пока не приставятъ ихъ къ стѣнамъ. Но этого вы не скажете, потому что каждый, кто prepares орудія для моего покоренія, находится въ

войнѣ со мною, прежде чѣмъ онъ метнетъ копье или натянетъ лукъ. Если что-нибудь случится то какому риску вы подвергаетесь? Отчужденіе Геллеспонта, покоренія Мегары и Эвбеи вашимъ врагомъ, переходъ Пелопонеза на его сторону. Послѣ этого могу-ли я признать, что человекъ, пускающій въ дѣло подобное орудіе противъ Аѣинъ, соблюдаетъ миръ съ ними; совсѣмъ напротивъ. Съ того самаго дня, когда онъ разрушилъ Фокиду, я считаю начало его враждебныхъ дѣйствій. Такъ сильно различаюсь я отъ вашихъ другихъ совѣтниковъ, что считаю всякія разсужденія о Херсонесѣ и Византіи неумѣстными. Помогите имъ — я совѣтую это; смотрите, чтобы съ ними не приключилось ничего худого; пошлите всѣ необходимыя снабженія для вашихъ войскъ въ этихъ мѣстахъ, но пусть совѣщанія ваши касаются безопасности всей Греціи, которая находится теперь въ самомъ критическомъ положеніи.»

Греки, утверждаетъ онъ, должно быть вполне выродились, если дозволяютъ чужестранцу и варвару вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Въ такой степени это никогда прежде не дозволялось даже такимъ государствамъ какъ Аѣины и Спарта. Это просто чудовищно и служить доказательствомъ пагубнаго вырожденія.

«Я замѣчаю,—говоритъ ораторъ,—что всѣ народы, начиная съ васъ самихъ, признали за Филиппомъ право, которое въ прежніе дни составляло предметъ со-

стызанія въ каждой изъ греческихъ войнъ. Какое-же оно? Право дѣйствовать по произволу, открыто грабя и обворовывая грековъ, одинъ народъ за другимъ, нападая на ихъ города и поработая ихъ. Вы стояли во главѣ грековъ въ теченіи 73 лѣтъ, лакедемоняне въ теченіи 29-ти, а ѣввяне достигли нѣкотораго вліянія въ позднѣйшее время, послѣ битвы при Левктрѣ. Однако ни вы, ни лакедемоняне, ни ѣввяне, никогда не получали разрѣшенія дѣйствовать по произволу. Совсѣмъ напротивъ. Когда вы или, лучше сказать, аѣиняне того времени поступали, какъ казалось, сурово, съ какимъ либо народомъ то всѣ остальные, даже тѣ которые не имѣли личныхъ жалобъ на аѣинянъ, считали нужнымъ держаться стороны обиженныхъ въ войнѣ съ Аѣинами. Точно также, когда лакедемоняне овладѣли нашимъ прежнимъ положеніемъ, то ихъ попытка ввести притѣснительныя нововведенія повела къ общей войнѣ, въ которой участвовали даже тѣ, которые не имѣли причины жаловаться на нихъ. Но зачѣмъ говорить о другихъ народахъ? Мы сами и лакедемоняне, хотя могли въ началѣ сослаться на взаимныя оскорбленія, сочли нужнымъ начать войну за несправедливости, оказанныя нашимъ сосѣдямъ. Однако, всѣ проступки, совершенные спартанцами въ теченіи этихъ 30 лѣтъ и нашими предками въ теченіи 70-ти лѣтъ, не значительнѣе тѣхъ оскорбленій, которые въ эти неполныя 13 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Филиппъ пользуется

преобладаніемъ, онъ нанесъ всѣмъ грекамъ. Нѣтъ, онѣ не составляютъ даже и малой части ихъ, какъ я скоро и коротко могу доказать вамъ. Я не стану касаться ни Олинѳа, ни Мееоніи, ни Апполоніи и 32-хъ городовъ на границахъ Эракіи, которые всѣ онъ такъ жестоко разрушилъ, что посѣтителю едва-ли можетъ догадаться теперь, что они когда-либо были обитаемы. Я не скажу также ничего о Фокидѣ, о такомъ значительномъ народѣ, вполне уничтоженномъ теперь. Но каково положеніе Фессаліи! Развѣ онъ не отнялъ у нея ея конституцію и ея города, и не установилъ тетрархій, чтобы не отдѣльными городами, но цѣлыми провинціями подчинить ее своему игу? Развѣ города Эвбеи не управляются теперь деспотами? Эвбея — островъ недалеко отъ Фивъ и Аѳинъ. Развѣ не пишетъ онъ въ своихъ письмахъ: я нахожусь въ мирѣ съ тѣми, которые добровольно подчиняются мнѣ. Ни греческая, ни варварская страна не вмѣщаютъ въ себѣ самолюбія этого человѣка, а мы, греческія общины, видя это и слыша объ этомъ, вмѣсто того, чтобы разсылать посольства отъ одного къ другому и выражать наше негодованіе, находимся въ такомъ печальномъ состояніи, такъ замкнуты въ нашихъ отдѣльныхъ городахъ, что до сего дня не можемъ предпринять ничего, что требуютъ необходимость и нашъ интересъ. Мы не можемъ соединиться для помощи и союза. Мы смотримъ на возрастающую власть этого человѣка, какъ будто дѣло

не касалось насъ. Каждый изъ насъ рѣшился пользоваться тѣмъ промежуткомъ, въ который гибнетъ другой, не заботясь и не радѣя о спасеніи Греціи. Какое зло не потерпѣли греки со стороны лакедемонянъ или насъ, оно все такъ было нанесено имъ природнымъ греческимъ народомъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это тоже самое, какъ если-бы законный сынъ, наследникъ большаго состоянія, былъ-бы виновенъ въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ или ошибкахъ въ управленіи имъ; на этомъ основаніи вы считали бы его заслуживающимъ упрека. Однако, нельзя было-бы сказать, что онъ чуждъ и непричастенъ къ той собственности, съ которою онъ такъ обращается. Но если-бы рабъ или незаконный ребенокъ истратилъ или промоталъ то, въ чемъ онъ не имѣетъ доли, то на сколько-бы сквернѣе и ненавистнѣе казались-бы всѣмъ его поступки!»

Объ упадкѣ патріотизма и о подкупности публичныхъ дѣятелей во всей Греціи онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: Должна быть какая-нибудь основательная причина, почему греки такъ стремились къ свободѣ тогда и такъ стремятся къ рабству теперь. Тогда въ сердцахъ у большинства было нѣчто, чего въ нихъ нѣтъ теперь, что пересиливало богатство Персіи и поддерживало свободу Греціи и не могло быть подавлено ни въ какомъ сраженіи, морскомъ или сухопутномъ, и потеря чего погубила все и ввергла весь греческій міръ

въ смятеніе. Что-же это было? Не хитрость и не умъ, а просто то, что каждый, взявшій взятку отъ искателя власти и отъ развратителя Греціи, былъ повсемѣстно ненавидимъ. Страшною вещью было быть уличеннымъ во взяточничествѣ. Самыя строгія наказанія налагались на преступниковъ и для нихъ не существовало ни пощады, ни прощенія. Благопріятныя минуты для дѣйствія, которыя фортуна часто предлагаетъ безпечнымъ противъ бодрствующихъ, бездѣйствующимъ — противъ тѣхъ, которые исполняютъ свою обязанность, не могли быть куплены у ораторовъ или полководцевъ, а также и взаимное согласіе и недовѣріе къ тиранамъ и варварамъ; и ничто подобное. Но теперь всѣ эти правила продаются какъ на открытомъ рынкѣ, вмѣсто ихъ введены такія принципы, которые привели Грецію къ паденію и гибели. Каковы-же онѣ? Зависть къ человѣку сорвавшему взятку; смѣхъ, когда онъ признается въ ней; милость къ уличенному; ненависть къ обнаружившему преступленіе — все это обычные спутники порчи. На сколько дѣло касается кораблей и людей, и доходовъ и обилій всякихъ другихъ матеріаловъ, словомъ всего, что считается основаніемъ національнаго могущества то безъ сомнѣнія греки нашего времени болѣе совершенно снабжены подобными преимуществами, чѣмъ греки прежнихъ временъ. Но всѣ они сдѣлались безполезными неупотребительными, бесплодными по винѣ этихъ продажныхъ душъ».

Вотъ дѣйствительно могучее нападеніе на такой порядокъ вещей, который, какъ мы знаемъ, очень возможенъ и при которомъ испорченность общественныхъ дѣятелей вызываетъ только усмѣшку, и уличенные и обнаруженные считаются едвали заслуживающими упрека и наказанія. Если дѣйствительно все лучшее въ Греціи такъ вполне вымерло, то можно было бы подумать, что Демосѣенъ по-пусту тратилъ свои слова. Но мы можемъ быть убѣждены, что онъ все еще держался прежняго аѳинскаго идеала и не отчаявался въ конецъ въ своей родинѣ. Несомнѣнно, что эта и предшествующая рѣчь произвели свое дѣйствіе и Аѳины рѣшились на усилія, временно увѣнчавшіяся успѣхомъ. «Дѣло спасенія Греціи, — такъ сказалъ онъ имъ, прежде чѣмъ оставить трибуну, — принадлежитъ вамъ. Это преимущество завѣщено вамъ вашими предками, какъ награда за многія опасныя предпріятія.»

Какъ можно было ожидать, находились также люди, старавшіяся убѣдить аѳинянъ, что власть Филиппа значительно преувеличена и что онъ далеко не такъ опасенъ, какъ нѣкогда была Спарта въ то время, когда стояла въ главѣ пелопонезскаго союза. Демосѣенъ указываетъ, что Филиппъ ввелъ дѣйствительно новую методу веденія войны. Аѳины и Спарта, когда находились въ полной силѣ, имѣли подъ своимъ начальствомъ только милицію изъ гражданъ союзныхъ госу-

дарствъ. Подобное войско было приготовлено для лѣтнихъ походовъ, и не могло успѣшно наносить непріятелю одинъ ударъ за другимъ. Филиппъ же, напротивъ того могъ выступить въ походъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ; войско его никогда не распускалось и находилось подъ его одиночнымъ управленіемъ. Въ дѣйствительности онъ былъ для грековъ тѣмъ, чѣмъ былъ Наполеонъ для французовъ: талантливый и дѣятельный деспотъ, во главѣ хорошо обученнаго постоянного войска часто, на время по крайней мѣрѣ, получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ свободнымъ и конституціоннымъ государствомъ.

Въ слѣдующемъ году, 340-мъ до Р. Х., произошли событія, вполне оправдавшія предупрежденіе Демосоеена. Филиппъ сдѣлалъ попытку овладѣть городами на берегу Мраморнаго моря: Перинеомъ и Византіей. Но въ этомъ его остановило поспѣшное вмѣшательство аѣннѣ. Былъ короткій промежутокъ, когда можно было сомнѣваться, приметъ-ли Византія аѣнскую помощь: такъ вполне отчуждился этотъ городъ отъ Аѣннѣ вслѣдствіе междуусобной войны. Демосоеенъ отправился туда во главѣ посольства и результатомъ было заключеніе союза. Вскорѣ затѣмъ, совѣстливый и уважаемый Фокіонъ, хотя и противныхъ политическихъ убѣжденій, чѣмъ Демосоеенъ, отправился туда во главѣ могущественнаго флота и войска изъ аѣнскихъ гражданъ. Благодаря вліянію Леона, одного изъ выдающихся гражданъ

Византіи, бывшаго школьнаго товарища Фокіона по аѣнской академіи, они были впущены въ городъ и очаровали византійцевъ своимъ спокойнымъ и превосходнымъ поведеніемъ. Помощь подоспѣла также отъ нѣкоторыхъ острововъ Эгейскаго моря: Косса, Хіоса, Родоса. Византія сдѣлалась теперь почти неприступною, и Филиппъ былъ принужденъ снять осаду какъ съ нея, такъ и съ Перинеа. Фокіонъ вторгся даже въ его собственныя земли, и завладѣлъ многими македонскими военными кораблями. Для Филиппа это было годомъ неуспѣховъ, а для Аѣннѣ — годомъ побѣдъ и славы. Оба города на Мраморномъ морѣ послали ей благодарственный адресъ, и проявили свою благодарность возведеніемъ трехъ колоссальныхъ статуй, представляющихъ Аѣины получающими изъ ихъ рукъ вѣнокъ въ знакъ признательности за избавленіе. Демосоеенъ также не остался безъ награды. Никто не могъ сомнѣваться, что его совѣтамъ и энергіи Аѣиняне были обязаны въ значительной степени за сохраненіе Херсонеса и своего преобладанія на морѣ; дешевизна и обиліе хлѣба были теперь обезпечены имъ. Аѣинскій народъ находился въ довольномъ и благодарномъ настроеніи духа, и собраніе высказало публично благодарность Демосоеену, чему не могъ противиться никто изъ его политическихъ враговъ.

ГЛАВА XI.

ХЕРОНЕЯ. ПАДЕНІЕ ГРЕЦІИ.

Мы приближаемся теперь быстрыми шагами къ той рѣшительной катастрофѣ, которая довершила судьбу Греціи и ея политической независимости. Вся прежняя слава ея состояла, главнымъ образомъ, въ ея положеніи, какъ совокупности свободныхъ государствъ, изъ которыхъ неизмѣримо выдавались впередъ, по развитію и цивилизаціи, Аѣины; проклятіе-же и язва, подъ которыми это государство изнемогало, заключались, главнымъ образомъ, въ непримиримомъ соперничествѣ и враждѣ, которыя, въ значительной степени, ослабляли общія силы въ присутствіи какой-либо дѣйствительной опасности. Теперь-то наступилъ, наконецъ, кризисъ, котораго, не смотря на всѣ предостереженія Демосое-на, греческій умъ никакъ не хотѣлъ считать возможнымъ. Онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что только могъ, чтобы остановить катастрофу, дѣйствуя среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и мы находимъ его до конца безусловно вѣрнымъ тому дѣлу, въ

успѣхѣ котораго онъ никогда не отчаявался совершенно. Мы находимъ Демосое-на играющимъ значительную роль въ этомъ рядѣ событій, которыя закончились пораженіемъ при Херонеѣ.

Побѣдоносная карьера Филиппа, какъ мы уже видѣли, была на нѣкоторое время пріостановлена, и къ концу 340 года до Рожд. Хр. Аѣины почти что могли поздравить себя съ тѣмъ, что опасность, какъ будто, совершенно миновала. Весною 339 года царя постигла новая неудача. Онъ предпринялъ походъ въ дикія степи Скиѣовъ, къ сѣверу отъ Дуная, и успѣлъ отогнать у разныхъ варварскихъ племенъ огромную добычу, состоящую изъ стадъ рогатаго скота; на своемъ возвратномъ пути черезъ Тракію, Филиппъ подвергся нападенію трибалловъ, самаго воинственнаго и свирѣпаго изъ варварскихъ племенъ, населявшихъ эту опасную мѣстность. Мы знаемъ какъ трудно приходится даже хорошо вооруженной и снабженной всѣмъ необходимымъ арміи проходить сквозь враждебную страну, лишенную путей сообщенія. Филиппъ испыталъ это на самомъ себѣ. Благодаря добычѣ, затруднявшей передвиженіе войскъ, онъ если не былъ совершенно разбитъ, то все-таки потерпѣлъ значительное пораженіе, долженъ былъ оставить добычу и даже самъ лично былъ серьезно раненъ. Такимъ образомъ 339-тый годъ окончился очень счастливо для Аѣинъ и всей Греціи. Одновременно съ этимъ, благодаря энергическимъ усиліямъ Де-

мосеена въ дѣлѣ морской реформы, аѣинскій флотъ сталъ опять первенствующимъ въ Эгейскомъ морѣ.

Къ сожалѣнію, въ это-же время начинается новая священная война, вызванная спорами, касавшимися Дельфъ и обитавшаго тамъ бога. Война началась изъ за причинъ, которыя показались-бы намъ сравнительно ничтожными. Осенью 340 года до Рожд. Хр., въ Дельфахъ собрался совѣтъ амфиктіоновъ, на которомъ представителемъ Аѣинъ явился Эсхинъ. Плодоносная равнина Криссы, которая тянется отъ Коринѣскаго залива до города Амфиссы подъ самый Парнасъ, считалась имуществомъ, посвященнымъ дельфійскому божеству. Равнина эта считалась мѣстомъ священнымъ, и страшныя проклятія тяготѣли надъ тѣмъ, кто бы вздумалъ насадить или обработать ее. Не смотря на это, часть этой равнины, прилежавшей къ городу и гавани Цирры, почти по молчаливому соглашенію всей Греціи, была занята и обрабатываема въ теченіи долгаго времени Локрійцами. Между ними и ѳокидцами существовала давнишняя вражда, достигшая своей крайней степени въ послѣдней священной войнѣ. Въ этой послѣдней локрійцы приняли сторону Филиппа и ѳиванцевъ противъ своихъ святотатственныхъ сосѣдей. Вслѣдствіе этого, послѣ разрушенія ѳокиды, у нихъ осталось крайне враждебное чувство къ Аѣинамъ, которыя приняли сторону ѳокидцевъ. Одинъ изъ представителей ихъ на совѣтѣ чрезвычайно рѣзко выразилъ ихъ чув-

ства по этому поводу, и въ своихъ нападкахъ на аѣинянъ дошелъ до того обвиненія, что союзъ съ подобнымъ народомъ уже самъ по-себѣ составлялъ нѣчто въ родѣ святотатства. Возможно, что ораторъ хотѣлъ этимъ просто подслужиться ѳиванской партіи, тѣмъ болѣе что, лишь весьма недавно аѣиняне, къ великой досадѣ ѳиванцевъ, построили новый придѣлъ въ Дельфахъ и повѣсили въ немъ нѣсколько золотыхъ щитовъ съ надписью, которая увѣковѣчивала побѣду аѣинянъ надъ персами и ѳиванцами при Платеѣ, 150 лѣтъ тому назадъ. Представитель локрійцевъ съ особою любовью остановился на этомъ обвиненіи аѣинянъ, обратившись къ собранію въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «не допускайте,—сказалъ онъ,—даже упоминать имя аѣинскаго народа среди насъ во время этого священнаго торжества; мало того: вамъ-бы слѣдовало изгнать ихъ изъ священнаго мѣста, какъ людей, находящихся подъ опалою божества.»

Аѣинскій представитель на совѣтѣ, Эсхинъ (онъ описалъ самъ это событіе въ своей знаменитой рѣчи противъ Ктезифона или лучше сказать противъ Демосеена), не остался въ долгу отвѣтомъ. Онъ указалъ на равнину Криссы, видимую всѣми зрителями съ мѣста, гдѣ засѣдалъ совѣтъ: «вы видите,—сказалъ онъ,—эту равнину, воздѣлываемую локрійцами изъ Амѣиссы и покрытую ихъ хозяйственными постройками; подъ самыми вашими глазами разстилается гавань Цирры,

посвященная богамъ клятвою вашихъ предковъ, а въ настоящее время занятая и укрѣпленная локрійцами.» Затѣмъ онъ заставилъ прочесть предъ совѣтомъ страшное проклятіе древняго оракула за оскверненіе этихъ мѣстъ. «Я здѣсь,—продолжалъ онъ,—и готовъ защищать собственность боговъ согласно клятвѣ вашихъ предковъ, я принимаю на себя обязанность исполнить долгъ, лежащій на моемъ родномъ городѣ. Подумайте о томъ, что вы дѣлаете! Вы собрались здѣсь умолять о благословеніи боговъ всѣ вообще и каждый въ отдѣльности. У кого-же изъ васъ найдется достаточно храбрости или безстыдства, чтобы вознести подобную мольбу къ богамъ до тѣхъ-поръ, пока вы оставляете безнаказанными этихъ проклятыхъ локрійцевъ изъ Амѣиссы?»

Воззваніе Эсхина произвело чрезвычайно сильное дѣйствіе. Волненіе было такъ велико, что совѣтъ, въ моментъ крайняго увлеченія, постановилъ, чтобы на слѣдующее утро все населеніе Дельфъ собралось съ вилами и лопатами и снесло съ священной равнины всякій слѣдъ безбожнаго воздѣлыванія ея. И въ самомъ дѣлѣ на слѣдующій день, это безумное рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Разсвирѣпѣвшая толпа бросилась чрезъ равнину въ городъ Цирру, разграбила и сожгла его. На возвратномъ пути однако, толпа была встрѣчена вооруженными локрійцами изъ Амѣиссы, и принуждены была поспѣшно спастись въ Дельфы.

Однако, даже при столь сильномъ возбужденіи дѣло обошлось безъ пролитія крови: до такой степени собственники разрушенныхъ мѣстностей были сдерживаемы чувствомъ почтенія къ совѣту амѣиктіоновъ. Мы видимъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ поразительное доказательство того почтенія, которымъ пользовалось дельфійское божество и его старинный храмъ — центръ всей религіозной жизни Греціи. На слѣдующій день на собраніи совѣта высказаны были горячія похвалы Аѣинамъ, какъ мстителямъ за оскорбленныя права Апполона, и заявлено, что жители Амѣиссы совершили святотатство, вслѣдствіе чего было постановлено, что депутаты отъ амѣиктіонова совѣта должны собраться въ скоромъ времени въ Термопилахъ, чтобъ рѣшить о томъ, какое наказаніе должно быть наложено на жителей Амѣиссы за ихъ преступленіе.

Такимъ образомъ 6 лѣтъ послѣ окончанія первой священной войны, въ 346 г. до Рожд. Хр., возгорѣлась опять новая война того-же характера. Въ Аѣинахъ грозившая опасность была не совершенно ясна для всѣхъ. Мы не должны удивляться этому, такъ какъ защита Эхиномъ своего роднаго города на совѣтѣ показала всѣмъ смѣлою и патріотическою. Благодаря ему, Аѣины явились, такъ сказать, бойцомъ за дельфійскаго бога. Ему не трудно было показать, что всѣ придерживавшіеся другаго мнѣнія и сожалѣвшіе о поспѣшномъ шагѣ, принятомъ амѣиктіонами подъ вліяніемъ

Эсхиновой рѣчи, были ничто иное, какъ продажные агенты локрійцевъ, позволившихъ своему оратору нанести публичное оскорбленіе Аѣинамъ. Демосѣенъ, однако, какъ онъ сообщаетъ самъ, немедленно заявилъ въ совѣтѣ: «ты накликаешь войну на Аттику, Эсхинъ, — амѣиктіонскую войну». Популярность, однако, была на сторонѣ Эсхина, что, конечно, должно было быть хорошо извѣстно его политическому противнику. Однако, не смотря на это, Демосѣену удалось — и это можетъ служить намъ доказательствомъ того высокаго уваженія, которымъ онъ пользовался — уговорить гражданъ не посылать депутатовъ на этотъ спеціальнѣй конгрессъ въ Термопилы, на которомъ должно было быть положено наказаніе для локрійцевъ. Между тѣмъ война была объявлена и территорія локрійцевъ занята войсками, и на нихъ наложена пеня, которую, однако, нельзя было вытребовать сейчасъ вслѣдствіе отсутствія достаточнаго количества военныхъ силъ. Собраніе, о которомъ мы только что говорили, не было правильнымъ совѣтомъ амѣиктіоновъ; этотъ послѣдній собрался осенью, 339 г. до Рожд. Хр. Къ этому времени Филиппъ уже вернулся въ свое царство. Совѣтъ засѣдалъ въ Дельфахъ, и, какъ и слѣдовало предполагать, Аѣины тоже были представлены на немъ. Однимъ изъ представителей Аѣинъ былъ снова Эсхинъ. На этомъ именно собраніи былъ сдѣланъ гибельный шагъ — призваніе на помощь Филиппа. Не трудно представить

себѣ, какимъ образомъ дошли до этого рѣшенія. Македонія считалась однимъ изъ членовъ совѣта, равно какъ и нѣкоторыя другія государства, какъ напр. Фессалія и Фтіотида, бывшія на самомъ дѣлѣ вассалами Филиппа македонскаго. Эсхинъ, можетъ быть даже вслѣдствіе покупа, далъ свой голосъ за это рѣшеніе. Согласно этому, Филиппъ былъ избранъ военачальникомъ арміи амѣиктіоновъ и къ нему обратились съ просьбою, «чтобы онъ выступилъ на помощь Апполону и Амѣиктіоновъ и не потерпѣлъ бы, чтобы права боговъ были оскорбляемы нечестивыми локрійцами изъ Амѣиссы.»

Теперь жребій былъ брошенъ. Быть можетъ и теперь еще было-бы возможно отклонить опасность, угрожавшую Греціи, но во всякомъ случаѣ эта опасность была велика и неминуема. И Фивы, и Аѣины, отъ которыхъ все теперь зависѣло, все еще открыто враждовали другъ съ другомъ. Филиппъ, само-собою разумѣется, немедля принялъ приглашеніе совѣта. Онъ могъ теперь войти въ Грецію, какъ представитель священнаго дѣла, во главѣ чрезвычайно могущественнаго войска. Изъ Термопилъ онъ прямо пошелъ чрезъ Фокиду въ Элатею — главный еокидскій городъ и ключъ къ южной Греціи: не болѣе 60 миль отдѣляли его отъ аѣинской границы. Здѣсь онъ остановился и расположился постояннымъ лагеремъ. Это уже само-по-себѣ служило угрожающимъ признакомъ. Слѣдующимъ ша-

гомъ его была отправка посольства въ Фивы, приглашая ихъ содѣйствовать ему въ нападеніи на Аттику.

Демосѳенъ, въ одной изъ своихъ самыхъ знаменитыхъ рѣчей, чрезвычайно живо описываетъ впечатлѣніе, произведенное въ Аѳинахъ извѣстіемъ о томъ, что Филиппъ находится въ Элать.

«Былъ уже вечеръ,—говоритъ онъ,—когда прибылъ вѣстникъ съ извѣстіемъ для предсѣдателей, что Элать взята. Они тотчасъ-же вышли изъ общественной вечерней трапезы. Нѣкоторые сзывали народъ изъ театровъ въ форумъ, другіе посылали за генералами и призывали трубача. Весь городъ пришелъ въ смятеніе. На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, предсѣдатели созвали сенатъ въ зданіе сената и всѣ отправились въ собраніе. Прежде чѣмъ сенатъ могъ приняться за обсужденіе или постановить рѣшеніе, чтобы предложить его вамъ, весь народъ уже усѣлся на свои мѣста въ Пниксъ. Тогда вошелъ сенатъ. Когда предсѣдатели сообщили полученные ими извѣстія, когда вѣстникъ былъ представленъ и передалъ свою повѣсть, — глашатай провозгласилъ: «кто желаетъ говорить?» Но никто не выступилъ впередъ. Опять и опять глашатай повторялъ свое воззваніе. «Голосъ нашей родины призывалъ человѣка способнаго говорить и спасти ее, потому что голосъ глашатая, издаваемый по приказанію закона, долженъ считаться голосомъ нашей общей родины.» Однако, все-таки никто не выступалъ впередъ.

Въ этотъ-то критическій моментъ Демосѳенъ высказалъ свой совѣтъ; онъ заключался въ слѣдующемъ:

«Я сказалъ,—говоритъ онъ,—что испугъ тѣхъ, которые предполагаютъ, что Филиппъ все еще полагается на Фивянъ, происходитъ отъ незнакомства съ истиннымъ положеніемъ вещей. Если-бы дѣло было по истинѣ таково, то мы не изъ Элатьи, а съ нашей собственной границы услышали-бы о Филиппѣ. Что онъ пришелъ для того, чтобы приготовить все для себя въ Фивахъ — это я хорошо зналъ. Но замѣьте, я сказалъ, какъ обстоитъ дѣло. Каждый человѣкъ въ Фивахъ, котораго можно купить деньгами, каждый человѣкъ, котораго можно обольстить лестью, уже давно перешелъ на его сторону. Но онъ ничего не можетъ противъ тѣхъ, которые противустояли ему съ самаго начала и до-сихъ-поръ противятся ему. Что-же привело Филиппа въ Элатью? Онъ надѣется военною демонстраціей въ вашемъ сосѣдствѣ и выставленіемъ своего войска поднять храбрость и довѣріе своихъ друзей и внушить ужасъ своимъ врагамъ для того, чтобы утратить и смутить ихъ на столько, чтобы заставить ихъ выдать ему то, что до-сихъ-поръ они не рѣшались уступить. Если по-этому, я сказалъ, въ этотъ критическій моментъ мы будемъ вспоминать о всемъ злѣ, которое когда-либо нанесли намъ Фивяне, будемъ не довѣрять имъ и смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ, то, во-первыхъ, мы будемъ поступать такъ имен-

но, какъ желаетъ того Филиппъ, а во-вторыхъ, я опасуюсь, что его нынѣшніе враги, перейдя на его сторону, всѣ вмѣстѣ нападутъ на Аттику. Если вы послушаетесь моего совѣта и будете считать мои слова предметомъ для размышленія, а не для спора — я полагаю, что совѣтъ мой получить ваше одобреніе и будетъ средствомъ устранить опасность, которая теперь угрожаетъ государству. Что-же именно я совѣтую вамъ? Во первыхъ, стряхните съ себя эту панику, или лучше сказать, перенесите вашъ страхъ съ самихъ себя на еивянъ, потому что они ближе къ гибели, чѣмъ вы сами: опасность угрожаетъ имъ прежде чѣмъ намъ, а во вторыхъ пусть всѣ ваши граждане, достигшіе возраста военной службы, и вся ваша кавалерія отправятся въ Элевзій и покажутся міру въ полномъ вооруженіи, чтобы еивяне, которые на вашей сторонѣ, могли-бы быть также смѣлы, какъ и ихъ противники, и высказаться за правое дѣло съ увѣренностью, что если въ Элатеѣ стоитъ войско, готовое поддержать партію, продавшую родину Филиппу, то ваши войска также находятся въ распоряженіи тѣхъ, которые желаютъ сражаться за свободу и готовы поддержать ихъ въ случаѣ нападенія. Не дѣлайте никакихъ условій съ еивянами; это было-бы недостойно при подобномъ случаѣ. Просто — объявите вашу готовность поддержать ихъ въ предположеніи, что опасность близка и что вы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ они предугадать будущее. Если они примутъ на-

ше предположеніе и раздѣлятъ наши взгляды, то мы достигнемъ нашей цѣли, будемъ слѣдовать политикѣ, достойной нашего отечества. Если что-либо помѣшаетъ нашимъ планамъ, они должны будутъ обвинять самихъ себя и намъ не придется краснѣть за наше участіе въ этомъ дѣлѣ.»

Таковъ былъ совѣтъ Демосѣена въ этотъ критическій моментъ. Онъ былъ тотчасъ же принятъ всѣмъ собраніемъ безъ одного противнаго голоса. Дѣло на этомъ не остановилось. «Я не только сказалъ рѣчь, — говоритъ Демосѣенъ, — но я предложилъ постановленіе, я не только предложилъ постановленіе, но взялъ на себя посольство; я не только отправился съ этимъ посольствомъ, но я убѣдилъ еивянъ.» Въ Фивахъ оратору пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ посланными Филиппа, поддерживаемыми партіей Филиппа и старою враждою еивянъ къ Аѣинамъ. Каждое посольство было выслушано въ свою очередь сообразно греческому обычаю предъ еивскимъ собраніемъ. Филиппъ имѣлъ краснорѣчивыхъ адвокатовъ, представлявшихъ убѣдительныя причины, почему ему слѣдуетъ позволить пройти чрезъ Беотію и унижить стараго врага Фивъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ отвѣтъ Демосѣена. Мы знаемъ, однако, отъ историка этого времени Теопомпа, что онъ всталъ при этомъ случаѣ и убѣдилъ колеблющихся еивянъ убѣдительнымъ воззваніемъ къ патріотическому чувству грековъ, что ихъ

обязанность и интересъ принять предлагаемый имъ союзъ. Это было общимъ триумфомъ, и притомъ триумфомъ, достигнутымъ съ большимъ трудомъ.

Дѣйствительно, Демосеенъ могъ гордиться, видя войско своей родной страны переходящимъ чрезъ границу Аттики и входящимъ въ Беотию по приглашенію еивянъ. Всякое недовѣріе и соревнованіе теперь прекратились, и оба государства, между которыми такъ долго поддерживалось ожесточенное соперничество наконецъ рѣшились дѣйствовать за одно въ общемъ дѣлѣ. Также, какъ было прежде въ Византіи, такъ было теперь и въ Фивахъ: аѳинскіе солдаты были встрѣчены съ сердечнымъ привѣтомъ и гостепріимно размѣщены по различнымъ домамъ города.

«Съ такимъ радушіемъ, — говоритъ Демосеенъ въ своей рѣчи, — привѣтствовали они васъ, что въ то время, какъ ихъ собственная пѣхота и кавалерія были размѣщены внѣ стѣнъ, они приняли ваше войско въ самомъ городѣ, въ ихъ собственныхъ домахъ, среди своихъ женъ и всего что у нихъ было самага драгоценнаго. Въ этотъ день Фивяне оказали вамъ, въ виду всего міра, три высшихъ почести: во 1-хъ, за вашу честь, во 2-хъ, за вашу справедливость, и въ 3-хъ, за ваше хорошее поведеніе, потому что рѣшившись сражаться лучше съ вами, чѣмъ противъ васъ, они разсудили, что вы хорошіе воины и сражаетесь за болѣе правое дѣло, чѣмъ Филиппъ и довѣривъ вамъ то,

что они вмѣстѣ съ остальнымъ человѣчествомъ охраняютъ самую ревностною бдительностью, своихъ дѣтей и своихъ женъ, они проявили свое довѣріе въ ваше хорошее поведеніе. Результатъ показалъ, что и довѣріе было хорошо основано, потому что послѣ того какъ войско вступило въ городъ, ни одна жалоба ни основательная, ни неосновательная, не раздалась противъ васъ: такъ порядочно было ваше поведеніе, и когда солдаты ваши стояли бокъ-о-бокъ съ своими хозяевами въ двухъ послѣдовательныхъ стычкахъ, ихъ дисциплина, ихъ вооруженіе, ихъ храбрость были таковы, что не только разбивали критику, но вызывали общее восхищеніе.»

Двѣ небольшія побѣды дѣйствительно были одержаны соединенными силами Фивъ и Аѳинъ. О походѣ мы не имѣемъ подробнаго разсказа, и до насъ дошло только очень несовершенное и неудовлетворительное описаніе конечнаго сраженія. Было-бы въ высшей степени интересно имѣть такой-же подробный разсказъ о немъ, какъ тотъ, который Ксенофонтъ даетъ намъ о Левктрѣ и Мантинѣ. Сраженіе это происходило вблизи Хероней, у самой границы Фокиды, у довольно незначительнаго города, важнаго только по связаннымъ съ нимъ историческимъ воспоминаніямъ. Болѣе 2-хъ столѣтій спустя была одержана здѣсь великая побѣда Суллою надъ войскомъ Митридата. Городъ этотъ былъ также мѣстомъ рожденія Плутарха и сюда онъ удалился изъ Рима на

старости лѣтъ. Въ этомъ случаѣ, какъ кажется, оба войска приблизительно равнялись по численности, но въ греческомъ войскѣ не доставало талантливаго полководца. Фокіонъ, самый лучший изъ аѳинскихъ военныхъ офицеровъ, отсутствовалъ съ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ. Первокласный военный начальникъ, напр. человекъ въ родѣ Эпаминонда, могъ бы повернуть вѣсы, и безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы это, если-бы имѣлъ на своей сторонѣ значительную помощь изъ Спарты и изъ Пеллопонеза. Очень вѣроятно, что соединенная Греція и теперь еще могла-бы подавить Филиппа; на самомъ-же дѣлѣ можно сказать, что все зависѣло отъ Аѳинъ и Фивъ, хотя нѣкоторые другія государства и доставили нѣсколько солдатъ. Македонское войско не только находилось подъ талантливой командой, но и было весьма могуче само-по-себѣ. Имъ предводительствовали самъ Филиппъ, молодой сынъ Александръ, и какъ кажется этому послѣднему главнымъ образомъ досталась побѣда. Ему противустояла ѳивская фаланга, «священный союзъ,» какъ ее называли, которая вся легла на полѣ битвы до послѣдняго человека. Но несомнѣнно, что сраженіе велось крайне ожесточенно, и почти также вѣрно, что исходъ его былъ рѣшенъ превосходствомъ военного начальства. Аѳиняне, по своей привычкѣ, бросились на непріятеля съ бѣшеною яростью. Но милиція изъ гражданъ, какъ ни храбра и какъ ни воодушевлена она, если только не побѣдитъ съ перваго

раза, врядъ ли можетъ удерживаться противъ такихъ войскъ, какъ хорошо обученные ветераны Филиппа. По одному разсказу, они сначала обратили непріятеля въ бѣгство, и начальникъ ихъ воскликнулъ: «будемъ преслѣдовать ихъ до самой Македоніи.» Но окончательнымъ результатомъ было полное пораженіе греческаго войска, и 338-ой годъ до Р. Х. былъ свидѣтелемъ паденія греческой независимости.

Для Фивъ результатъ равнялся немедленной гибели. Цитадель ихъ была занята македонскимъ гарнизономъ, и правленіе поступило подъ македонское вліяніе. Аѳины, тысяча гражданъ которыхъ пало на полѣ битвы, а 2000 были взяты въ плѣнъ, находились въ страшномъ горѣ. Но они все таки еще не приходили въ отчаяніе. Исократъ, который все еще жилъ, хотя ему было уже 99 лѣтъ, не смотря на то, что былъ политическимъ противникомъ Демосѳена и питалъ мечту о соединенной Греціи подъ предводительствомъ македонскаго царя, пришелъ въ отчаяніе и не желалъ жить дольше; онъ былъ истиннымъ патріотомъ, и позорная побѣда въ Херонеѣ, гибельная для свободы, убила краснорѣчиваго старца.

Демосѳенъ сражался въ рядахъ своихъ соотечественниковъ, и бѣжалъ вмѣстѣ съ остальными. Но хотя враги и упрекали его въ трусости, ему досталась однако честь произнести надгробную рѣчь надъ павшими. Его совѣтовъ послушались, и хотя результатъ

былъ плачевный, тѣмъ не менѣе онъ все еще, очевидно, пользовался довѣріемъ и уваженіемъ народа. Аѣины возвратили своихъ плѣнныхъ гражданъ безъ выкупа, такъ какъ побѣдитель счелъ нужнымъ показать великодушіе; но дѣло, за которое они сражались, принадлежало теперь прошлому. Демосѣенъ послѣ Хероней чувствовалъ, вѣроятно, то-же, что Питтъ послѣ Аустерлица, когда онъ закрылъ карту Европы. Усилія его были вознаграждены благодарностью его соотечественниковъ, но они не увѣнчались успѣхомъ.

ГЛАВА XII.

СОСТЯЗАНІЕ МЕЖДУ ДЕМОСѢЕНОМЪ И ЭСХИНОМЪ.

Филиппъ сдѣлался теперь признанною главою греческаго міра. Фокіонъ, лучший изъ аѣинскихъ воиновъ и въ тоже время доблестный гражданинъ, объявилъ аѣинянамъ, что они должны признать этотъ результатъ. Демосѣену не оставалось сказать ни слова насчетъ внѣшней политики: сюжетъ этотъ въ дѣйствительности былъ исчерпанъ. Онъ постоянно подвергался ожесточеннымъ нападкамъ своихъ политическихъ противниковъ, но все еще былъ слишкомъ силенъ для нихъ. Онъ произнесъ надгробную рѣчь при похоронахъ убитыхъ во время великаго сраженія — честь, которая досталась ему предпочтительно предъ Эсхиномъ и Демадомъ, который велъ переговоры о мирѣ. Онъ исправлялъ также не одну важную общественную должность. Онъ былъ казначеемъ еѣорическаго фонда, доставлявшаго Аѣинамъ ихъ драматическія представленія, и эта должность давала ему значительное вліяніе на финансы вообще. Онъ былъ также надсмотрщикомъ надъ город-

скими стѣнами и укрѣпленіями. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ пользоваться репутаціей талантливаго и честнаго дѣловаго человѣка. Онъ продолжалъ также дѣйствовать въ судѣ и не имѣлъ недостатка въ занятіяхъ.

Въ 336-хъ году до Р. Х. Филиппъ погибъ отъ руки убійцы. Какъ кажется, Демосѣенъ, хотя и оплакивалъ въ это время смерть единственной дочери, высказалъ чрезмѣрную радость, являсь въ публикѣ въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, и принесъ торжественную благодарственную жертву. Возможно, что онъ предавался мечтѣ, что теперь все измѣнится, и что Греція снова станетъ свободною. Конечно, Македонія послѣ своего внезапнаго возвышенія, снова могла-бы впасть въ ничтожество, если-бы сынъ Филиппа оказался простякомъ. Демосѣенъ, повидимому, былъ невысокаго мнѣнія о молодомъ Александрѣ. Онъ сравнивалъ его съ Маргитомъ, героемъ комической поэмы, приписываемой преданіемъ Гомеру. Маргитъ былъ человѣкомъ, «который зналъ много вещей, но всѣ ихъ зналъ скверно.» Александръ былъ знаменитъ за разнообразіе своихъ занятій и талантовъ, и это, вѣроятно, навлекло на него подобное сужденіе. Демосѣенъ считалъ его за прилежнаго, углубленнаго въ свои книги юношу, о которомъ свѣтъ никогда много не услышитъ. Тотъ фактъ, что ему было всего 20 лѣтъ во время смерти его отца, справедливо могъ поддержать Демосѣена въ

надеждѣ, что Греція представляется теперь нѣкоторые шансы сбросить съ себя иго, наложенное на нее пораженіемъ при Херонѣ. Онъ не считалъ дурнымъ войти въ сношеніе съ Персіей и воспользоваться персидскимъ золотомъ съ цѣлью помѣшать замысламъ Филиппа въ Азіи. Едва-ли мы можемъ винить его за это, если вспомнимъ, что это дѣлалось съ патриотическою цѣлью освободить Грецію отъ ея теперешняго положенія — македонской зависимости. Если онъ пользовался сомнительными средствами, то во всякомъ случаѣ за нимъ остается то достоинство, что онъ оставался вѣренъ старому дѣлу. Но само собою разумѣется для его враговъ было легко представить его поведеніе въ отвратительномъ свѣтѣ.

Три года послѣ Херонеи Александръ послѣ успѣшнаго похода во Фракію и послѣ побѣды надъ варварскими и воинственными геттами на отдаленныхъ берегахъ Дуная, съ замѣчательною поспѣшностью явился въ Фивы, чтобы подавить вспыхнувшее тамъ возстаніе. Городъ этотъ, какъ мы видѣли, былъ занятъ македонскимъ гарнизономъ. Тамъ существовала также сильная политическая партія, требовавшая немедленной покорности. Александръ самъ не очень желалъ довести дѣло до крайности. Но партія, поднявшая движеніе, знала, что ей нечего ждать пощады, и воззваніемъ къ греческой свободѣ убѣдила народъ отклонить всѣ предложенія мира. Несчастный городъ былъ взятъ присту-

помъ, и каждый домъ, исключая принадлежавшаго поэту Пиндару и его потомкамъ, былъ срытъ до основанія.

Это было страшнымъ наказаніемъ. Но оно встрѣтило одобреніе остальныхъ городовъ Беотіи, и если-бы не короткій промежутокъ величія, котораго достигли Фивы при Эпаминондѣ и не ихъ участіе въ сраженіи при Херонеѣ, то мы почти могли-бы сказать, что онъ былъ заслуженъ. Фивы оказались измѣнниками общему дѣлу въ великой борьбѣ съ Персіей, и впоследствии, съ замѣчательною низостью подговорили Спарту къ хладнокровной рѣзнѣ храбрыхъ платейцевъ, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они держались стороны Аѣинъ во время Пелопонезской войны. Фивы теперь перестали существовать. Аѣинамъ снова приходилось трепетать. Хотя отъ Александра можно было ожидать великодушія, но невозможно было предвидѣть, какъ поступитъ онъ съ городомъ, который постоянно относился такъ враждебно къ его отцу. По предложенію Демада, къ нему было отправлено посольство съ поздравленіемъ. Народъ долженъ былъ выразить радость не только о его безопасномъ возвращеніи съ Дуная, но и о разрушеніи Фивъ. Какъ замѣчаютъ нѣкоторые критики, это было безстыднымъ искательствомъ. Александръ отвѣтилъ на это требованіемъ выдачи ему 9 главныхъ ораторовъ, противныхъ Македоніи, въ числѣ которыхъ, само собою разумѣется, находился и

Демосѣенъ. Но требованіе это было взято имъ назадъ, главнымъ образомъ, какъ кажется, благодаря своевременному вмѣшательству Фокіона, котораго Александръ глубоко уважалъ.

Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ чрезъ Геллеспонтъ въ Азію. Четыре года съ этого времени были для него достаточны для разрушенія Персидской имперіи. Дарій, послѣдній царь персовъ, былъ умерщвленъ въ 330 г. до Р. Х. Этотъ самый годъ былъ свидѣтелемъ неудавшейся попытки Греціи свергнуть македонское преобладаніе. Во главѣ возставшихъ храбро сталъ царь Спарты, павшій въ жаркомъ сраженіи при Мегалополѣ съ Антипатромъ, которому Александръ вручилъ свое царство на время своего отсутствія. Греція теперь даже не могла и мечтать о независимости. Всякая политика, противная Македоніи, была немыслима, и теперь то представлялся случай въ Аѣинахъ попытаться поднять народное чувство противъ всякаго государственнаго мужа, поддерживавшаго подобную политику, результатъ которой былъ гибель для Греціи.

При подобныхъ обстоятельствахъ Эсхинъ сдѣлалъ отчаянную попытку подавить своего стараго врага. Годъ послѣ Херонеи было предложено Ктезиономъ выказать народную признательность Демосѣену поднесеніемъ ему золотого вѣнка, и эта почестъ должна была достаться ему при случаѣ большаго драматическаго празднества, когда городъ былъ наполненъ

посѣтителами со всѣхъ частей Греціи. Предложеніе это было одобрено аѳинскимъ сенатомъ, но надо было еще отдать его на обсужденіе народнаго собранія. Эсхинъ въ это время объявилъ его несогласнымъ съ конституціей и противился ему однимъ изъ признанныхъ способовъ легальной процедуры. Технически говоря, предложеніе Ктезиона дѣйствительно было незаконно. Демосѳенъ, какъ мы уже сказали, исполнялъ двѣ должности; онъ былъ надсмотрщикомъ надъ укрѣпленіями и казначеемъ оеорического фонда. Было противно аѳинскимъ законамъ присуждать награду изъ вѣнковъ какому-либо чиновнику прежде, чѣмъ онъ сдалъ свои счеты. Было также запрещено, чтобы подобныя почести провозглашались гдѣ-либо кромѣ Пника — постояннаго мѣста народныхъ собраній. По предложенію же Ктезиона ее слѣдовало теперь провозгласить въ театрѣ. Эсхинъ поэтому могъ указать на эти два пункта, какъ на законные. Но онъ желалъ одержать рѣшительную побѣду и поэтому терпѣливо ждалъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ основалъ свою жалобу на томъ доводѣ, что Демосѳенъ, какъ общественный дѣятель, недостойнъ подобной чести; это именно придаетъ интересъ его странной рѣчи. Онъ старался убѣдить аѳинянъ, что его соперникъ не могъ быть вполне искрененъ въ своей ненависти къ Македоніи, потому что пропустилъ три важныхъ случая повредить ей. Демосѳенъ ничего не сдѣлалъ, говорилъ онъ, когда Александръ впервые перешелъ

въ Азію или когда онъ, какъ предполагали, находился въ очень затруднительномъ положеніи передъ битвою при Иссъ, въ 333-мъ году до Р. Х., или наконецъ, когда Спарта, какъ сказано, сдѣлала попытку къ сопротивленію. Въ самый годъ этой неудачной попытки, 330 г. до Р. Х., когда Македонія была побѣдительницею какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, этотъ замѣчательный споръ между двумя соперниками-ораторами слушался предъ аѳинскимъ собраніемъ. Какъ можно было ожидать, это дѣло привлекло большое множество какъ гражданъ, такъ и иностранцевъ, изъ которыхъ многіе могли быть хорошими судьями въ этомъ великомъ спорѣ.

Въ дѣйствительности вопросъ сводился на то, и такъ стремился поставить его Эсхинъ: былъ-ли Демосѳенъ хорошимъ или дурнымъ гражданиномъ, всегда-ли искренно и честно держался онъ того дѣла, которому былъ такъ приверженъ на словахъ? Отвѣтъ Демосѳена есть оправданіе всей его политической жизни; дѣло, за которое онъ ратовалъ, хотя и не увѣнчалось успѣхомъ, но, какъ онъ утверждалъ, всегда было правое и великое дѣло. Хотя-бы онъ съ самаго начала могъ предвидѣть конецъ, онъ все-таки не говорилъ-бы и не дѣйствовалъ иначе. Онъ окидываетъ взглядомъ всю свою политику съ мира 346 г. до Р. Хр., заключеннаго послѣ разрушенія Филиппомъ Фокиды, до самой смерти царя, 10 лѣтъ спустя. На всѣ свои поступки въ это время онъ смотритъ съ гор-

достью и одобреніемъ. Защищая себя, онъ нападаетъ на своего противника и обвиняетъ его, какъ настоящаго виновника всѣхъ бѣдствій, постигшихъ греческій міръ. Дипломатія Эсхина, говоритъ онъ, открыла Филиппу входъ въ Термопилы, что послужило началомъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій. Если ужасно было думать о Греціи подъ игомъ чужеземнаго правителя, все-таки было славнымъ фактомъ, что Аѣины до конца пытались устранить подобный позоръ.

Таково значеніе и цѣль великой рѣчи Демосоена. Историкъ Гротъ мѣтко называетъ ее надгробною рѣчью надъ погибшею аѣинскою и греческою свободою. «Она дышетъ, — говоритъ д-ръ Тирльуоль, — духомъ той высокой философіи, которая все равно, учится-ли она въ школахъ или прямо изъ жизни, всегда утѣшала благороднѣйшихъ представителей нашего рода въ тюрьмахъ и на эшафотахъ, во время всякихъ преслѣдованій и ударовъ судьбы, и сказана она такимъ тономъ, что не можетъ не возбуждать въ толпѣ подобныя чувства и возвышаетъ ее надъ обыденною сферою.»

Нѣсколько отрывковъ изъ этой рѣчи были уже приведены нами въ предыдущей главѣ, но мы обязаны привести читателю еще нѣсколько другихъ цитатъ изъ этаго, быть можетъ величайшаго изъ всѣхъ ораторскихъ твореній Демосоена. Въ слѣдующемъ отрывкѣ ораторъ описываетъ великодушный и самопожертвованный нравъ своихъ соотечественниковъ въ ихъ лучшія времена:

«Позвольте мнѣ на минуту воскресить предъ вашими глазами одно или два изъ самыхъ свѣтлыхъ мѣстъ въ исторіи нашего времени, когда Лакедемонія преобладала на сушѣ и на морѣ. Она имѣла поясъ гарнизоновъ на границахъ нашихъ владѣній, Эвбойя, Танагра, вся Беотія, Мегара, Клеона и каждый изъ прибрежныхъ острововъ. У насъ не было ни кораблей, ни стѣнъ, и у насъ не было недостатка (стоитъ только вспомнить дикилійскую войну) въ причинахъ ненависти какъ къ Коринѣу, такъ и къ Оивамъ и тѣмъ не менѣе аѣинское войско появилось въ Халіартѣ, а нѣсколько дней спустя въ Коринѣѣ. Тогда вы были заняты лучшимъ дѣломъ чѣмъ вспоминать прежнія обиды....

«Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ жертва была принесена не для благодѣтеля и не безъ риска для васъ самихъ. Вы не считали это достаточною причиною, чтобы предоставить ихъ судьбѣ людей, обратившихся къ вашему состраданію. Честь и слава были достаточною стимуломъ, чтобы вести васъ на опасность, и кто скажетъ, что вы были неправы? Жизнь должна прекратиться; смерть должна придти въ свое время, хотя-бы мы и забрались въ погребъ, чтобы избѣжать ея. Храбрые всегда готовы выступить на дорогу славы, вооруженные высокою надеждою и смѣлостью и готовые безропотно принять судьбу, которую пошлетъ имъ небо. Такъ поступали ваши праотцы, такъ поступали и старшіе между вами самими. Вы вмѣшались и раз-

рушили замыслы Оивянъ (послѣ ихъ побѣды при Левктрѣ), разрушить Спарту, хотя отъ Спарты вы не испытали ни дружбы, ни добрыхъ услугъ, но много горькихъ обидъ. Вы не устрашились славы и вліянія, которыми тогда пользовались Оивы, и васъ не остановила мысль о прошломъ обращеніи съ вами Спарты. Такимъ образомъ вы показали всѣмъ грекамъ, что какъ ни обидитъ васъ кто-либо изъ нихъ, вы сохраняете ваше мщеніе для другихъ случаевъ; но если опасность угрожаетъ ихъ существованію и ихъ свободѣ, вы не принимаете его въ соображеніе, вы даже не хотите помнить о бывшихъ обидахъ.»

Далѣе идетъ его отвѣтъ всѣмъ, которые продолжаютъ утверждать, что Филиппъ — одинъ Филиппъ — виновенъ во всѣхъ ихъ бѣдствіяхъ:

«Не повторяйте всюду, что Греція обязана всѣми своими нечастіями одному человѣку. Нѣтъ, не одному человѣку, но многимъ зловреднымъ людямъ, распределеннымъ между различными городами, къ числу которыхъ, клянусь небомъ и землей, принадлежитъ Эсхинъ. Если высказывать всю правду безъ ограниченій, то я не могу колебаться, чтобы назвать его общимъ бичемъ всѣхъ людей, всѣхъ областей, всѣхъ городовъ, которые погибли потому, что сѣятель отвѣтственъ за жатву. Я удивляюсь, что вы не отвернули отъ него вашего лица въ ту самую минуту, когда вы видѣли его; но густой мракъ, повидимому, затемняетъ ваши очи.»

Онъ утверждаетъ, что дѣйствія государства были правильны и славны, хотя они не достигли своей цѣли:

«Я утверждаю, что если-бы будущее было очевидно для насъ всѣхъ, если-бы ты, Эсхинъ, предсказалъ его и объявилъ его громкимъ голосомъ, вмѣсто того, чтобы сохранять полное молчаніе, — тѣмъ не менѣе государство не должно было-бы уклоняться отъ своего пути, если заботилось о своей собственной чести, о преданіяхъ прошлаго и судѣ потомства. Какъ дѣла сложились можно сказать, что оно потерпѣло пораженіе въ своей политикѣ — общая судьба всего человѣческаго, если такова воля неба. Но если-бы, при его притязаніи быть первымъ государствомъ Греціи, оно покинуло свой постъ, то навлекло-бы на себя упрекъ, что выдало Грецію Филиппу. Если-бы безъ борьбы отказались отъ всего, для достиженія чего наши праотцы подвергались всевозможнымъ опасностямъ, то кто-бы не презиралъ тебя, Эсхинъ? Да не дозволить мнѣ Богъ говорить о государствахъ, какъ о самомъ себѣ. Какъ могли-бы мы взглянуть въ лицо иностранцамъ, толпящимся въ нашихъ городахъ, если-бы дѣла пришли въ теперешнее положеніе — Филиппъ избранный предводитель и господинъ надъ всѣмъ, — тогда какъ другіе безъ нашей помощи вели-бы борьбу, чтобы предотвратить совершившееся? Мы, которые въ прежнія времена никогда не предпочитали безславное спокойствіе опасностямъ на дорогѣ къ славѣ. Есть-ли хотя одинъ грекъ или вар-

варъ, который не знаетъ, что *Θивы* на высотѣ своего величія и *Спарта* передъ ними—даже самъ царь *Персіи*—были-бы рады войти съ нами въ сдѣлку, и мы могли-бы имѣть то, чего желаемъ и спокойно пользоваться нашимъ добромъ, если-бы мы пожелали подчиниться чужимъ приказаніямъ и позволить другому стать во главѣ *Греціи*? Но это было невозможно. Это было вещью, которую *аѳиняне* того времени не могли сдѣлать, это было противъ ихъ природы, противъ ихъ генія, противъ ихъ преданій, и никакія человѣческія убѣжденія не могли увлечь ихъ стать на сторону злодѣя, потому что онъ могучъ, и избрать покорность, потому то она безопасна. Нѣтъ, до послѣдняго наша родина сражалась и ставила себя въ затруднительное положеніе изъ за чести, изъ за славы, изъ за преобладанія. Благородный выборъ, гармонирующій съ нашимъ національнымъ характеромъ, какъ вы сами указываете вашимъ уваженіемъ къ памяти вашихъ предковъ, которые поступали такимъ образомъ. И вы правы, потому что кто можетъ удержаться отъ восхищенія къ героизму такихъ людей, которые не колебались оставить свой городъ и свое отечество и сѣсть на военный карабль лучше чѣмъ подчиниться чужому господству? Почему *Θемистоклъ*, посовѣтовавшій этотъ шагъ, былъ избранъ военнымъ начальникомъ и почему чело-вѣкъ совѣтывавшій покорность, былъ побитъ камнями, и не только онъ, но и жена его была побита камнями

ми вашими женами, какъ онъ вами. *Аѳиняне* тѣхъ временъ не искали оратора или полководца, который доставилъ-бы имъ благополучное рабство, но они презирали самую жизнь, если она не была жизнью свободы. Каждый изъ нихъ считалъ себя сыномъ не только своего отца и своей матери, но и своей родины. Какое-же въ этомъ различіе? Тотъ, кто считаетъ себя только сыномъ своихъ родителей, ожидаетъ смерти въ обычномъ ходѣ природы, тогда какъ тотъ, кто считаетъ себя также сыномъ своей родины, будетъ готовъ положить свою жизнь лучше, чѣмъ видѣть ее поработенною, и будетъ считать самую смерть менѣе страшною, чѣмъ обиды и униженія, которыя должны сносить граждане государства, поработеннаго чужеземцами....»

«Приписываю-ли я себя честь, что я воодушевилъ васъ чувствами, достойными вашихъ предковъ? Подобное сомнѣніе навлекло-бы на меня справедливый упрекъ каждаго чело-вѣка, слушающаго меня. Я утверждаю, что эти самыя чувства ваши собственныя, что духъ *Аѳинъ* былъ тотъ же до моего времени—хотя я и не имѣю притязанія, что участвовалъ въ предложеніи этихъ правилъ въ каждомъ послѣдовательномъ кризисѣ. *Эсхинъ* поэтому, когда онъ обвиняетъ всю нашу политику и старается возбудить васъ противъ меня, какъ противъ виновника всѣхъ вашихъ бѣдствій и страховъ, въ своемъ желаніи лишить меня моего

теперешняго довѣрія въ дѣйствительности старается отнять у васъ вашу вѣковѣчную славу. Если подавши голосъ противъ Ктезиона, вы обвините мою политику, вы сами признаете, что были неправы, а не только пострадали отъ постигшаго васъ, чрезъ жестокую несправедливость судьбы, бѣдствія. Но это не можетъ быть такъ, вы не были неправы, граждане Аѳинъ, сражаясь за свободу и спасеніе всѣхъ. Я клянусь вамъ въ этомъ вашими предками, сражавшимися при Марафонѣ, тѣми, которые держали оружіе при Платей, тѣми, которые сражались въ морской битвѣ при Саламинѣ, героями Артемизія и многими другими, гробницы которыхъ въ нашихъ національныхъ памятникахъ свидѣлствуютъ, что также какъ наше отечество погребало, такъ оно и чествовало равно всѣхъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Оно было право, потому что то, что могли сдѣлать храбрые люди, то всѣ дѣлали, хотя высшая сила и распоряжалась ихъ судьбой.»

Это мѣсто быть можетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ изъ многихъ поразительныхъ мѣстъ этой великой рѣчи. Демосѳенъ увлекъ своихъ слушателей и сопернику досталось не болѣе $\frac{1}{5}$ части всѣхъ голосовъ. Его положеніе, какъ оратора и государственнаго мужа, было разрушено. Весь греческій міръ былъ свидѣтелемъ его пораженія. Въ своей досадѣ онъ покинулъ родной городъ для Родоса, гдѣ основалъ школу риторики. Рассказываютъ, что онъ однажды произнесъ своимъ уче-

никамъ ту самую рѣчь, которая принудила его къ изгнанію, и въ отвѣтъ на то одобреніе, которымъ она была встрѣчена, воскликнулъ: «что бы вы ска-зали, еслибы слышали какъ само животное произносило ее.»

ГЛАВА XIII.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ДЕМОСѢЕНА.

ДемосѢенъ одержалъ великую побѣду, которую пережилъ всего 8 лѣтъ. Но это не были безоблачные годы: они были затемнены несчастнымъ случаемъ, который мы теперь перескажемъ вкратцѣ.

Съ 330 по 324 г. до Р. Хр. мы ничего не слышимъ о великомъ ораторѣ. Аѣины въ дѣйствительности не имѣли больше политики, достойной его обсужденія. Ему не оставалось другаго дѣла, какъ давать совѣты частнымъ кліентамъ. Въ 324 г. Александръ вернулся изъ продолжительнаго похода, въ которомъ перенесъ свое оружіе чрезъ самое сердце Азіи къ берегамъ Инда. Онъ оставилъ въ свое мѣсто одного изъ своихъ старыхъ македонскихъ товарищей, съ которымъ дѣлилъ прежде управленіе богатой сатрапіей Вавилоніи. Харпаль (такъ назывался этотъ человѣкъ) отличался жадностью и мотовствомъ и тратилъ всѣ средства провинціи на роскошь, къ которой привыкъ въ теченіи своего пребыванія на востокѣ. Говорили, что онъ нагружалъ свой столъ са-

мыми цѣнными яствами и наполнялъ свои сады самыми рѣдкими и разнообразными растеніями. Онъ считалъ полезнымъ задобрить аѣинскій народъ роскошными подарками и въ особенности щедрыми дарами пшеницы для распредѣленія между всѣми. За все это ему была высказана публично благодарность и онъ былъ избранъ аѣинскимъ гражданиномъ. Онъ опасался однако предстать предъ лицо Александра, который, какъ онъ зналъ, не давалъ пощады виновнымъ сатрапамъ. Поэтому онъ бѣжалъ изъ Азіи въ Европу съ громаднымъ богатствомъ въ 5000 талантовъ (около 10 милліоновъ рублей на наши деньги), и присталъ къ мысу Суніону въ Атикѣ. Онъ съ нѣкоторымъ основаніемъ могъ льстить себя надеждою, что не будетъ непрощенымъ гостемъ въ Аѣинахъ, но въ этомъ долженъ былъ разочароваться. Тамъ всѣ боялись гнѣва Александра, и къ этому присоединялся еще страхъ, что Харпаль можетъ питать намѣреніе завладѣть положеніемъ тирана или деспота. Его предложенія, какія-бы они не были, были отклонены. Но въ собраніи возникъ по этому поводу споръ, и до Александра дошелъ слухъ, что Аѣины приняли его съ его войскомъ. Въ то время это было несправедливо. Но когда онъ услалъ свои корабли и попросилъ позволенія войти въ городъ лишь съ небольшимъ числомъ личныхъ приближенныхъ, то народъ, вспоминая его прежніе дары, не могъ отказать ему въ этомъ. Достигнувъ этого, онъ старался убѣдить

ихъ, что они могутъ помѣяться съ Александромъ съ надеждою на успѣхъ, и что онъ самъ готовъ снабдить ихъ необходимыми средствами. Нѣкоторые изъ ораторовъ поддерживали его взгляды, но онъ не могъ повліять на Фокіона и Демосеена. Это было пагубно для его намѣреній. Вскорѣ явились посланные отъ Антипатра, представителя Александра въ Македоніи, съ требованіемъ его выдачи. Но этому воспротивились какъ Фокіонъ, такъ и Демосеенъ, не смотря на опасность этого кризиса. Народъ однако пришелъ въ такой страхъ при мысли о вѣроятномъ мщеніи Александра, что рѣшился арестовать Харпала и овладѣть его сокровищами, пока не узнаютъ, какъ взглянетъ Александръ на это дѣло, и въ этомъ рѣшеніи поддерживалъ ихъ самъ Демосеенъ. Очень возможно, какъ думаютъ нѣкоторые, что Демосеенъ предложилъ подобный образъ дѣйствій съ заднею мыслью, и быть можетъ желалъ удержать Харпала и его сокровища, выжидая хода событій. Харпалу удалось бѣжать, но сокровища его, по крайней мѣрѣ та часть ихъ которую онъ привезъ въ Аѣны послѣ распушенія своего флота и которая по показаніямъ Демосеена равнялась 720 талантамъ, остались позади. Само собою разумѣется, что ихъ слѣдовало возвратить, и народъ, какъ, кажется готовъ былъ сдѣлать это, но когда сосчитали деньги, то на лицо оказалось всего 350 талантовъ, т. е. едва половина первоначальной суммы. Чѣмъ было объяснить

этотъ недостатокъ? Поднялся общій шумъ и крикъ. Народъ говорилъ, что деньги должно быть были употреблены на взятки, и что недостающія деньги должны были прилипнуть къ пальцамъ ораторовъ и политическихъ дѣятелей. Всѣ чувствовали, что кто-то долженъ былъ быть наказанъ, но ни противъ кого не было явныхъ уликъ и не было средствъ добыть ихъ.

Демосеенъ предложилъ изслѣдовать это дѣло судомъ ареопага. Не легко было указать на какой-либо лучший образъ дѣйствія. Въ то-же время члены этого суда должны были чувствовать, что при существующихъ обстоятельствахъ они врядъ-ли могутъ надѣяться на вполне удовлетворительный результатъ. Безъ сомнѣнія, они пользовались общественнымъ довѣріемъ, такъ какъ всѣ были людьми пожилыми и опытными; положеніе ихъ ставило ихъ надъ тѣми соображеніями, которыя часто вліяли на другіе суды. Имъ вручена была значительная власть, и на практикѣ они часто рѣшали дѣла не только по явнымъ уликамъ, но и по наслышкѣ и на основаніи тѣхъ личныхъ знаній, которыхъ люди въ ихъ положеніи не могли не имѣть. Они посвятили весь свой трудъ для изслѣдованія настоящего дѣла и были заняты имъ въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ. Они пошли такъ далеко, что сдѣлали обыскъ въ домахъ главныхъ публичныхъ дѣятелей, за исключеніемъ одного, который только что недавно женился, исключеніе, которое можетъ быть слѣдуетъ приписать

чувству деликатности. Наконецъ, они опубликовали результатъ своихъ дѣйствій спискомъ именъ тѣхъ лицъ, которыхъ они заподозрѣли въ незаконномъ присвоеніи себѣ недостающихъ денегъ.

Въ этомъ списокѣ стояло имя Демосѣена, какъ должника въ суммѣ 20 талантовъ. Слѣдующимъ шагомъ было предоставленіе обвиняемымъ лицамъ выбора пойти на судъ или заплатить ту сумму, въ которой ареопагъ призналъ ихъ должниками. Изъ лицъ, представшихъ на судъ, Демосѣенъ былъ первымъ. Онъ судился судомъ присяжныхъ, состоящимъ изъ 1500 его согражданъ, былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ заплатить пеню въ 50 талантовъ (около 100,000 рублей на наши деньги). Очень возможно, что въ числѣ обвинившихъ его присяжныхъ были нѣкоторые, желавшіе понравиться Александру, и не мало также друзей Харпала. Не надо также забывать, что рѣшеніе ареопага не могло не повліять на ихъ приговоръ. Демосѣенъ не хотѣлъ или не могъ внести пеню. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму, но чрезъ нѣсколько дней ему представилась возможность спастись въ Трезену, во владѣніяхъ Арголиды. Онъ оставался тамъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Мы съ трудомъ можемъ повѣрить, что онъ дѣйствительно былъ виновенъ. Само собою разумѣется, что мы можемъ судить только по вѣроятіямъ, и несомнѣнно, что судъ ареопага долженъ былъ имѣть хорошія осно-

ванія для подозрѣній. Мы не должны однако забывать, что судъ этотъ просто составилъ списокъ тѣхъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, должны были подвергнуться дальнѣйшему судебному слѣдствію. Нѣтъ причины полагать, что ареопагъ призналъ вину Демосѣена какъ несомнѣнную. Слѣдствіе было долгое и затруднительное, и конечное рѣшеніе врядъ-ли могло означать полную увѣренность. Если Демосѣенъ, основываясь на показаніяхъ самаго Харпала, публично объявилъ сумму сокровищъ, то кажется страннымъ, какимъ образомъ онъ самъ могъ быть участникомъ въ исчезновеніи части ихъ. Очень возможно, что показаніе, которое онъ сдѣлалъ, не было провѣрено имъ самимъ и быть можетъ само-по-себѣ было ошибочно. Пріятно знать, что какъ д-ръ Тирльвуолль, такъ и историкъ Гротъ оба склонны оправдать его въ этой низкой безчестности.

Стоитъ можетъ быть упомянуть о разсказѣ, передаваемомъ намъ Плутархомъ объ этомъ тяжеломъ случаѣ въ жизни Демосѣена. Подобно многимъ изъ его разсказовъ, это быть можетъ простой вымыселъ, но во всякомъ случаѣ онъ очень забавенъ. Харпалъ, говоритъ онъ, привлекъ оратора на свою сторону, пославъ ему необыкновенно великолѣпную золотую чашу, которая, какъ онъ замѣтилъ, всегда возбуждала его восхищеніе. Чаша эта сопровождалась 20 талантами — сумма, въ которой ареопагъ призналъ его должникомъ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, когда предложенія Харпала обсуждались въ собраніи, Демосѣенъ, который прежде противился имъ, явился съ шерстяной повязкой вокругъ горла, представляясь, что не можетъ говорить вслѣдствіе болѣзни горла. Нѣкоторые замѣчали что это золотая болѣзнь, народъ смѣялся, но былъ разнѣванъ. Таковъ рассказъ Плутарха. Но мы имѣемъ тотъ фактъ, что Демосѣенъ не переставалъ сопротивляться Харпалу. По его предложенію, какъ мы видѣли, Харпалъ былъ арестованъ и сокровища его были взяты въ казну.

Мы оставили великаго оратора изгнанникомъ въ Трезенѣ. Его скоро призвали обратно послѣ смерти Александра, въ 323 г. до Р. Хр. Въ это время была сдѣлана еще одна попытка освободить Грецію отъ македонскаго вліянія. Но она была окончательно подавлена Антипатромъ въ сраженіи при Кранонѣ въ 322 г. до Р. Хр. Побѣдитель потребовалъ выдачи главныхъ ораторовъ, противныхъ Македоніи, въ числѣ которыхъ, само собою разумѣется, находился Демосѣенъ; съ этой минуты Аѣины перестали существовать, какъ свободное государство. Они были заняты македонскимъ гарнизономъ и новая политическая конституція была силою введена въ городѣ. Демосѣенъ не остался свидѣтелемъ этого позора. Возвращеніе его въ Аѣины привѣтствовали съ радостнымъ энтузіазмомъ; теперь онъ долженъ былъ покинуть ихъ навсегда. Онъ нашелъ убѣжище на небольшомъ островѣ Калаврій на берегахъ Арголиды.

Здѣсь онъ предпочелъ лучше умереть, чѣмъ попасться въ руки «охотниковъ за изгнанниками», какъ называли пословъ Антипатра. Въ предѣлахъ древняго храма Нептуна, считавшагося изстари ненарушимой святыней, онъ выпилъ ядъ и до послѣднихъ минутъ удерживалъ на столько присутствіе духа, чтобы умереть внѣ священной ограды, которая, по понятіямъ грековъ, не должна была запятнаться смертю.

ГЛАВА XIV.

ДЕМОСӨЕНЪ ВЪ СУДЪ.

Намъ казалось всего удобнѣе не прерывать нашего очерка политической карьеры Демосөена намеками на его чисто судебныя занятія. Онъ сдѣлался сравнительно рано въ жизни — т. е. когда ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще не было 30 лѣтъ — очень успѣшнымъ адвокатомъ съ большою практикой. Теперь будетъ умѣстно дать читателю нѣкоторое понятіе о дѣлахъ, занимавшихъ его, и о тѣхъ рѣчахъ, которыя ему приходилось произносить въ этой должности.

Въ Аѣинахъ не существовало отдѣльнаго и опредѣленнаго класса, соотвѣтствующаго нашимъ адвокатамъ. Но у нихъ были въ большомъ числѣ профессиональные ораторы и риторы, занимавшіеся тѣмъ, что сочиняли рѣчи для жалобщиковъ и обвиненныхъ. Однако, они вообще не сами произносили эти рѣчи, они просто составляли ихъ, и отдавали въ руки своихъ кліентовъ, которые выучивали ихъ наизусть и затѣмъ обращались съ ними къ суду. Само-собою разумѣется,

нерѣдко случалось, что иной человѣкъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ подобной процедурѣ, и обращался къ опытному адвокату, чтобы говорить вмѣсто себя. Большая часть однако изъ судебныхъ рѣчей Демосөена, дошедшихъ до насъ, была написана для произнесенія самимъ жалобщикомъ или обвиненнымъ. Часть ораторскаго таланта состояла именно въ томъ, чтобы приспособить ихъ къ индивидуальному характеру и манерамъ каждаго изъ своихъ кліентовъ. Это обстоятельство часто давало особую пикантность этимъ рѣчамъ. Онѣ изобилуютъ забавными мѣстами, дающими намъ живое представленіе о разныхъ мелочахъ аѣинской жизни. Мы находимъ въ нихъ очень живописныя очерки различныхъ продѣлокъ торговаго плута, ростовщика и вѣроломнаго повѣреннаго. Судьба была очень благоприятна, сохранивъ для насъ около тридцати значительныхъ рѣчей Демосөена въ которыхъ эти и подобныя имъ личностямъ представляются нашему воображенію. Такимъ образомъ, мы получаемъ возможность заглянуть въ банки и конторы, и видимъ аѣинскаго гражданина торгующагося съ купцами и собственниками кораблей, или занятаго на своей фермѣ, или пишущаго свою послѣднюю волю въ духовномъ завѣщаніи.

Аѣины были городомъ, гдѣ никогда не было недостатка въ судебныхъ процессахъ. Это былъ центръ торговли и мѣсто стеченія чужестранцевъ изъ всевоз-

можныхъ мѣстностей. Къ тому-же вдоль всего берега находились Лаврійскія копи, тамъ были ломки мрамора, а прибрежныя моря были знамениты своею рыбной ловлей. Аѣинскія фабричныя издѣлія также цѣнились высоко. Съ берегами и островами Эгейскаго моря велась обширная торговля хлѣбомъ, лѣсомъ, виномъ и шерстью. Здѣсь были всѣ матеріалы для торговли, а слѣдовательно и для частыхъ ссоръ. Многіе аѣинскіе граждане сами занимались дѣлами, но кромѣ того городъ повидимому былъ полонъ суетливыхъ и предпріимчивыхъ иностранцевъ, считавшихъ удобнымъ для себя избрать его своимъ домомъ. Суду предстояло пропасть работы, такъ много даже, что судебныя задержки были, повидимому, также знакомы аѣинянамъ, какъ и намъ самимъ. «Нѣкоторые люди, — говоритъ Ксенофонтъ, если только онъ дѣйствительно авторъ приписываемаго ему трактата «объ аѣинской республикѣ», — жалуются, что человѣку часто приходится ждать цѣлый годъ въ Аѣинахъ, прежде чѣмъ получить аудіенцію въ сенатѣ или въ народномъ собраніи. Но фактъ тотъ, что у нихъ такъ много дѣла, что имъ невозможно вникать въ жалобу каждаго. Поэтому нѣкоторымъ приходится уходить не будучи выслушанными». Злорѣчивые люди, повидимому, намекали, что каждый можетъ добиться разбирательства при помощи взятки. Ксенофонтъ соглашается, что это можетъ быть отчасти справедливо, но добавляетъ, говоря по собственному опыту, что «сколько-бы золота

и серебра ни предлагали аѣинянамъ, имъ не было-бы возможно разобрать всѣхъ дѣлъ, которые предстоятъ имъ.» Аѣины на самомъ дѣлѣ были мѣстомъ, куда приносили на судъ всѣ разбирательства съ острововъ Эгейскаго моря и гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, они могли рѣшаться всего лучше и справедливѣе. Аѣинскія разбирательства велись такимъ манеромъ, который намъ кажется страннымъ и который съ перваго взгляда можетъ показаться очень неблагоприятнымъ для справедливаго рѣшенія. Дѣла представлялись, какъ и у насъ, на рѣшеніе суда присяжныхъ. Но въ Аѣинахъ судъ присяжныхъ состоялъ обыкновенно изъ 500, а могъ состоять и изъ тысячи и даже болѣе членовъ. На самомъ дѣлѣ это было судъ народного собранія, существовалъ предсѣдатель, но онъ не обладалъ такимъ контролирующимъ вліяніемъ, какъ напр. судья у насъ, все предоставлялось присяжнымъ. Они рѣшали какъ относительно фактовъ, такъ и относительно того закона, который слѣдовало примѣнить къ разбираемому дѣлу. Намъ можетъ это показаться верхомъ нелѣпости, но тѣмъ не менѣе въ Аѣинахъ достигались этимъ путемъ довольно хорошіе результаты. Въ большинствѣ случаевъ мы можемъ быть увѣрены, что достигалась по крайней мѣрѣ существенная справедливость. Аѣинскій присяжный, правда, не получалъ того, что мы называемъ юридическимъ образованіемъ, но онъ по природѣ обладалъ критическимъ умомъ и прозорли-

востью и былъ очень опытенъ въ подобныхъ разбирательствахъ. Очень возможно, что въ общей сложности рѣшенія аѳинскихъ присяжныхъ были также удовлетворительны и справедливы, какъ рѣшенія англійскихъ. Конечно, всегда существовала опасность, что на нихъ по временамъ будутъ слишкомъ вліять политическія соображенія; но этому, какъ мы знаемъ, подвержены присяжные всѣхъ странъ. Сверхъ того была еще и другая худшая опасность. Народонаселеніе Аѳинъ было сравнительно не велико и такимъ образомъ часто случалось, что какъ обвиняющій, такъ и обвиненный и разбираемое дѣло были хорошо извѣстны присяжнымъ. Аѳинскій защитникъ постоянно обращался къ личному знанію присяжныхъ, и этимъ старался пополнить недостатки уликъ. «Онъ мошенникъ, вы всѣ это знаете», съ такими словами постоянно обращались къ суду присяжныхъ въ Аѳинахъ. Эсхинъ, преслѣдуя нѣкоего Тимарха, настаиваетъ на общеизвѣстной нечестности этого человѣка. «Таково,—говоритъ онъ,—свидѣтельство всего аѳинскаго народа, и несправедливо было-бы уличить его въ ложномъ свидѣтельствѣ». Намъ кажется это очень сомнительною методою процедуры; однако, мы часто встрѣчаемъ тоже-самое и въ рѣчахъ Демосѳена, и не можемъ ожидать ничего иного тамъ, гдѣ юридическая система сдѣлалась вполне демократическою. Мы не должны удивляться яростной брани, которою величайшіе аѳинскіе ораторы считали

нужнымъ наполнять свои рѣчи. Даже и у насъ, при всѣхъ нашихъ ограниченіяхъ, адвокаты иногда умудряются позволять себѣ значительную вольность рѣчи, а прежде дѣлали это еще въ значительно большей степени, и быть можетъ еще сомнительно, не нашли-ли бы самыя бранныя мѣста у Демосѳена и Эскина параллели въ рѣчахъ нашихъ защитниковъ.

Другое зло аѳинской юридической системы состояло въ раздѣленіи отвѣтственности. Каждый изъ 500 или 1000 присяжныхъ могъ успокоивать себя оправданіемъ, что если онъ и рѣшитъ несправедливо изъ небрежности или пристрастія, то это незначительно повліяетъ на результатъ. Съ другой стороны эта система представляла и преимущества, которыя, конечно, представляются каждому, кто знакомъ съ исторіей свободныхъ учрежденій. Подкупъ и взяточничество не могли быть легки, а также не могло быть пущено въ ходъ и устрашеніе. Точно также и то обстоятельство, что богатые и бѣдные сходились вмѣстѣ для исполненія важной общественной обязанности, должно было имѣть полезное дѣйствіе. Это заставляло ихъ чувствовать, что они члены одной и той-же общины и внушало имъ уваженіе къ законамъ; это вызывало также наружу ихъ лучшія чувства и въ то-же время изощряло ихъ умъ. Въ иныхъ случаяхъ ихъ рѣшенія были таковы, что мы, съ нашими новѣйшими понятіями, никакъ не можемъ одобрить ихъ, но въ общей сложности мы мо-

жемъ быть убѣждены, что они пользовались довѣріемъ народа. Аѣиняне, быть можетъ, имѣли излишнее пристрастіе къ выслушиванію разбирательства тяжущихся, но они обыкновенно старались по возможности, выслушивать обѣ стороны безпристрастно и рѣшать справедливо. Система присяжныхъ съ ея неизбѣжными спутниками—тщательно составленныхъ рѣчей была современна съ удивительнымъ развитіемъ аѣинской литературы въ вѣкъ Перикла. Ей, безъ сомнѣнія, мы обязаны нѣкоторыми изъ самыхъ великолѣпныхъ памятниковъ человѣческаго генія.

Столь многочисленные присяжные врядъ-ли были способны разбирать дѣла, влекущія за собою множество очень спутанныхъ подробностей, связанныхъ съ денежными счетами или съ оцѣнкою собственности. Дѣла подобнаго рода отдавались обыкновенно, также какъ въ Англіи, на рѣшеніе свободнаго суда, причемъ общественные судьи избирались ежегодно. О нихъ мы постоянно слышимъ въ судебныхъ рѣчахъ аѣинскихъ ораторовъ, и мы можемъ принять за вѣрное, что большинство гражданскихъ дѣлъ рѣшалось ими. Въ самомъ дѣлѣ, было очень принято отдавать обыкновенно частные споры на рѣшеніе такихъ судей въ первой инстанціи. Но, какъ и слѣдовало ожидать въ демократическомъ государствѣ, всегда можно было жаловаться на ихъ рѣшеніе присяжнымъ.

Въ общей сложности очень вѣроятно, что тяжущимся въ аѣинскихъ судахъ почти всегда оказывалась справедливость. Таково во всякомъ случаѣ было, повидимому, мнѣніе греческаго міра, и мы не можемъ думать, что это мнѣніе не имѣло хорошихъ основаній. Нѣкоторыя изъ темныхъ сторонъ этой системы были уже упомянуты нами, и онѣ, безъ сомнѣнія, были очень значительны. Умный и не слишкомъ щепетильный адвокатъ могъ имѣть больше шансовъ на успѣхъ въ Аѣинахъ, чѣмъ у насъ. Само-собою разумѣется, что чрезвычайно важно, чтобы хорошо образованный юристъ предсѣдательствовалъ въ судѣ, резюмировалъ дѣла и обращалъ вниманіе присяжныхъ на общія правила, которыми они должны руководствоваться. Очень вѣроятно, что недостатокъ этого часто чувствовался въ Аѣинахъ и не рѣдко велъ къ печальнымъ результатамъ. Все таки, мы можемъ быть увѣрены, что обыкновенный аѣинянинъ былъ человѣкомъ умнымъ и хорошо понимающимъ дѣла. Привычка также надѣлила его хорошимъ знакомствомъ съ законами его страны. Было-бы крайне ошибочно представлять себѣ Аѣины въ видѣ свирѣпой демократіи. Граждане ея были большею частью довольно образованные люди, отличались терпимостью и готовностью подчиняться законамъ своей конституціи. Аѣинскій адвокатъ, чтобы достигнуть успѣха, долженъ былъ обладать значительнымъ талантомъ, и если брань его часто отличалась грубостью и личностями, она всегда должна

была быть приправлена остроуміемъ и сопровождаема убѣдительными доказательствами.

Многія изъ тяжбъ въ Аѣинахъ исходили изъ тѣхъ случаевъ, когда деньги отдавались займы подъ залогъ кораблей или ихъ груза. Дѣла подобнаго рода велись на большую ногу, и такъ какъ рискъ былъ значителенъ, то и прибыль была очень велика, иногда получалось до 30 процентовъ. Дѣла подобнаго рода сопровождались повидимому безконечными плутнями. Одна изъ рѣчей Демосѣена напр. написана въ защиту двухъ соединенныхъ займодавцевъ, давшихъ деньги займы подъ обезпеченіе груза вина. Два брата, купцы изъ Фазелиды въ Памѣліи, были должниками. Фазелида, какъ кажется, пользовалась очень дурною торговой репутаціей, и, какъ говорили, на ея тамошнихъ купцовъ подавалось больше жалобъ въ Аѣинахъ, чѣмъ противъ всѣхъ другихъ купцовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ этомъ случаѣ кліентъ Демосѣена утверждалъ, что его должники нарушили условіе, что они не нагрузили условленнаго количества вина и заключили другой заемъ подъ тоже обезпеченіе, что они не купили достаточный возвратный грузъ, и при возвращеніи не вошли въ настоящую гавань Аѣинъ, но остановились въ маленькой темной бухтѣ, извѣстной подъ именемъ «пріюта контрабандистовъ», и что когда съ нихъ потребовали уплаты долга, они ложно показали, что ихъ корабль потерпѣлъ крушеніе; прежде чѣмъ дѣло пришло къ

рѣшенію, одинъ изъ должниковъ умеръ и его состояніе перешло къ его брату, Лакриту, который, по показанію займодавца, словесно обязался уплатить заемъ. Вслѣдствіе этого Лакрита привлекли къ суду, хотя быть можетъ онъ и не имѣлъ законной отвѣтственности, а просто поручился за своего брата и показалъ, что по его убѣжденію онъ состоятеленъ. Онъ былъ человекомъ довольно извѣстнымъ, такъ какъ былъ ученикомъ Исократъ, и самъ пользовался извѣстной репутаціей, какъ учитель риторики. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ греки называли софистами. На это онъ, повидимому, возлагалъ свои надежды и повсюду хвалился своими связями съ великимъ Исократомъ. Демосѣенъ заставляетъ своего кліента говорить: «Эти софисты —, дурная шайка». Какое мнѣ дѣло, если человекъ вздумаетъ быть софистомъ и платить деньги за лекціи Исократу? Но оттого, что они считаютъ себя умными, имъ нельзя позволять мошеннически грабить у другихъ людей ихъ деньги. Лакритъ не полагается на справедливость своего дѣла, но онъ думаетъ, что такъ какъ онъ обучился ораторскому искусству, то будетъ въ состояніи убѣдить васъ, въ чемъ захочетъ. Быть можетъ, такъ какъ онъ такъ уменъ, онъ возьмется доказать вамъ, что черное бѣло, что деньги никогда не брались займы, или что онъ были уплочены, или что векселя пустыя бумаги, или что должники имѣли право распоряжаться деньгами какъ хотѣли». Очень возможно,

какъ полагають нѣкоторые, что Демосеенъ въ дѣйствительности имѣлъ въ виду Исократа, нападая на Лакрита.

Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ возстаетъ противъ права человѣка брать имя, уже принадлежащее одному изъ его братьевъ. Случай этотъ довольно замѣчательный. Мантиеей, сынъ Мантия, принесъ жалобу на своего своднаго брата Бэота, записавшагося подъ именемъ Мантиея. Бэотъ былъ сынъ Мантия отъ одной любовницы, аеинской гражданки, и такимъ образомъ, по аеинскимъ законамъ, пользующейся правомъ передать гражданство своимъ дѣтямъ. Дѣти каждого гражданина вносились въ списокъ гражданъ въ раннемъ возрастѣ, и затѣмъ вторично, когда достигали совершеннолѣтія. Бэотъ получилъ свое имя при первомъ изъ этихъ случаевъ. Прежде чѣмъ произошло второе записываніе, отецъ его умеръ. Такъ какъ его имя, приводившее на память извѣстную греческую пословицу, «какъ бэотійская свинья», ему не нравилось, то ему удалось при этомъ второмъ случаѣ записаться подъ именемъ своего брата Мантиея. Такимъ образомъ законное прозвище обоихъ братьевъ сдѣлалось одно и тоже. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Аеинахъ граждане были извѣстны подъ своимъ собственнымъ именемъ, подъ именемъ своего отца и подъ именемъ своего участка или города, — Аттика была раздѣлена на нѣсколько городскихъ участковъ или *demes*, какъ они назывались. Въ сравни-

тельно небольшой общинѣ это могло не представлять неудобствъ. Однако то, что сдѣлалъ Бэотъ не могло не повести къ путаницѣ. Его сводный братъ въ рѣчи, сочиненной для него Демосееномъ, намекаетъ, что дѣло ухудшилось еще тѣмъ, что Бэотъ придерживался довольно сомнительной компаніи. Непріятная путаница, какъ онъ замѣчаетъ, могла тоже произойти отъ неуплаченныхъ долговъ и привлеченія къ суду. На самомъ дѣлѣ сыну законной жены часто приписывали всѣ глупости, сдѣланныя сыномъ любовницы.

«Несносный Бэотъ, — говоритъ кліентъ Демосеена, который, повидимому, дѣйствительно былъ очень обиженнымъ человѣкомъ, — я бы желалъ, чтобъ ты, если возможно, перемѣнилъ твое скверное поведеніе. Но если на это нельзя надѣяться, то прошу тебя окажи мнѣ слѣдующую услугу: не давай себѣ столько труда, перестань надоедать мнѣ спорами, довольствуйся тѣмъ, что приобрѣлъ права состоянія отъ отца. Никто не хочетъ лишать тебя ихъ, и я-меньше всего. Если выдавая себя за моего брата, ты будешь дѣйствовать какъ братъ, всѣ повѣрятъ, что ты мой родственникъ, но если ты будешь замышлять противъ меня, судиться со мною, завидовать мнѣ, клеветать на меня, то всѣ подумаютъ, что ты забрался въ чужое семейство и поступаешь съ его членами, какъ будто они были тебѣ чужими. Что касается лично до меня, то какъ-бы ни виновенъ былъ мой отецъ, отказавшись признать тебя,

я, конечно, въ этомъ не виновенъ. Не мое дѣло было узнавать, кто его сыновья; ему слѣдовало указать мнѣ тѣхъ, которыхъ я долженъ былъ считать братьями. До тѣхъ поръ, пока онъ самъ не признавалъ тебя, я не считалъ тебя родственникомъ; съ тѣхъ поръ какъ онъ призналъ тебя, я всегда считалъ тебя за такого. Ты получилъ свою долю наслѣдства послѣ смерти моего отца, ты участвуешь въ нашихъ религіозныхъ обрядахъ, въ нашихъ гражданскихъ правахъ, никто не исключаетъ тебя изъ нихъ. Чего-же тебѣ еще надо? Всякій, который услышитъ наше имя, долженъ будетъ спросить, который изъ насъ двухъ подразумѣвается. Тогда человѣкъ, говорящій о тебѣ, долженъ будетъ прибавить: тотъ, котораго Мантий принужденъ былъ усыновить. Желаетъ-ли ты этого?»

Перейдемъ теперь къ совершенно различному дѣлу: спору между двумя сосѣдями фермерами въ Атикѣ. Ихъ имѣнія находились въ гористой части Атики и были раздѣлены общественною дорогою. Это жалоба на убытки, понесенные нѣкимъ Каликломъ, вслѣдствіе засоренія источника, регулирующаго стокъ водъ съ окружающихъ горъ. Отецъ отвѣтника построилъ стѣну на своей землѣ съ цѣлью обратить теченіе воды на дорогу. Какъ кажется, въ Атикѣ, собственникъ могъ обратить стокъ на общественную дорогу, къ великому вреду, какъ мы можемъ предполагать, путей сообщенія, которыя въ гористой мѣстности, по временамъ, становились

совсѣмъ непроходимыми. Въ этомъ случаѣ стѣна повела къ тому, что послѣ сильныхъ дождей ферма обвиняющаго была затоплена также, какъ и дорога. Вслѣдствіе этого истецъ началъ дѣло. Обвиненный, кліентъ Демосфена, говорилъ въ свое оправданіе, что стѣна, о которой шла рѣчь, была законно воздвигнута его отцомъ, 15 лѣтъ тому назадъ; что семейство истца въ то время не высказывало никакого протеста противъ этого; что такъ называемый источникъ въ сущности не былъ источникомъ, но составлялъ часть его собственной земли, такъ какъ былъ обсаженъ плодовыми деревьями и орошалъ старое семейное кладбище; что потокъ, причинившій бѣду, не протекалъ къ обвиненному съ сосѣдней горы; что онъ протекалъ по дорогѣ какъ выше, такъ и ниже его, и что наводненіе, которое онъ причинялъ иногда въ сырую погоду, было естественнымъ бѣдствіемъ, отъ котораго страдали и другіе, кромѣ обвиняющаго, только они никогда не думали жаловаться на это въ судъ. Отвѣтникъ явно намекаетъ, на то что истецъ завидуетъ его собственности и старается выжить его изъ нея неправильною тяжбою.

Предметъ спора, самъ-по-себѣ, былъ ничтожный, и въ присяжныхъ, конечно, должна была возбудить смѣхъ та торжественность, съ какою ихъ умоляли обратить все свое вниманіе на подробности этаго дѣла. «Нѣтъ большей язвы (такъ начинается свою рѣчь отвѣтникъ), чѣмъ завистливый сосѣдъ, какого мнѣ выпало на долю

встрѣтить. Калликлу пришло по-сердцу моя земля, и онъ всячески надоѣдаетъ мнѣ тяжбою. Сначала онъ подговаривалъ своего двоюроднаго брата изъявить на нее притязанія, но я разбилъ ихъ. Я умоляю васъ всѣхъ выслушать меня со вниманіемъ не потому, чтобы я былъ ораторомъ, а для того чтобы вамъ убѣдиться по фактамъ, какъ неосновательно его преслѣдованіе. » Изложивъ факты, онъ спрашиваетъ патетически, что ему дѣлать съ водою, если онъ не можетъ своротить ее ни на общественныя дороги, ни на частную собственность. « Конечно, — прибавляетъ онъ съ оттѣнкомъ буколическаго юмора — истецъ не заставитъ же меня выпить всю эту воду? » Причиненные убытки не могли быть очень велики, если мы станемъ судить по одному обрацику. Какъ кажется, матери обоихъ тяжущихся часто ходили въ гости другъ къ другу, какъ деревенскія сосѣдки, и однажды, когда мать отвѣтчика была въ гостяхъ въ домѣ истца, она нашла все семейство погруженнымъ въ глубокое горе и точно подавленнымъ какимъ-то необычайнымъ несчастіемъ. Повидимому, деревенскія души тогда, какъ и теперь, были особенно чувствительны къ самымъ потѣшно незначительнымъ потерямъ и съ наслажденіемъ описывали ихъ съ самымъ невѣроятнымъ преувеличеніемъ. Жена пострадавшаго фермера при этомъ случаѣ указала со слезами на глазахъ на четыре куля ячменя, которые подмокли и теперь просушивались и на амфору съ

масломъ, которая дѣйствительно свалилась, но не была попорчена. За это они собирались потребовать съ отвѣтчика 1,000 драхмъ или около 300 рублей за понесенные убытки. Изъ этого можно заключить, что фермеръ въ Аттикѣ, подобно своимъ новѣйшимъ представителямъ, не подвергался опасности пострадать отъ излишней скромности. Слѣдующее замѣчаніе, которое Демосеенъ влагаетъ въ уста своего кліента, довольно характеристично. « Поташивъ меня въ судъ, — говоритъ онъ, — я считаю, что обвинитель выказалъ всю свою злость и самообольщеніе. »

Въ другомъ довольно интересномъ случаѣ, Демосеенъ защищаетъ несчастнаго человѣка, котораго исключили изъ его участка и который, вслѣдствіе этого, подвергался опасности потерять право аѣинскаго гражданства. Въ Аѣинахъ право гражданства подвергалось самому строгому изслѣдованію, и списки различныхъ участковъ велись съ величайшею тщательностью. Каждый гражданинъ, какъ уже было замѣчено, долженъ былъ записываться дважды, и чтобы обезпечить точность и исключить сомнительныхъ личностей, списки эти, время отъ времени, подвергались ревизіи. Но даже при всѣхъ подобныхъ предосторожностяхъ, случаи спорнаго гражданства бывали не рѣдко. Въ разсматриваемомъ нами теперь случаѣ кліентъ Демосеена былъ вычеркнутъ изъ списка своего участка при происходившей ревизіи. Отецъ этого человѣка былъ взятъ въ плѣнъ во время

позднѣйшей части пелопонезской войны, и, проживъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ странахъ, владѣлъ довольно плохо аттическимъ діалектомъ. Однако, по возвращеніи въ Аѣины, онъ вернулъ свое право гражданства и, какъ кажется, безъ всякихъ затрудненій передалъ его своему сыну. Онъ былъ очень бѣденъ, и вмѣстѣ съ своею женою долженъ былъ снискивать себѣ пропитаніе самыми скромными занятіями. Сынъ его, повидимому, нажилъ себѣ враговъ въ своемъ приходѣ, въ томъ числѣ нѣкоего Эвбулида, противъ котораго онъ далъ свидѣтельство на судѣ. Эвбулидъ, сдѣлавшись головою даннаго участка, ревизовалъ списки, и добился того, чтобы изъ него вычеркнули имя этого человѣка. Онъ добился этаго мошенническою штукаю. Ревизія списковъ происходила въ Аѣинахъ, отъ которыхъ данный участокъ отстоялъ верстъ на семь. Много времени прошло въ разныхъ рѣчахъ и подведеніи резолюцій, и дѣло кліента Демосѣена разсматривалось на самый послѣдокъ. Теперь уже стемнѣло, и всѣ участвовавшіе члены ушли уже домой, за исключеніемъ человѣкъ тридцати, которые, какъ было слышно, держали сторону Эвбулида. Когда было вызвано имя бѣдняка, Эвбулидъ вскочилъ съ своего мѣста, излилъ на него потокъ брани и настаивалъ подвергнуть его исключеніе голосованію. Безполезно было просить объ отсрочкѣ. Дѣло справили крайне поспѣшно, и въ урнѣ оказалось 60 камешковъ противъ него, хотя, повидимому, на лицо

было всего 30 согражданъ. Въ результатѣ вышла полная гибель для бѣдняка: потеря права гражданства означала соціальную смерть и по всѣмъ вѣроятіямъ рабство. Чрезъ посредство своего защитника, онъ жалобно взываетъ къ присяжнымъ, угрожая, что въ томъ случаѣ, если ихъ приговоръ будетъ неблагопріятенъ для него, онъ рѣшится на самоубійство, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ удовлетвореніе быть похороненнымъ своими родственниками въ родной землѣ. «Я потерпѣлъ позорное насиліе со стороны Эвбулида, — такъ начинаетъ онъ, — и прошу васъ, принимая въ соображеніе крайнюю важность настоящаго суда и тотъ позоръ и гибель, которые сопровождаютъ уличеніе, выслушать меня, также какъ вы выслушали моего противника, въ молчаніи.» Далѣе въ своей рѣчи онъ касается своей бѣдности и тѣхъ скромныхъ путей, которыми его семейство поддерживаетъ свое существованіе.

«Мы сознаемся, что торгуемъ лентами и живемъ не такъ, какъ хотѣли-бы. Мы стоимъ такъ низко въ свѣтѣ, что нашему противнику не трудно позорить насъ. Мнѣ кажется, что то, что мы торгуемъ въ рынкѣ, можетъ служить сильнѣйшимъ доказательствомъ ложности обвиненія этого человѣка. Моя мать, онъ говоритъ, продавала ленты на рынкѣ. Хорошо. Если-бы она была чужестранка, имъ слѣдовало-бы ревизовать рыночные билеты и показать, платила-ли она пошлину иностранцевъ и къ какой странѣ она принадлежала.

Если-бы она была раба, то слѣдовало-бы собрать показанія отъ чело-вѣка, который продалъ ее и отъ чело-вѣка, который купилъ ее. Онъ говоритъ также, что она была нянюшкою. Мы не отрицаемъ этого. Въ то несчастное время *), когда всему нашему народу прих-одилось плохо, вы найдете многихъ женщинъ, которыя считались гражданками и брали дѣтей на выкармли-ваніе. Конечно, если-бы мы были богаты, мы не про-давали-бы лентъ и не находились-бы въ нуждѣ. Но что же это имѣетъ общаго съ моимъ исключеніемъ? Прошу васъ, не презирайте бѣдныхъ (ихъ бѣдность уже до-статочное несчастіе для нихъ), а всего менѣе тѣхъ, которые стараются снискать себѣ честное пропитаніе. Бѣдность заставляетъ свободныхъ людей исполнять много низкихъ и подчиненныхъ занятій, за что ихъ слѣдуетъ скорѣе сожалѣть, чѣмъ преслѣдовать. Мнѣ со-общаютъ, что многія женщины, гражданки по рожденію, сдѣлались какъ нянюшками, такъ и ткачихами и работ-ницами въ огородахъ благодаря несчастіямъ нашей стра-ны въ этотъ періодъ. Я вѣрю въ правоту моего дѣла и обращаюсь, какъ проситель къ вашему суду за защи-тою. Я знаю, что суды болѣе могучи не только чѣмъ мои сограждане, но даже чѣмъ совѣтъ народнаго собра-нія, и это хорошо, потому что ваши приговоры во всѣхъ отношеніяхъ самые справедливые.»

*) Последніе годы пелопонезской войны.

Онъ заканчиваетъ свое обращеніе къ присяжнымъ уже упомянутою угрозою самоубійства.

Достаточно будетъ коснуться еще одного дѣла. Оно очень забавно и мы-бы назвали его преслѣдованіемъ за буйство и самоуправство. Повидимому, даже въ утонченныхъ Аѣинахъ проявлялись иногда вспышки самодурства, и полиція не всегда была подъ рукою, чтобы подавить ихъ. Нѣкоторые изъ разгульных мо-лодыхъ людей образовали въ городѣ нѣчто въ родѣ клубовъ, подобныхъ разнымъ англійскимъ клубамъ про-шедшаго столѣтія, незаконныя дѣйствія которыхъ опи-саны въ нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ того вре-мени. «Преступное самолюбіе», — такъ говоритъ одинъ изъ этихъ журналовъ, — «нанести всевозможный вредъ другимъ людямъ служило связью этихъ обществъ и единственное качество, которое требовалось отъ ихъ членовъ.» Въ Аѣинахъ существовалъ клубъ, называв-шійся клубомъ Трибалловъ, по имени одного изъ самыхъ дикихъ и неукротимыхъ племенъ Тиракіи. Члены этого милаго братства наносили всевозможныя непристойныя и отвратительныя оскорбленія безобиднымъ гражданамъ въ то время, когда они вечеромъ прогуливались или возвращались домой изъ гостей. Нѣкто Кононъ и его сы-новья въ особенности отличались подобными подвигами. Жертва ихъ въ данномъ случаѣ обратилась къ Демосеену за совѣтомъ. Они всѣ вмѣстѣ участвовали въ походѣ въ чужой странѣ, и тогда начались тѣ грубыя шутки

и надожданія, на которыя жалуется кліентъ Демосѣена. Кононъ и его компанія напивались каждый день послѣ завтрака, и такимъ образомъ ко времени обѣда они уже были способны только на пьяныя выходки. «Сначала, — говоритъ пострадавшій, — они потѣшались надъ его слугами, а наконецъ надъ нимъ самимъ и его домашними. Они дѣлали видъ, что наши слуги беспокоятъ ихъ дымомъ отъ стряпни и грубы съ ними. Тогда они били ихъ и потѣшались всевозможными грязными и грубыми шутками надъ ними. Мы показывали наше негодованіе. Тогда они стали оскорблять и насъ, и мы отправились всѣ вмѣстѣ къ генералу, который сдѣлалъ имъ строгій выговоръ.» Такимъ образомъ развилась серьезная непріязнь, и когда они всѣ вернулись въ Аѣины, произошло нападеніе, составляющее предметъ преслѣдованія.

«Когда я вернулся въ Аѣины, — говоритъ пострадавшій, — я прогуливался вечеромъ по рынку вмѣстѣ съ пріятелемъ моихъ же лѣтъ, когда Ктезій, сынъ Конона, прошелъ мимо насъ совсѣмъ пьяный. Увидя насъ, онъ что-то воскликнулъ, и какъ пьяный человѣкъ, сталъ бормотать что-то невнятно сквозь зубы и продолжалъ свой путь. Пьяная компанія находилась по близости въ домѣ бочара Памѣила. Кононъ и многіе другіе были тамъ. Ктезій подговорилъ ихъ оставить общество и пойти съ нимъ на рынокъ. Мы были вблизи отъ Леокорія (небольшой храмъ), когда встрѣтили ихъ.

Когда мы поровнялись съ ними, одинъ изъ нихъ бросился на моего друга и удержалъ его; Кононъ же и другой сбили меня съ ногъ, бросили въ грязь, прыгали по мнѣ, и пихали меня ногами съ такою яростью, что губа моя была разрѣзана и глазъ поврежденъ. Въ такомъ положеніи они оставили меня, неимѣющаго силъ ни встать, ни говорить. Когда я лежалъ, я слышалъ что они употребляли отвратительныя слова, нѣкоторыя изъ которыхъ я не желалъ-бы и повторять предъ вами; одно изъ нихъ вы однако услышите; оно доказываетъ злобу Конона и что онъ былъ зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ кричалъ на подобіе боеваго пѣтуха, когда онъ одержитъ побѣду, и товарищи заставляли его хлопать локтями о бока на подобіе крыльевъ. Позднѣе меня нашли нѣсколько людей, шедшихъ этимъ путемъ и принесли домой безъ моего плаща, который злодѣи унесли съ собою. Когда они пришли къ нашей двери, моя мать и служанки начали кричать и плакать. Меня съ нѣкоторымъ трудомъ снесли въ баню, вымыли всего и тогда показали врачу.

Демосѣенъ, какъ кажется, самъ сознавалъ, что очень возможно, что присяжные почувствуютъ склонность къ смѣху при этой нѣсколько комично-патетической картинѣ.

«Будете-ли вы смѣяться, — заставляетъ онъ говорить своего кліента, — и отпустите-ли вы Конона потому, что онъ говоритъ: «Мы горсть веселыхъ молодцовъ,

которые въ нашихъ удовольствіяхъ и любовныхъ по-
хожденіяхъ бьемъ всѣхъ и ломаемъ шею каждому,
кому захотимъ?» Я надѣюсь, нѣтъ. Никто изъ васъ
не смѣялся-бы, если-бы вы присутствовали, когда
меня тащили и отнимали одежду, и били и несли домой,
изъ котораго я вышелъ сильнымъ и здоровымъ, и мать
моя выбѣжала на встрѣчу и женщины кричали и пла-
кали, какъ будто мущина умеръ въ домѣ, такъ что
сосѣди прислали спросить, что случилось.» Кононъ и
его сообщники дѣйствительно могли быть грозою для
мирныхъ гражданъ, если судить по слѣдующему малень-
кому обращенію ихъ похощеній:

«Многіе изъ васъ знаютъ эту шайку. Вонъ сѣдой
человѣкъ, который цѣлый день сохраняетъ торжествен-
ную морщину между бровями и одѣтъ въ грубый плащъ
и башмаки на одной подошвѣ; но когда они вмѣстѣ,
они не останавливаются ни передъ какимъ злымъ или
позорнымъ поступкомъ. Вотъ каковы ихъ тонкія и
благородныя рѣчи: «не будемъ-ли мы свидѣтельство-
вать другъ за друга? не подобаетъ-ли это друзьямъ
и товарищамъ? Что можетъ онъ показать противъ васъ,
чего вамъ слѣдовало-бы бояться? Нѣкоторые скажутъ,
что видѣли его побитымъ. Мы скажемъ, вы никогда не
трогали его. Лишеннымъ своего плаща? Мы скажемъ:
они начали. Его губа была разрѣзана? Мы скажемъ:
ваша голова была пробита.» — «Не забывайте, — тор-
жественно прибавляетъ жалобщикъ, — я выставлю ме-

дицинское свидѣтельство, а они нѣтъ, потому что они
не могутъ достать никакого другаго свидѣтельства, какъ
изъ среды самихъ себя.»

Надо надѣяться, что присяжные не смѣялись и дали
Демосѣену убѣдить себя наказать примѣрно обидчиковъ.
Грубость врядъ-ли могла идти далѣе, чѣмъ сначала
побить и повалить человѣка, а потомъ въ довершеніе
всего еще отнять у него плащъ. Аѣинскіе самодуры,
если Кононъ и его компанія могутъ считаться хоро-
шими и обыкновенными представителями этого рода,
конечно, не заслуживали пощады.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Демосѣенъ одинъ изъ тѣхъ людей, относительно ко-
торого, какъ государственнаго мужа и оратора, не
можетъ быть различія въ мнѣніяхъ. Какъ государ-
ственный мужъ, онъ заслужилъ единодушную похвалу
первоклассныхъ современныхъ историковъ, каковы
Тирльуолль, Гротъ и Курціусъ. Каждый, кто находитъ
въ древне-греческой жизни предметъ для уваженія и
восторга, не можетъ не уважать и не восторгаться
Демосѣеномъ. Его политическая карьера была послѣ-
довательна. Онъ посвятилъ себя одной идеѣ и рабо-
талъ для нея. Эта идея была — мечта о свободной и не-
зависимой Греціи, во главѣ которой его родныя Аѣины
имѣли какъ нравственное, такъ и интеллектуальное

право стать. Какъ мы уже видѣли, Исократъ не раздѣлялъ этого взгляда, точно также какъ и впослѣдствіи историкъ Полибій. Оба эти человѣка не вѣрили, чтобы Греція могла быть даже тѣмъ, чѣмъ она была. Оба были честные и добросовѣстные мыслители. Но мы никогда не можемъ питать того-же чувства къ человѣку, который склоненъ отчаяваться въ великомъ дѣлѣ, какъ къ тому, который до конца удерживаетъ надежду на перекоръ надеждъ. Демосѣенъ дѣлалъ это въ теченіи всей своей жизни среди всевозможныхъ разочарованій. Это даетъ ему нравственное отличіе, которое, мы думаемъ, всегда будетъ признавать потомство. Подобный человѣкъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ неизбѣжно долженъ былъ вызывать къ совѣсти, къ нравственному чувству и къ возвышенному патріотизму. Воззванія эти часто замирали безъ отголоска, но онъ не могъ не вѣрить, что въ его соотечественникахъ все еще сохранился духъ, который, если только воззвать къ нему какъ слѣдуетъ, могъ еще пробудиться и подвинуть ихъ на дѣянія ихъ предковъ. Такова была вѣра Демосѣена. Она заставляла его не любить и не довѣрять даже возвышеннымъ умозрѣніямъ философіи Платона. Она, какъ онъ чувствовалъ и какъ чувствуютъ многіе современные политическіе дѣятели, неизбѣжно должна была увлечь аѳинянъ изъ практической сферы политики въ призрачную область идей. Аѳины, полагалъ онъ, должны были поддерживать свое право на величіе и до-

стоинство, и онъ питалъ къ нимъ чувство нѣчто въ родѣ того, которое Virgilій выражаетъ въ извѣстной строкѣ: «*Tu regere imperio populos, Romane, memento*» *).

Какъ ораторъ, онъ почти безспорно не знаетъ соперниковъ. Лордъ Брумъ въ своемъ разсужденіи объ ораторскомъ искусствѣ древнихъ увѣренно выражаетъ это мнѣніе, и, на сколько мы знаемъ, никто еще не оспаривалъ его. Его краснорѣчіе было соединеннымъ произведеніемъ природнаго генія и тщательнаго труда. Квинтиліанъ говоритъ довольно справедливо, что Цицеронъ былъ болѣе обязанъ труду, а Демосѣенъ — природѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, Демосѣенъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы усовершенствовать свои великія природныя дарованія самымъ усидчивымъ трудолюбіемъ. Его прилежаніе было невѣроятно. Онъ оставилъ послѣ себя собраніе *exordia*, или введеніе къ рѣчамъ, которыя, кажется, находились въ рукахъ Цицерона. Онъ постоянно обдумывалъ свои слова и фразы. Всѣ его рѣчи, на сколько мы знаемъ, были плодомъ тщательнаго приготовленія. Его манера говорить была чрезвычайно разнообразна. Онъ нерѣдко нападаетъ на своего противника съ краснорѣчіемъ, напоминающимъ нѣсколько краснорѣчіе покойнаго лорда Дерби, когда слова его внушались сильнымъ нравственнымъ негодованіемъ. Нѣкоторыя изъ его рѣчей напоминаютъ

*) «Да будетъ римлянинъ твое притязаніе управлять міромъ.»

намъ тонкія и остроумныя разсужденія Гладстона. Такова напр. разсмотрѣнная нами рѣчь, въ которой онъ ратуетъ за отмѣну закона Лептина. Въ другихъ, опять-таки, въ особенности въ олинѣйскихъ рѣчахъ, и въ рѣчи противъ Эсхина мы имѣемъ мѣста, приводящія намъ на память страстное одушевленіе нѣкоторыхъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ рѣчей Брайта. Мы находимъ въ нихъ то же убѣдительное воззваніе къ чело-вѣческой совѣсти и къ величію и достоинству свободы. Въ то-же время онъ былъ чрезвычайно ловкимъ масте-ромъ своего дѣла. Джемсъ Милль обыкновенно указы-валъ своему знаменитому сыну, какъ, во 1-хъ, Демос-тень говорилъ все важное для своей цѣли именно въ ту надлежащую минуту, когда онъ довелъ умы своихъ слушателей до такого состоянія, когда они всего лучше могли понять это, и во 2-хъ, какъ онъ внушалъ по-степенно и косвенно идеи, которыя неизбѣжно выз-вали-бы сопротивленіе, если-бы предложить ихъ от-крыто. Вообще говоря, онъ имѣлъ очень много успѣха какъ ораторъ, одержалъ много побѣдъ въ народномъ собраніи и въ судахъ, и наконецъ нанесъ полное пораженіе своему талантливому противнику, и, ко-нечно, однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній въ его жизни было воспоминаніе о Херонеѣ, когда, бла-годаря его краснорѣчію, афиняне и Фивяне сража-лись бокъ-о-бокъ за дѣло Греціи.

ДРЕВНІЕ КЛАССИКИ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ АНГЛІЙСКОЙ СЕРІИ КЛАССИКОВЪ

В. Коллинза.

Современное направленіе нашего общественнаго воспитанія дѣлаетъ весьма желательнымъ для публики получить средство ознакомиться хотя нѣсколько съ произведеніями великихъ древнихъ писателей, чтобы имѣть возможность составить себѣ собственное сужденіе объ этомъ предметѣ. Множество людей въ Россіи, въ особенности родителей, заинтересованы вопросомъ, что такое эти древніе классики и почему изученіе или неизученіе ихъ стало у насъ теперь такимъ спорнымъ вопросомъ. Съ этою цѣлью, рядомъ небольшихъ томиковъ мы намѣрены дать лицамъ, не получившимъ классическаго образованія, возможность ознакомиться съ великими греческими и римскими писателями, съ содержаніемъ ихъ произведеній и отличительными чертами ихъ изложенія.

Издателемъ приняты мѣры для того, чтобы серія эта, предназначенная преимущественно для публики, была передана по возможности литературнымъ языкомъ; что же касается вѣрности переводовъ, то въ этомъ отношеніи издателю обѣщали свое содѣйствіе самые компетентные у насъ авторитеты въ области классической литературы. Редакцію римскихъ поэтовъ и сатириковъ принялъ на себя профессоръ Спб. Университета *И. Помяловскій*, а нѣкоторыхъ греческихъ драматиковъ проф. тогоже Университета *Н. И. Любимъ*. Переводы тѣхъ томиковъ, которые появились теперь въ продажѣ сдѣланы слѣдующими лицами:

1. Гомеръ Иліада.	6. Аристофанъ, пер. П. Вейнберга, подъ ред. проф. Любимля.
2. Гомеръ Одиссея.	7. Эврипидъ, пер. П. Вейнберга.
3. Платонъ, пер. Ф. Резенера.	8. Эсхиль, тоже.
4. Ксенофонтъ, подъ ред. М. Прахова.	9. Софокль.
5. Геродотъ, пер. А. Н. Пыпина.	

10. Цицеронъ, пер. Ф. Резенера.	16. Титъ Ливій.
11. Тацитъ, пер. Брюлловой-Кавелиной.	17. Овидій, подъ редакцію проф. И. Помяловскаго.
12. Юлій Цезарь, пер. Брюлловой-Кавелиной.	18. Письма Плинія.
13. Виргилій, подъ ред. проф. И. Помяловскаго.	19. Теренцій и Плавтъ, подъ ред. профес. И. Помяловскаго.
14. Гораций, подъ ред. проф. Помяловскаго.	20. Ювеналь, въ пер. П. Вейнберга, подъ ред. проф. И. Помяловскаго.
15. Лукіанъ.	

Съ предстоящимъ выходомъ трехъ томовъ (7-го, 8 и 9-го) первая серія классиковъ изъ 20 книжекъ окончена. Цѣна всѣхъ 20 томовъ 15 р.

Такъ какъ въ первую серію не вошло много древнихъ авторовъ, произведенія которыхъ представляютъ большой интересъ, вслѣдъ за этою первою серіею станеть непосредственно появляться въ свѣтъ **Дополнительная серія классиковъ изъ 10 томовъ**, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: 21. Гезіодъ, и Феогнидъ, 22. Демосфень 23. Катулъ (съ Табулломъ и Проперціемъ), 24. Фукидидъ, 25. Анакреонъ, 26. Пиндаръ, 27. Лукрецій, 28. Галенъ и Гиппократъ, 29. Аристотель, 30. Греч. Антологія.

Для всѣхъ подписавшихся на первую серію классиковъ открывается подписка на **дополнительную серію изъ 10 томовъ**—подписная цѣна 5 р. 50 коп.

Цѣна вышедшихъ уже въ свѣтъ 20 томовъ первой серіи, съ подпискою на 10 томовъ дополнительной серіи 18 р.

Подписка принимается при *Администраціи книжнаго магазина А. Черкесова и К^о* (Невскій пр., № 54) и въ книжныхъ магазинахъ: П. И. Мамонтова, *въ Москвѣ* (Кузнецкій мостъ д. Фирсанова) *въ С.-Петербурѣ* (Невскій пр., № 46).

Въ отдѣльной продажѣ (съ выдачею билета) цѣна тома назначена въ 1 р. 25 к., но при этомъ, даже покупая отдѣльные томики, получается билетъ, по которому послѣ уплаты за 13 отдѣльныхъ томовъ первой серіи (и за 6 томовъ дополнительной) по 1 р. 25 к., остальные одиннадцать выдаются бесплатно.

Отдѣльная продажа, безъ билета, за каждый томикъ 1 р. с.

Всѣ томики можно имѣть въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ съ приплатою 20 к. за переплетъ каждаго томика.

Вышедшіе томики этой серіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. и рекомендованы для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

винностей», говоритъ онъ, «ни даже потомки Гармодія и Аристогитона». Хорошо. «Одинаково не будетъ законнымъ раздавать подобныя льготы въ будущемъ». Какъ! Даже если снова явятся подобные люди? Осуждайте, какъ хотите прежнія дѣянія, но извѣстно ли вамъ также будущее? О, но вѣдь мы не можемъ ждать ничего подобнаго! Надѣюсь, что нѣтъ; но будучи людьми, наши слова и законы должны быть таковыми, чтобы не возмущать религіозное чувство; и мы, надѣясь на счастливую будущность и моля небо послать намъ ее, въ тоже время не должны забывать, что судьба каждаго человѣка подвержена случайностямъ. Будущее, я полагаю, невѣрно ни для кого изъ людей и маленькія причины порождаютъ иногда великія событія. Поэтому мы будемъ умѣренны въ счастья и покажемъ, что не теряемъ изъ виду будущее».

Можно сказать, что рѣчь эта имѣетъ очень современный отпечатокъ. Доводы ея были бы достойны современнаго государственнаго человѣка или дальновиднаго политика. Она спокойна и умѣренна и въ то же время чрезвычайно убѣдительна. Она достигла своей непосредственной цѣли и конечно упрочила за Демосеемъ репутацію одного изъ первыхъ политическихъ ораторовъ. Начиная съ этого времени, онъ вѣроятно уже не чувствовалъ ни робости, ни стѣсненія, обращаясь къ этой столь критической публикѣ—народному собранію въ Афинахъ.

ГЛАВА V.

РАННЯЯ РѢЧИ ДЕМОСФЕНА КАСАТЕЛЬНО ИНОСТРАННОЙ ПОЛИТИКИ.

Персія въ IV-мъ столѣтіи до Р. Х. была болѣе сильною державою, чѣмъ мы могли бы предположить по той сравнительной легкости, съ которою она была разрушена Александромъ. Великій царь, какъ онъ все еще назывался, обладалъ громадными средствами. Съ финансовой стороны онъ былъ несравненно сильнѣе греческаго міра, хотя его слабость въ военномъ отношеніи была уже не разъ доказана. Греки все еще продолжали относиться къ нему съ какимъ-то недоумѣвающимъ страхомъ. Онъ властвовалъ до извѣстной степени надъ обширнымъ государствомъ и держалъ его въ повиновеніи при помощи сатраповъ и вассальныхъ князей, несмотря на нерѣдкія, серьезныя возстанія. Ему пришлось, правда, въ прежніе дни, признать независимость азіатскихъ грековъ; но онъ все-таки признавался крупною силою въ греческой политикѣ, съ которою грекамъ не разъ случалось приходиться въ столкнове-

ніе. Въ общей сложности, въ немъ продолжали видѣть врага, хотя несчастное отсутствіе всякаго единодушія между государствами Греціи клонило къ ослабленію этого чувства и дѣлало всякое соединенное противодѣйствіе персамъ почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе все еще пробуждалось иногда смутное опасеніе, что, въ случаѣ сильнаго раздраженія, онъ въ состояніи раздавить въ одинъ прекрасный день весь греческій міръ подъ тяжестью несмѣтнаго нашествія варваровъ.

Въ 356 г. до Р. Х., во второй годъ войны аеинянъ съ возставшими союзниками, страхъ этотъ въ Аѣинахъ перешелъ въ настоящую панику. Греческіе полководцы, какъ мы видѣли, считали иногда удобнымъ для себя поступать на службу къ какому нибудь персидскому сатрапу изъ-за щедрой платы, на которую они могли увѣренно рассчитывать. Въ упомянутомъ году Харесъ начальствовалъ надъ флотомъ, посланнымъ Аѣинами для подавленія ея возставшихъ подданныхъ на островахъ Эгейскаго моря. Онъ могъ поистинѣ назваться искателемъ приключеній; когда онъ увидѣлъ, что не имѣетъ больше средствъ платить своимъ войскамъ, онъ на собственную отвѣтственность повелъ ихъ на помощь Артабану, сатрапу страны къ югу отъ Мраморнаго моря, возставшему противъ великаго царя. Артабанъ въ это время сильно нуждался въ помощи, но Харесъ одержалъ для него блестящую побѣду надъ царскими войсками и получилъ для себя и для своихъ солдатъ щед-

рое вознагражденіе. Поступокъ этотъ, само собою разумѣется, былъ вполне противозаконнымъ и вызвалъ сильное неодобреніе въ Аѣинахъ, но успѣхъ примирилъ ихъ съ нимъ. Персидскій царь, какъ и слѣдовало ожидать, пришелъ въ негодованіе и отправилъ пословъ въ Аѣины съ жалобами на это, ничѣмъ не вызванное нападеніе. Вскорѣ разнеслись слухи, что онъ готовится выслать флотъ въ 300 галеръ, чтобы поддержать возставшихъ союзниковъ и напасть на Аѣины. Всѣ пришли въ страшную тревогу. Миръ былъ немедленно заключенъ съ союзниками, но народное чувство клонилось въ пользу объявленія войны Персіи. Теперь, говорили, настало время воззвать къ чувству пангелленизма и попытаться соединить Грецію противъ ея стараго врага. Мы легко можемъ представить себѣ, что подобныя рѣчи находили отголосокъ во многихъ сердцахъ и могли показаться не только патріотическими, но и разумными.

Въ этомъ случаѣ Демосѣенъ снова считъ своею обязанностью воспротивиться. Онъ выразилъ свой протестъ въ рѣчи, сказанной имъ въ 354 г. до Р. Х. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ стоялъ на непопулярной сторонѣ. Сверхъ того, онъ имѣлъ противъ себя знаменитаго и искуснаго риторика Исократъ, доказывавшаго, въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, необходимость пангелленическаго союза противъ Персіи. Партія Эвбула, поддерживаемая многими ораторами и демаго-